И 159/227
v. 3

ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ НРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,

семейной и одинокой, Русскихъ дворянъ.

Une morale nue apporte de l'ennui,
Le conte fait passer le précepte avec lui.

LAFONTAINE.

Скучно сухое нравоученіе; но въ сказкѣ охотно его выслушаютъ.

Лафонтенъ

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

22-30491
ПУБЛ. Б-КА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА СССР

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 12 дня, 1832 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.

2007042696

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

ГЛАВА I.

« Un peintre veut personnifier la lai-
« deur; il en réunit tous les traits. Ce
« portrait peut ressembler à bien du mon-
« de, mais personne n'a le droit d'en
« désigner l'original. Il en est de même
« d'un peintre des mœurs.

Jour.

« Живописецъ хочетъ изобразить
« безобразіе; онъ собираетъ для
« сего всякія черты. Портретъ его
« можетъ походить на многихъ;
« но никто не имѣетъ права ука-
« зать подлинникъ. Тоже самое
« и съ живописцемъ нравовъ.

Жуи.

Въ назначенный день отправились всѣ обѣдать къ Фамусову, кромѣ Катерины,

которая отговорилась головною болью. Аглаевъ смѣшилъ дорогою Елисавету и Софью разсказами о предстоящемъ имъ обѣдѣ, и оригиналахъ, которыхъ встрѣтятъ они у Фамусовыхъ.

«Почтенная Каролина Карловна довольно скупа, и не имѣя никакихъ видовъ, даромъ, прашиться на обѣды не будетъ,» сказалъ Аглаевъ.

—Какіе-же виды можетъ она имѣть на насъ?

« А развѣ вы забыли, что у васъ есть братецъ, богатый женихъ, а у нея есть дочка? Можетъ быть, она имѣетъ отдаленные виды покороче познакомиться съ вами, и со временемъ войдти въ ближнее родство. Притомъ-же, вы Княгиня; у васъ есть знатные родные. Уже и одно то, чтобы имѣть удовольствіе сказать: «у меня обѣдала Княгиня Рамирская, у которой *такой-то* Князь, или Графъ, родня, а за мужемъ ея *столько-то* тысячь душъ» — уже и это имѣетъ свою привлекательность, и можетъ побудить

Фамусову на нѣкоторыя пожертвованія. Впрочемъ, она нигдѣ разсчетовъ своихъ не потеряетъ. Званые обѣды бываютъ у нея рѣдко. Въ такихъ торжественныхъ случаяхъ она приглашаетъ всѣхъ сосѣдей, и всѣхъ уѣздныхъ нашихъ чиновниковъ, безъ разбора: въ связи, или во враждѣ они между собою. Изъ наблюденій экономическихъ, и по многимъ опытамъ, ей извѣстно правило: ежели приготовленъ столъ на 40 человѣкъ, то 50 или 60 вѣрно могутъ быть сыты. У нея даромъ ничто не пропадетъ; поваренным искусствомъ она долго занималась сама, и повара не обманутъ ее ни на малѣйшую крошку. Все у нея опускается на вѣсъ; вездѣ найдете вы у нея благоразумную предусмотрительность и экономію. Вотъ примѣръ: фрукты ей ничего не стоятъ, и тѣ, которые не назначены для сбереженія впрокъ, вы можете кушать, сколько вамъ угодно, не приводя въ смятеніе чувствительнаго ея сердца. Но большая часть варенья, для

котораго покупается сахаръ, ставится на столъ только для парада, остается въ цѣлости, и обращается обратно въ кладовую. Я замѣтилъ, что одинъ ананасъ, и нѣсколько вареныхъ въ сахарѣ сливъ, уже разъ пять при мнѣ подавали. О винахъ дѣлается заблаговременное распоряженіе, и наистрожайше запрещено наливать полныя рюмки. Когда подносятъ вино, то приказано человѣку говорить названіе его, какъ можно скорѣе и невнятнѣе, такъ, чтобы гость не могъ разслушать, и не дожидаясь отвѣта, хочетъ или не хочетъ онъ, тотчасъ подавать другому. Одна вѣрная и усердная женщина обязана всѣ оставшіяся въ рюмкахъ вина и наливки, послѣ обѣда, сливать въ одну бутылку. Однажды мнѣ случилось обѣдать у нихъ запросто одному. Передъ хозяиномъ и передо мною поставили бутылку, на которой, съ удивленіемъ, прочиталъ я надпись: *Сливки*. Что это за вино? думалъ я; но мнѣ сдѣлалось было тошно, когда отвѣ-

далъ я эту ужасную бурду! Послѣ узналъ я, что *сливки* значатъ слитыя изъ рюмокъ въ одну бутылку разныя вина и наливки. Бѣдный Фамусовъ пьетъ эту мерзость, когда нѣтъ у нихъ никого гостей.»

Елисавета и Софья смѣялись отъ чистаго сердца разсказамъ Аглаева. «Можетъ быть, ты все это выдумалъ,» сказала Елисавета. » Но ты въ хорошемъ нравѣ теперь; опиши-же намъ, что и кого еще мы увидимъ у Фамусовыхъ. »

— Извольте— слушайте только, вѣрьте, и не думайте, чтобы я изобрѣталъ отъ себя, и говорилъ вамъ вздоръ.

— Оригиналовъ вездѣ много: и въ городахъ и въ деревняхъ, всѣхъ не пересчитаешь. Il n'y a point de cerveau, qui n'ait quelque travers (нѣтъ ума безъ какой нибудь глупости), сказалъ не помню какой-то Авторъ. Я опишу вамъ самыхъ знаменитыхъ въ здѣшней сторонѣ. Жаль, ежели вы не увидите нашего славнаго агронома, Петра Лукича Недосчетова. У него осталось послѣ отца хорошее,

устроенное имѣніе; но всѣ старинныя заведенія ему не нравились. Начитавшись и наслушавшись много разнообразныхъ сужденій о Политической Экономіи, къ несчастію, утвердился онъ въ томъ справедливомъ мнѣніи, что богатство народное состоитъ не въ однѣхъ деньгахъ, и что умъ человѣческій есть также капиталъ. Слѣдуя сему правилу, думалъ онъ, что ежели останется въ бездѣйствіи съ своимъ обширнымъ умомъ, то будетъ самымъ вреднымъ членомъ общества, и тотчасъ пустилъ въ ходъ свою *фальшивую монету*. Воображая, что имѣетъ всѣ отличныя способности къ оборотамъ, въ самомъ дѣлѣ достигнулъ онъ до того, что въ короткое время *обратилъ* большое свое имѣніе почти въ ничто. Мы съ нимъ какъ-то теперь разстались, а прежде были хорошо знакомы. Онъ часто разсказывалъ мнѣ о предпріятіяхъ своихъ. Казалось, все такъ хорошо разочтено на бумагѣ, все такъ ясно, и видно, что опъ предполагаемыхъ имъ

заведеній будутъ большія прибыли. Но, къ *несчастію*, во всѣхъ обширныхъ планахъ своихъ, *слона-то никакъ не могъ онъ замѣтить*. Проѣзжая, напримѣръ, черезъ Моршанскъ, видѣлъ онъ извѣстную въ тамошней сторонѣ, большую, водяную мѣльницу, устроенную славнымъ механикомъ, которая, по мѣстному положенію – потому, что тамъ пристань, и по изобилію въ водѣ, приноситъ значительный доходъ. Онъ снялъ планъ, записалъ размѣръ колесъ и жернововъ, и тотчасъ приступилъ къ постройкѣ такой-же мѣльницы у себя въ деревнѣ, употребилъ большой капиталъ, сдѣлалъ каменную плотину. Когда все было готово, тогда только сообразилъ онъ, что воды достанетъ — можетъ быть — не болѣе, какъ на два постава! Другой, столь-же разсчетливый его оборотъ состоялъ въ томъ, что онъ построилъ огромный заводъ, для выдѣлки сахара изъ свекловицы. Машины, печки, посуда, все было чудесно устроено. Въ этотъ заводъ употребилъ онъ

болѣе ста тысячь рублей; но прежде не подумалъ онъ: годится-ли его земля для произрастанія свекловицы? Тогда только сдѣланъ былъ имъ опытъ, и заводчикъ увѣрился, что грунтъ земли вовсе не годится для свекловицы, когда заводъ его былъ совсѣмъ готовъ!

«Еще должно сообщить вамъ нѣкоторые его подвиги, которые, право можно подумать, взяты цѣликомъ изъ Исторіи Абдеритовъ. Помните, года три тому, въ Надеждинѣ у маменьки, читали мы вмѣстѣ это прекрасное, остроумное сочиненіе Виланда, и ужасно хохотали? —Послушайте-же. Однажды собрался Г. Недосчетовъ на житье въ Петербургъ, и отправилъ туда, для многочисленной своей дворни и лошадей, муку, крупу и овесъ, на баркѣ. Послѣ передумалъ онъ, и остался зимовать въ Москвѣ, гдѣ никакого запаса у него не было. Онъ тотчасъ *распорядился*, чтобы хлѣбъ, доставленный въ Петербургъ, перевезли въ Москву. Управитель наси-

лу удержался отъ смѣха, узнавъ о такомъ *великудромъ распоряженіи*; но предусматривая большую выгоду для себя, и спакнувшись съ однимъ плутомъ подрядчикомъ, на другой день доложилъ, что проситъ по 5^ти^ рублей съ куля за перевозъ, и что подрядчикъ въ лакейской, то не угодно-ли будетъ поговорить съ нимъ? Долго торговался Недосчетовъ; наконецъ, подрядчикъ, *по знакомству, и только для него*, согласился взять по 3^р.^ 50^к.^ Недосчетовъ призвалъ къ себѣ Управителя. «Послушай, братецъ,» сказалъ онъ ему — «ты знаешь, что я люблю порядокъ и *аккуратность* въ дѣлахъ моихъ; притомъ-же въ хозяйствѣ не надобно упускать изъ виду никакихъ бездѣлицъ.» Онъ долго читалъ правоучительную лекцію о хозяйствѣ, и заключилъ приказаніемъ: написать съ подрядчикомъ условіе. Назавтра, другой подрядчикъ, узнавъ о такой *выгодной перевозкѣ*, явился утромъ къ Недосчетову, и объявилъ,

что онъ возметъ полтиною дешевле. Первый, съ которымъ уже было слажено, называя соперника своего плутомъ и неблагонадежнымъ человѣкомъ, *по знакомству* съ Недосчетовымъ опять рѣшился, *для него*, сбавить еще полтину. Другой сбавилъ еще полтину; шотъ спустилъ рубль; наконецъ, послѣдній подрядчикъ объявилъ, что онъ *не только за перевозку ничего не возметъ, но еще по полтинѣ на четверть прибавитъ*, обязываясь, все по количеству хлѣба, которое у Недосчетова въ Петербургѣ, сдать ему въ Москвѣ черезъ нѣсколько дней. «Постойте, постойте, братцы!» сказалъ Недосчетовъ. «Да отъ чего вы такъ вдругъ, не только сбавили цѣну, но еще мнѣ хотите приплатить?» — Да, помилуйте, Ваше Благородіе — сказалъ сгоряча послѣдній подрядчикъ — вѣдь въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, тремя, или четырьмя рублями хлѣбъ дороже, чѣмъ въ Москвѣ!

» Такъ постойте-же, братцы: по-

этому я самъ могу вамъ продать, а здѣсь купить!»... Наслу, наслу догадался! — Еще другой, такой-же прекрасный анекдотъ, и онъ можетъ доказать глубокую его ученость, и познаніе мѣстнаго положенія Россіи. Ему нужно было купить, каретныхъ, рослыхъ, лошадей десять, и еще также лошадей тридцать разгонныхъ, для псарей и охоты своей. Какъ, думаете вы, онъ распорядился? Каретныхъ, рослыхъ лошадей послалъ покупать къ Донскимъ Казакамъ, на Урюпинскую ярмарку, а разгонныхъ и охотничьихъ отправилъ покупать по заводамъ, во внутреннихъ губерніяхъ!

Вообще, этотъ великій экономъ чудесно управляетъ своимъ имѣніемъ: степныя деревни отпустилъ онъ на оброкъ, а подмосковныя обратилъ на пашню. Все ему хочется устроить на иностранный манеръ, и онъ завелъ фермы, дѣлаетъ безпрестанно опыты по книгамъ. Лишь только прочитаетъ что нибудь новое, тотчасъ у себя заводитъ, и, не

дождавшись успѣха, вновь перемѣняетъ, пашетъ, сѣетъ, убираетъ хлѣбъ по экономическимъ, иностраннымъ Журналамъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что онъ совершенно раззорилъ крестьянъ, и такъ усирошлъ дѣла свои, что вѣрно скоро останется безъ куска хлѣба.

« Въ противоположность ему, есть у насъ другой, такой-же *оригиналъ*, помѣщикъ Заживинъ. Тотъ ни за что не хочетъ ввести у себя никакой перемѣны въ хозяйствѣ. У него все такъ-же идетъ, какъ шло за 50 лѣтъ назадъ. Онъ вѣритъ, что большой грѣхъ сѣять картофель: этого *Нѣмецкаго* заведенія не знали наши дѣды, и намъ оно не нужно, по его мнѣнію. Возстаетъ онъ также противъ молотильныхъ машинъ и вѣялыницъ. У него до сихъ поръ, когда надобно послать въ городъ, или куда-бы то ни было, берутъ, безъ всякой очереди, крестьянскія подводы. Домашняго запаса, коровъ, птицъ, овецъ — ничего не заведено; все, что нужно для стола, беретъ его по-

варъ, безъ счета, сколько ему захочется, съ перваго крестьянскаго двора. До сихъ поръ возятъ къ нему изъ степныхъ деревень, когда онъ живетъ въ Москвѣ, всякій вздоръ, за который иногда можно заплатить на мѣстѣ менѣе того, что бѣдный его крестьянинъ истратитъ дорогою на подводу. Работа производится у него безъ толку, и хотя беспрестанно отнимаетъ онъ дни у крестьянъ, но всегда противъ другихъ сосѣдей опаздываетъ. У него есть довольно большая деревня, недалеко отсюда, въ которой онъ рѣдко бываетъ. Умора, что съ нимъ дѣлаетъ прикащикъ, крѣпостной его человѣкъ, получающій отъ помѣщика жалованья по десяти рублей въ годъ! Онъ безсовѣстно обворовываетъ его, притѣсняетъ мужиковъ, беретъ съ нихъ взятки, и живетъ на краденыя деньги прекрасно. Въ комнатахъ у него зеркала, и мебель краснаго дерева; одѣтъ онъ всегда щегольски, и экипажъ у него чудесный. Но

лишь только узнаетъ, что скоро будетъ помѣщикъ — о чемъ всегда предувѣдомляетъ его родной братъ, каммердинеръ барскій — тотчасъ мебели всѣ вонъ, экипажъ и лошадей отсылаетъ по сосѣдству, къ какому нибудь пріятелю, надѣваетъ на себя нагольный тулупъ, или запачканный нашковый сюртукъ, подпоясывается веревочкою, и приворяется совершенно нищимъ. Ходя за барщомъ по хозяйству, подбираетъ онъ всякій клочекъ сѣна, а на гумнѣ упавшіе съ возовъ, или изъ скирдовъ, колосья. Помѣщикъ въ восторгѣ отъ его усердія. Оба антипода наши другъ друга терпѣть не могутъ, а раззорили крестьянъ своихъ равно: одинъ онъ излишней привязанности къ новому, другой отъ излишняго предубѣжденія къ старинѣ.

Обоимъ имъ, и даже всѣмъ намъ, мѣлочнымъ хозяевамъ, должно-бы взять въ примѣръ общаго сосѣда нашего Свѣтланина. Этотъ почтенный человѣкъ не вводитъ у себя безъ разбора всякой но-

вости, но и не держится слѣпо старины. Ежели узнаетъ онъ что либо полезное въ хозяйствѣ, то не вдругъ перемѣняетъ старое, а прежде сдѣлаетъ небольшіе опыты, и, увѣрясь въ настоящей пользѣ какого нибудь новаго изобрѣтенія, или усовершенствованія, постепенно вводитъ его у себя въ деревняхъ. У него небольшое имѣніе, и въ разныхъ губерніяхъ; онъ соображается съ мѣстнымъ положеніемъ и удобностями каждаго. Гдѣ мало земли, а много рукъ, тамъ устроилъ онъ фабрики; напротивъ, въ степныхъ мѣстахъ никакихъ заведеній, кромѣ землепашества и скотоводства, не имѣетъ. Во всемъ у него отличный порядокъ; ни одного дня у крестьянина онъ не отнимаетъ; все дѣлается въ свое время, все у него идетъ, какъ заведенные часы. Отъ того, и самъ онъ получаетъ большіе доходы, и крестьяне его всѣ въ прекрасномъ положеніи. Всего забавнѣе то, что оба оригинала, о которыхъ

я вамъ разсказывалъ, Недосчетовъ и Заживинъ, смѣются надъ нимъ, все у него критикуютъ, и называютъ его — одинъ *старовѣромъ* въ хозяйствѣ, а другой безтолковымъ *модникомъ*. Разнообразныхъ чудаковъ у насъ множество. Повторяю: всѣхъ не перечитаешь, а мнѣ кажется, я и такъ уже надоѣлъ вамъ своимъ болтаньемъ. —

«Напротивъ, мы съ большимъ удовольствіемъ слушаемъ тебя,» отвѣчала Елисавета. «Сдѣлай одолженіе, продолжай: скажи, кого мы еще увидимъ у Фамусовыхъ?»

— Я не знаю, отъ чего пришла мнѣ въ голову басня Крылова, которая оканчивается словами:

О взяткахъ Климычу читаютъ,
А онъ ....., киваетъ на Петра —

сказала, съ усмѣшкою, Софья. —

«То есть, ты, можетъ быть, и меня самаго причисляешь къ оригиналамъ, которыми изобилуетъ здѣшняя сторо-

на? — отвѣчалъ засмѣявшись Агласвъ. — «Вотъ, смиренница, изподлишка, изволишь отпускать такія злыя эпиграммы!» — Нѣтъ, я совсѣмъ не на твой счетъ говорю — сказала, также со смѣхомъ, Софья. — Но, продолжай, продолжай; до сихъ поръ, я даже не подозрѣвала въ тебѣ такой способности разсказывать.

«Къ числу знаменитыхъ оригиналовъ присоединить должно двоюроднаго брата моего, Ашуева — продолжалъ Агласвъ. — Онъ былъ въ отчаяніи, и чрезвычайно критиковалъ постановленіе, которымъ запрещено ѣздить весною на охоту. Доказательства его прошивъ этого, столь справедливаго и благоразумнаго распоряженія, были очень забавны. «Что-же дворянину прикажутъ дѣлать весною, въ деревнѣ, запретивъ ѣздить на охоту?» сказалъ онъ мнѣ. — Я на смѣхъ отвѣчалъ, что еще много оставлено благородныхъ и полезныхъ занятій дворянамъ: не запрещено

ловить пѣвчихъ и хищныхъ птицъ, и звѣрей. Сверхъ того, продолжалъ я, имѣешь ты все право ловить кротовъ, мышей, также и рыбу, разными средствами. — «Да, это и въ самомъ дѣлѣ справедливо, а мнѣ было и въ голову не пришло!» сказалъ съ важностію Ашуевъ. — Послѣ нашего разговора онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу: всю весну провелъ въ лѣсу, и въ ржаномъ полѣ, на ловлѣ соловьевъ и перепелокъ, прекрасно научился подманивать птицъ на свистокъ, и потомъ искусно накрывать ихъ сѣтьми. Когда кончилось время этой забавы, онъ приступилъ къ ловлѣ рыбы; по нѣскольку часовъ сиживалъ онъ, не сходя съ мѣста, съ удочкою, у пруда своего, и былъ чрезвычайно доволенъ, когда попадалось ему нѣсколько карасей, или плотвы. Между тѣмъ, хозяйство его идетъ косякъ: всего урожая овса недостаетъ ему для собакъ и охотничьихъ лошадей. Прикащикъ его дѣлаетъ, что хочетъ,

и въ глазахъ его раззоряетъ крестьянъ. Атуеву нѣкогда выслушивать жалобы, и входишь въ разбирательства. Наступленіе осени есть самое торжественное время во всей полезной его жизни. Съ упренней до вечерней зари не сходитъ онъ съ лошади, и истребивъ кругомъ себя всѣхъ зайцевъ, отправляется въ отъѣзжія поля, иногда верстъ за двѣсти, оставляетъ жену и дѣтей мѣсяца на два — и почти всякій годъ платитъ за страсть свою сильною болѣзнью. Нѣсколько лѣтъ тому, онъ ужасной простуды и усталости въ отъѣзжемъ полѣ, сдѣлалась у него горячка, и онъ былъ на краю гроба. Жена его прислала ко мнѣ, съ нарочнымъ, объявить, что мужъ ея въ опасности. Я поскакалъ тотчасъ къ нимъ, и черезъ нѣсколько дней, когда Атуеву сдѣлалось гораздо лучше, вздумалось мнѣ уговаривать его, что онъ долженъ умѣрить безразсудную страсть свою къ охотѣ, отъ которой, уже нѣсколько разъ, бывалъ въ

опасности преждевременно лишиться жизни. Какъ-то разгорячась пришомъ, промолвилъ я, что желалъ-бы всѣмъ собакамъ его чумы, или чтобы любимую его собаку, Потѣшку, которая имѣла всегдашнее пребываніе въ его спальнѣ, кто нибудь укралъ. Слѣдствіемъ моихъ увѣщаній было то, что онъ взбѣсился, хотѣлъ выгнать меня изъ дома, и чуть не прибилъ. Насилу могъ я его успокоить, говоря, что это была шутка. Долго и послѣ того сердился онъ на меня за мои беззаконныя желанія.

«Славный здѣшній ябедникъ, Иванъ Михеевичъ Праволовъ, недавно окончилъ жизнь. Онъ, съ судьею Криводушинымъ, и секретаремъ Хваталикимъ, которые подвизаются теперь за похвальные подвиги въ Перчинскѣ, въ каторжной работѣ, завоевалъ всю здѣшнюю страну. Что они позволяли себѣ, и до какой наглости простирались крючкотворство и ябеда ихъ, это превосходитъ всякое вѣроятіе! Вотъ вамъ примѣръ: въ об-

цемъ совѣщаніи положили они, чтобы Праволовъ подалъ просьбу на извѣстнаго здѣшняго помѣщика Простосердова (у котораго большая фабрика, и другія заведенія), что онъ завладѣлъ его имѣніемъ, и что Праволовъ будетъ отыскивать свое право законнымъ порядкомъ, а покамѣстъ, для сбереженія отъ расхищеній его собственности, проситъ учредить опеку, и Простосердову запретить распоряжать имѣніемъ, не взирая на то, что дѣдъ, отецъ его и самъ онъ, болѣе 20-ти лѣтъ, владѣли безспорно, и что Праволовъ никакого родства и, рѣшительно, никакого права и притязанія имѣть не могъ. Тотчасъ по просьбѣ его заключили: взять все въ опеку, и Простосердову воспретить распоряженіе собственностью. Такое беззаконное опредѣленіе привело Простосердова, по оборотамъ его фабрики, въ самое затруднительное положеніе. Хотя онъ подавалъ просьбу, и объяснялъ, что Праволовъ ни въ какомъ отношеніи

не имѣетъ права оспоривать у него владѣніе наслѣдственнымъ имѣніемъ; но ему отвѣчали, что Праволовъ предъявитъ права свои узаконеннымъ порядкомъ, а до тѣхъ поръ не льзя отказать ему, и имѣнія, имъ отыскиваемаго, не обеспечить отъ расхищенія; что тяжебное дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ, и, можетъ быть, продолжится нѣсколько лѣтъ, но до рѣшительнаго окончанія опеки снять не льзя. Бѣдный Простосердовъ привыкъ жить всегда въ деревнѣ, отъ роду процессовъ никакихъ не имѣлъ, и съ ужасомъ воображалъ, какія непріятности могутъ предстоять ему на терпеломъ пути ябеды! Вмѣстѣ съ тѣмъ сообразилъ онъ, что пока дѣло его достигнетъ до высшаго Правительства, и имѣніе его, по суду, будетъ ему возвращено, онъ понесетъ значительный убытокъ, отъ того, что производство работъ на фабрикѣ остановится, или пойдетъ не такъ, потому, что онъ лишенъ права

наблюдать самъ. Все это побудило его согласиться на предложеніе подосланнаго къ нему соумышленника этихъ наглыхъ бездѣльниковъ: заплатить нѣсколько десятковъ тысячъ Праволову, и заключить съ нимъ *мировую*. Удача въ этомъ мошенничествѣ дала смѣлость пуститься на новыя козни. Опять Праволовъ и товарищи его сдѣлали условіе между собою, чтобы у одной здѣшней помѣщицы, бездѣтной и безгласной вдовы, Свенельдовой, отнять, просто безъ всякихъ хлопотъ, довольно значительное имѣніе. Праволовъ предъявилъ, фальшиво составленную имъ, купчую на имѣніе этой вдовы, которое будто-бы продано ему какимъ-то Скалозубомъ — вѣроятно, лицомъ вымышленнымъ. Въ купчей сказано было, что имѣніе поступило во владѣніе Скалозуба, по продажѣ отъ Свенельдовой, такого-то года и числа. Тотчасъ, безъ дальнихъ околичностей, Праволовъ былъ введенъ во владѣніе, а Свенельдовой объявлено, чтобы она

отправлялась, куда сй угодно. Тщетно говорила она, что никогда имѣнія своего не продавала. Ей сказали, что она можетъ отыскивать свое право законнымъ порядкомъ, подавъ просьбу на Скалозуба, если онъ продалъ непринадлежащее ему имѣніе; но что теперь деревня ея принадлежитъ уже Праволову. Кто этотъ Скалозубъ? Гдѣ его отыскивать? Куда, и какъ ѣхать слабой женщинѣ, не имѣющей никакого покровительства? — Нѣсколько добрыхъ сосѣдей приняли участіе въ горестномъ ея положеніи, написали просьбу, сдѣлали складчину, и отправили ее; но отъѣхавъ нѣсколько станцій, она занемогла; горесть отъ потери послѣдняго куска хлѣба, и слабость здоровья, привели ее скоро ко гробу, и она умерла въ дорогѣ.

Я разсказываю вамъ самыя главныя черты злодѣйствъ этого крючкотворца; но обыкновенныхъ его мошенничествъ исчислить не льзя: сколько, напримѣръ,

отнялъ онъ земли у сосѣдей; какъ часто являлись у него, при слѣдствіяхъ и повальныхъ обыскахъ, поселенія, на такихъ земляхъ, которыя никогда, и ни по какому праву ему не принадлежали, и проч. и проч., то есть, все, что только ябеда и крючкотворство могутъ выдумать самаго утонченнаго! Русская пословица однакожъ справедлива: сколько вору ни воровать, а висѣлицы не миновать.— Беззаконныя дѣла открылись: Криводушинъ и Хваталкинъ были преданы строжайшему уголовному суду, и получили должное возмездіе. Праволовъ избѣгалъ взятія подъ стражу новымъ, имъ-же самимъ изобрѣтеннымъ средствомъ. У него была деревня, на самой границѣ одной губерніи съ другою. Лишь только, по повелѣнію Начальства, готовились брать его, онъ поспѣшалъ, бывъ вѣроятно предупреждаемъ, переправлялся, въ своей-же деревнѣ, на другую сторону рѣки, которая служила границею между обѣими губер-

піями. Судъ не имѣлъ власти дѣйствовать внѣ своего округа, и бралъ подписку, что помѣщикъ отправился въ такую-то сосѣдственную губернію. Относились туда, чтобы захватить его и представить къ суду; но Праволовъ опять употреблялъ тоже средство, переправлялся черезъ рѣку, и его въ этой губерніи не находили. Нѣсколько разъ маневрировалъ онъ такимъ образомъ. Когда-же приняты были всѣ сильнѣйшія мѣры, чтобы непремѣнно захватить его, онъ умѣлъ такъ устроить, что его показали умершимъ, и онъ *прожилъ* еще нѣсколько лѣтъ *мертвымъ*. Но всему бываетъ конецъ — и онъ свершилъ достославное свое поприще. *Въ самомъ дѣлѣ* умеръ онъ, оставивъ сыну большое, столь *законно-пріобрѣтенное* имѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ множество еще нерѣшенныхъ, тяжебныхъ дѣлъ. Молодаго Праволова, вѣроятно, мы увидимъ у Фамусовыхъ. Вы тотчасъ узнаете его по особеннымъ ужимкамъ, по низкимъ

поклонамъ, по услужливости, и необыкновенной вѣжливости съ Судьею, Засѣдателями и Секретаремъ. Всѣхъ ихъ мы здѣсь увидимъ.

Но и самъ покойный Праволовъ попалъ однажды на молодца, который жестоко смирилъ его. До сихъ поръ помнятъ и разсказываютъ здѣсь чудеса объ Игнашѣ Кондрашьевичѣ Буяновѣ. Этотъ великодушный разбойникъ игралъ здѣсь нѣсколько лѣтъ роль Шиллерова Карла Моора, былъ заступникомъ невинно-притѣсненныхъ, возставалъ противъ неправосудія и ябеды; но онъ употреблялъ средства самоуправства, и у него было не болѣе и не менѣе, какъ сто восемьдесятъ уголовныхъ дѣлъ. Впрочемъ, онъ былъ довольно богатъ, тихаго поведенія, не пилъ ничего, много дѣлалъ добра, но имѣлъ свои особенныя странности и страсти. Честолюбіе его заключалось въ томъ, чтобы всѣ говорили о гоненіи его на ябедниковъ и крючкотворцевъ, и что ни у кого

нѣтъ лучше его псовой охоты: онъ готовъ былъ на всѣ возможныя пожертвованія, для удовлетворенія симъ страстямъ. Сверхъ того, при всемъ богатствѣ и готовности на пособіе неимущимъ, и при всемъ желаніи, чтобы вездѣ прославляли справедливость и безпристрастіе его, имѣлъ онъ какую-то непостижимую страность — покровительствовать бѣглецамъ: у него было имъ безопасное прибѣжище. — Какъ онъ, *по своему*, заступился за бѣдную Свенельдову, и принудилъ Праволова возвратить похищенное имъ имѣніе, это стоитъ того, чтобы разсказать вамъ, въ доказательство, на какія крайности можетъ рѣшиться взбалмошный человѣкъ. Узнавъ о подвигахъ Праволова, тотчасъ, со всею командою своею, состоявшею человѣкъ изъ пятидесяти псарей, конюховъ, и кучеровъ — пьяницъ, готовыхъ на все по приказанію барина — явился Буловъ къ Свенельдовой. Онъ засталъ ее въ слезахъ, передъ са-

мымъ отъѣздомъ изъ деревни, откуда выгонялъ се повѣренный Праволова. Буяновъ предложилъ ей свои услуги, и давалъ честное слово, что не далѣе, какъ черезъ три дня, Праволовъ не только возвратитъ имѣніе, но уплатитъ всѣ убытки, и никогда болѣе безпокоить се не будетъ. Свенельдова отъ роду въ глаза не видывала этого великодушнаго защитника, но слышала о дѣлахъ его, и боялась ввѣрить ему свою судьбу. Она отвѣчала, что съ пособіемъ сосѣдей ѣдетъ искать правосудія, и не можетъ воспользоваться его предложеніемъ. Учтиво отвѣчалъ Буяновъ, чтобы она дѣйствовала, какъ хочетъ, но что и онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, не смотря на отказъ, оказать ей услугу и возвратить имѣніе. Свенельдова уѣхала, а Буяновъ, со всею своею свитою, расположился въ ея домѣ, призвалъ къ себѣ повѣреннаго Праволова, и послалъ его сказать своему довѣрителю, чтобы онъ добровольно

но, безъ всякихъ хлопотъ, возвратилъ имѣніе; что ему даютъ сроку только до 6-ти часовъ завтрашняго утра; но когда, ровно въ этотъ часъ, не получатъ отъ него отвѣта, то чтобы онъ не пенялъ, ежели ему не понравятся мѣры, которыя предпримутъ намѣрены.

На другой день, рано утромъ, Буяновъ проснулся, одѣлся, и, не получая никакого отвѣта отъ Праволова, ровно въ 6-ть часовъ велѣлъ стремянному своему подать знакъ въ рогъ. Псари его были намеплаы, знали, что кто первый явится на призывъ барина, тотъ получаетъ награжденіе, а послѣдній нѣсколько ударовъ арапникомъ изъ господскихъ рукъ. Въ нѣсколько минутъ лошади были осѣдланы, собаки взяты на свору, и все явилось передъ крыльцомъ дома. Буяновъ отправился съ своею командою въ деревню Праволова, верстахъ въ 5-ти отъ Свепельдовой. Подъѣзжая туда, захватилъ онъ крестьянина, бывшаго на пашнѣ, и приказалъ

ему быть проводникомъ прямо на господское поле. Имѣніе Праволова было значительное; онъ самъ жилъ въ этой деревнѣ, и имѣлъ большую запашку; но слишкомъ 400 собакъ, и лошадей до 70-ти, въ самое коротное время, весь господскій хлѣбъ, озимый и яровый, такъ вытоптали, что Праволову не много было хлопотъ послѣ ихъ убирать и возить въ гумно. Въ тоже время, до крестьянскихъ полей Буяновъ отнюдь не велѣлъ прикасаться. Ошибкою какъ-то попалась одна крестьянская десятина въ общее истребленіе. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ хозяина, и тотчасъ заплатилъ ему 100 рублей. Вытоптавъ такимъ образомъ весь хлѣбъ у Праволова, приказалъ онъ вести себя на господскіе сѣнокосы: тамъ также все истребилъ; потомъ отправился къ господскому дому. Лугъ, засѣянный клеверомъ, передъ самыми окнами дома, въ нѣсколько минутъ былъ уничиженъ. Въ саду, куртины съ цвѣтами —

словомъ, все было истреблено въ глазахъ помѣщика. Тщетно высылалъ Праволовъ прикащика своего, прежде угрожать, а потомъ уже просить пощады. Буяновъ отвѣчалъ, что онъ предупреждалъ, и предлагалъ добровольно помириться, и отдать имѣніе Свенельдовой, но что теперь уже поздно, и нынѣшній день свершивъ онъ все то, что расположился, а ежели завтра, въ 8-мь часовъ вечера, не получитъ удовлетворительнаго отвѣта, то чтобы ожидали еще худшаго. Притомъ велѣлъ онъ сказать, что нарочно за тѣмъ даетъ такъ много срока, чтобы Праволовъ сей часъ ѣхалъ въ городъ, свершилъ-бы формальный актъ на возвращеніе имѣнія Свенельдовой, и что онъ будетъ ожидать не далѣе, какъ ровно до 8-ми часовъ вечера, а по прошествіи сего времени возобновитъ свои дѣйствія, и тогда уже ничто его не остановитъ сдѣлать все, что онъ предпринялъ на завтрашній день.

Свершивъ славный подвигъ сей, Буяновъ приказалъ собрать своихъ собакъ, и торжественно отправился назадъ въ деревню Свенельдовой. На другой день велѣлъ онъ сдѣлать сходку крестьянъ ея, приказалъ имъ продолжать работу на ихъ барыню, по прежнему, и во всемъ слушаться старосты. Послѣ сего, до 8-ми часовъ вечера онъ отдыхалъ на лаврахъ. Между тѣмъ Праволовъ успѣлъ уже подать просьбу въ уѣздномъ городѣ, и Земскій Судъ пріѣхалъ для слѣдствія о *потравѣ*. Но и Буяновъ, вѣрный своему слову, въ 8-мь часовъ вечера явился тайно, со всѣми псарями и конюхами своими, въ имѣніе Праволова, и скрылся въ близь лежащемъ отъ деревни лѣсу. Избравъ пятнадцать человѣкъ отчаянныхъ головорѣзовъ своихъ, онъ велѣлъ имъ, тотчасъ, какъ только смеркнется, зажигать одно за другимъ всѣ господскія строенія и заведенія. Начать велѣлъ онъ съ риги и гумна, и коль скоро бросится туда народъ,

поличась зажигать фабрику; когда побѣгутъ куда съ гумна, поджечь конюшни, анбары и скотный дворъ; послѣ того тоже сдѣлать съ господскимъ домомъ. Разсказавъ каждому, какъ поступать, снабдилъ онъ ихъ горючими веществами, и самъ выѣхалъ на одно возвышеніе — ожидать и смотрѣть, когда будутъ приведены въ дѣйствіе его распоряженія. Все исполнено было въ точности: онъ видѣлъ, какъ сперва загорѣлось гумно; ударили въ набатъ, весь народъ, самъ Праволовъ и гости его, бросились туда. Но лишь только успѣли добѣжать, запылала фабрика. Она была дороже гумна, и Праволовъ кинулся на фабрику, но, не успѣвъ и добѣжать, увидѣлъ, что горитъ конюшня. Онъ былъ большой охотникъ, и употребилъ значительный капиталъ на конный заводъ. Все кинулъ онъ, и спѣшилъ спасать лошадей своихъ. Но въ тоже время загорѣлся скотный дворъ: штукъ до тысячи отличныхъ мериносовъ долж-

ны были сдѣлаться жертвою огня. Праволовъ былъ въ отчаяніи, не зналъ, что ему дѣлать, и среди сего смятенія увидѣлъ, что и господскій домъ его горитъ. Это было ему дороже всего: тамъ хранилось у него нѣсколько сотъ тысячъ рублей чистыми деньгами, ломбардными билетами и векселями. Праволовъ побѣжалъ спасать, что ему было дороже всего въ мірѣ — любезную шкатулку свою. Тутъ явился Буяновъ, со всѣми остальными людьми своими, заблаговременно назначивъ, кому что дѣлать. Иные командированы были къ конюшнямъ — гнать въ огонь всѣхъ лошадей, которыхъ успѣвали спасти; иные самое велѣлъ онъ въ разсужденіи мериносовъ и рогатаго скота. Другимъ велѣно было помогать дворовымъ людямъ выносить ихъ собственное имущество, а нѣкоторымъ, напротивъ, приказалъ Буяновъ все, что спасутъ изъ господскаго дома, кидать снова въ огонь. На двухъ, самыхъ отличнѣйшихъ забіякъ

возложилъ онъ особенную обязанность: отыскать и привесть къ нему Праволова. Всѣ люди Буянова были вооружены съ ногъ до головы, и щепно было-бы сопротивленіе; притомъ-же, всякій старался спасать отъ огня свое имущество. Къ счастію, Праволовъ успѣлъ вынесть и сохранить любезную шкатулку, догадываясь, что пожаръ есть слѣдствіе обѣщанія Буянова, и не бывъ ни кѣмъ примѣченъ, успѣлъ бросить ее въ колодецъ, по близости дома. Вскорѣ послѣ сего, люди Буянова отыскали его, и повлекли заворотъ къ трибуналу грознаго и ужаснаго судьи. Буяновъ велѣлъ связать ему руки и ноги, и бросить его на землю, подлѣ себя; такимъ-же образомъ переловилъ и перевязалъ онъ чиновниковъ Земскаго Суда, и прочихъ гостей, бывшихъ у Праволова, и до тѣхъ поръ не тронулся съ мѣста, пока всѣ господскія строенія и заведенія, также все имущество Праволова не сгорѣло. Тогда поль-

ко подалъ онъ голосъ въ охотничью трубу свою, чтобы всѣ люди собирались. Онъ велѣлъ имъ Праволова, со всею компаніею, везти въ деревню къ Свенельдовой. По прибытіи туда началъ шѣмъ, что Праволову, собственными руками, далъ ударовъ пятьдесятъ охотничьимъ арапникомъ своимъ, и заставилъ его подписать, приготовленный напередъ, актъ, по которому отказывался Праволовъ отъ имѣнія Свенельдовой, и обязывался заплатить ей всѣ убытки. Подъ арапникомъ Буянова, Праволовъ готовъ былъ подписать все на свѣтѣ; компаньоны его, угрожаемые тою-же участію, не поколебались ни одной минуты подписаться свидѣтелями. Послѣ сего отпустилъ ихъ Буяновъ домой, предупреждая, что ежели кто либо изъ нихъ осмѣлится, не только подать на него жалобу, но произнесть хоть слово о происшедшемъ, то нигдѣ отъ него не укроется. Праволова поставлялъ онъ имъ въ примѣръ, ибо — говорилъ Буяновъ —

Праволову очень убѣдительно было доказано, что Буяновъ умѣетъ исполнять свои обѣщанія. На другой день послалъ онъ нарочнаго отыскать Свенельдову, и доставить примирительный актъ, заключенный за нее съ Праволовымъ, а самъ съ командою своею отправился домой. Но посланный Буянова нашелъ Свенельдову при смерти больною. Она успѣла однакожъ сдѣлать свои распоряженія. Наслѣдники ея получили имѣніе, и всѣ убытки отъ Праволова, который имѣлъ счастіе отыскать въ цѣлости почтенную свою шкатулку, и до конца жизни никогда не говорилъ ни слова, хотя не могъ равнодушно слышать имени Буянова. Великодушный разбойникъ этотъ получилъ наконецъ должное возмездіе за подвиги свои: былъ осужденъ въ послѣдствіи времени, и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ жизнь. Но, по крайней мѣрѣ, оставилъ онъ нѣсколько людей, которые иногда вспоминали объ немъ съ благодарностію, когда, напроказивъ, имя прав-

ственнаго разбойника и душегубца Праволова проклинается до сего времени.

Я все описывалъ вамъ уродовъ и оригиналовъ мужескаго пола — продолжалъ Аглаевъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ общаго молчанія и задумчивости, происшедшей отъ непріятнаго чувства при разсказѣ о злодѣйствахъ лбедниковъ, крючкотворцевъ, и самовольныхъ необузданныхъ сумасбродовъ. — Теперь надобно васъ немного развеселить, описавъ одну оригинальную особу женскаго пола.

«Напрасный трудъ!» отвѣчала Софья. «Мы и безъ тебя ихъ знаемъ. Зависть, злословіе, кокетство, глупость и низость нѣкоторыхъ здѣшнихъ дамъ, которыхъ мы будемъ имѣть честь видѣть у Фамусовыхъ, и безъ тебя намъ извѣстны.»

— Нѣтъ: той, о которой я хочу вамъ разсказать, вы вѣрно не знаете; она не всегда живетъ въ нашемъ уѣздѣ. Сло-

вомъ: слыхали-ли вы что нибудь о знаменитой дѣвицѣ *Розачкиной?*

«О Розачкиной я что-то слыхала еще въ дѣтствѣ,» сказала Елисавета. «Она заводила какой-то Институтъ, или Пансіонъ, и я помню, что матушкѣ совѣтовали отдать насъ къ ней. Но болѣе я ничего не знаю; разскажи намъ объ ней.»

— Маргарита Савишна Розачкина, наша провинціяльная *мадамъ Жанлисъ*, какъ здѣсь ее называютъ, дѣвушка уже довольно взрослая: ей лѣтъ слишкомъ пятдесятъ. Вы вѣрно слыхали, въ чѣмъ заключалось въ старину воспитаніе дѣвушекъ по деревнямъ. Простакова, въ безсмертномъ *Недорослѣ* Фонъ Визина, восклицаетъ: «*Вотъ какія времена!* «*Дѣвушки грамотѣ знаютъ, дѣвушки пись-* «*ма получаютъ, и сами ихъ умѣютъ пи-* «*тать!*» — Дѣйствительно: въ то время познаніемъ Русской грамоты и бряцаньемъ на гусляхъ ограничивалось все ученіе дѣвушекъ. Мать Розачкиной была

изъ числа первыхъ воспитанницъ Смольнаго монастыря, при самомъ началѣ сего заведенія. Она кое-что знала, и сама выучила дочь свою читать и писать по Французски, и играть на фортепіано. — Этого было довольно, чтобы прослыть чудомъ учености, и возбудить удивленіе въ сосѣдяхъ. Впрочемъ, Маргарита Савишна, въ самомъ дѣлѣ, имѣла большія способности, понятливость, острый умъ, и сильную охоту учиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла также чрезвычайное самолюбіе. Похвалы родителей и родныхъ заставили ее думать о себѣ, что нѣтъ умнѣе и просвѣщеннѣе ея во всей вселенной. Въ сихъ мысляхъ вступила она, еще съ юныхъ лѣтъ, на поприще Словесности. Ея стихотворенія были напечатаны въ нѣкоторыхъ старинныхъ Журналахъ, и увеличили удивленіе и уваженіе сосѣдей, которымъ *печатный всякій листъ казался быть святымъ*. Поощренная симъ общимъ одобреніемъ въ здѣшней сторонѣ, Маргарита Савишна, вмѣсто того,

чтобы болѣе и болѣе учиться, и совершенствовать природныя свои способности, думала, что она все знаетъ, и писала неутомимо обо всѣхъ предметахъ. Разумѣя плохо по Французски, и совсѣмъ не зная по Латинѣ, она очень часто употребляла, совсѣмъ не кстати и въ прошивномъ смыслѣ, эпиграфы и ссылки на Латинскомъ языкѣ. Предназначеніе человѣка — безпрерывно усовершенствоваться, въ хорошемъ, или дурномъ. Такимъ образомъ и Маргарита Савишна дѣлалась часъ отъ часу смѣшнѣе и несноснѣе своимъ педантствомъ, и требованіемъ на ученость, отдаляла отъ себя женховъ, и состарѣлась, въ ожиданіи, что кто нибудь изъ извѣстныхъ Литераторовъ влюбится въ нее заочно, по прекраснымъ ея стихамъ, и предложитъ ей руку въ Посланіи. Теперь, сочинивъ *Послѣднее приношеніе Музамъ*, кажется, она уже перестала писать, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ давно ничего изъ новѣйшихъ ея стихотворений не

попадалось; но остались въ ней надмѣнность, педантство, и страстная охота безпрестанно говорить. Я увѣренъ, что вы тотчасъ ее узнаете, по странному ея чепчику, неопрятности, замаранному табакомъ платью, и безпрерывному болтанью. Она очень извѣстна въ здѣшней сторонѣ; всякій держится отъ нея въ отдаленіи, опасаясь, что она заговоритъ до смерти. Теперь отыскиваетъ она *неопытныхъ и незнакомыхъ*. Предупреждаю васъ: возьмите ваши мѣры, не подходите къ ней, и не садитесь близко подлѣ нея, или послѣ будете раскаяваться! Впрочемъ, надобно ей отдать справедливость: она хорошо употребляетъ имѣніе свое, дѣлаетъ много добра, помогаетъ бѣднымъ, и воспитываетъ у себя въ домѣ много сиротъ. Только и въ этомъ видна ея неловкость и странность! Беретъ она, большею частію, самыхъ бѣдныхъ, и вмѣсто того, чтобы дать имъ воспитаніе, сообразное съ тѣмъ родомъ жизни, который предстоитъ имъ

при вступленіи въ супружество, она учитъ и содержитъ ихъ, какъ знатныхъ барышенъ, не пріучаетъ ни къ какимъ рукодѣльямъ и хозяйственнымъ занятіямъ. Воспитанницы Розачкиной живутъ у нея въ изобиліи, даже роскошно, и теперь уже нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались несносными и ни къ чему не способными женщинами. Я замѣчаю однакожъ, что надоѣлъ вамъ обѣимъ. Софья Васильевна зѣваетъ, слѣдовательно, я и самъ сдѣлался очень похожимъ на Маргариту Савишну, о которой теперь разсказывалъ вамъ.

« Совсѣмъ нѣтъ: меня закачало въ каретѣ, и я очень устала, » отвѣчала Софья, протирая себѣ глаза. « Впрочемъ, разсказъ твой очень интересенъ.

— Я не знала въ тебѣ такой способности—прибавила Елисавета. — Съ тобою надобно быть очень осторожною. Пожалуй, ты и съ меня спишешь забавный портретъ.

«О! въ этомъ будьте спокойны,» возразилъ Аглаевъ. «Я признаю выше силъ моихъ описывать то, что во всѣхъ отношеніяхъ совершенно!»

— Браво! Вотъ и на меня эпиграмма!— сказала, со смѣхомъ, Елисавета. — Въ это время приближились они къ дому Фамусовыхъ.

ГЛАВА II.

« Le cadre est vaste ; on peut ajouter
« des portraits. »

PICARD.

« Рама большая : можно еще при-
« бавить портретовъ... »

ПИКАРЪ.

Ужасная тѣснота, и множество голосовъ, услышанныхъ ими при входѣ въ гостиную, служили доказательствомъ, что Аглаевъ говорилъ правду, и что изъ экономіи приглашены были Фамусовыми всѣ, кто попался, не смотря, во враждѣ или въ дружбѣ были между собою гости. Хозяйка занималась распоряженіями къ

обѣду, и не могла ихъ встрѣтить. Фамусовъ вошелъ, подошелъ къ рукѣ къ дамамъ, расцѣловался съ Аглаевымъ, понюхалъ табаку, и отправился по прежнему на обыкновенное свое мѣсто—большія кресла подлѣ окна. Онъ сиживалъ по цѣлымъ днямъ въ этихъ креслахъ, молчалъ, нюхалъ, или курилъ табакъ, иногда смотрѣлъ въ зрительную трубу на большую дорогу. Молчаніе его нарушалось только въ извѣстные часы, когда онъ пилъ водку. Пять, или шесть разъ въ день говорилъ онъ: «Мальчикъ! посмотри на часы, не пора-ли подавать водку.»— Въ этомъ состоялъ весь разговоръ его.

Любовь Максимовна (такъ называлась дочь Фамусовыхъ) *перекопфузилась*, пошла на встрѣчу къ Рамирской вел разкрасивѣвшись, остановилась, неловко присѣла, раздѣловалась, и, незная чѣмъ начать разговоръ, стала хвалить нарядъ Софьи. Между тѣмъ, Княгиня Рамирская величественно посмотрѣла на все общество, изъявила нѣкоторый видъ

презрѣнія тѣмъ, кто при входѣ ея не всталъ, подошла къ сидѣвшимъ на софѣ Сундуковой и Фіалкиной, которыя только что смѣялись надъ нею, при торжественномъ ея входѣ, разцѣловалась, и сѣла подлѣ нихъ. — «Гдѣ-же хозяйка?» — сказала она имъ.—«Удивляюсь: я совсѣмъ не ожидала такой встрѣчи!» — Она сей часъ куда-то вышла, и вѣрно скоро возвратится — отвѣчала Фіалкина. Дочь Фамусовыхъ аттакована между тѣмъ Софьею, сѣла подлѣ нея, и, опять не зная о чемъ говорить, продолжала хвалить ея нарядъ. «Какъ вы къ лицу одѣты! Какъ все мило на васъ!» твердила она. Софья ничего не отвѣчала, и, при всей скромности своей, насилу могла удержаться отъ смѣха при обозрѣніи собранія. Всѣ сидѣли группами; замужнія женщины въ одномъ углу, дѣвушки въ другомъ, мужчины сами по себѣ, и никто изъ нихъ не подходилъ говорить съ дамами. Всѣ были раздѣлены на партіи. Судья, Исправникъ, Засѣдатели и Секретари

отдѣльно разговаривали о своихъ дѣлахъ; около ихъ увивался какой-то молодой человѣкъ, котораго Софья почла за сына знаменитаго лбсдника Праволова. Онъ былъ передъ приказными не только вѣжливъ, но даже низокъ. Какая-то толстая фигура, съ дворянскою медалью, уронила платокъ — онъ тотчасъ вскочилъ поднять его, и Софья догадалась, что толстая фигура долженъ быть *Судья*. Прочимъ приказнымъ пожималъ Праволовъ руки, подчивалъ ихъ табакомъ, улыбался, когда они говорили; сухощавому, блѣдному человѣку, вѣроятно, *Секретарю,* что-то разсказывывалъ онъ, и тотъ съ важнымъ видомъ слушалъ его.

Нѣсколько гусарскихъ офицеровъ, изъ полка, стоявшаго въ уѣздѣ, сидѣли въ другомъ углу, и разговаривали о послѣднемъ смотрѣ. Софья совсѣмъ не имѣла любопытства слушать ихъ; но они говорили громко, кто былъ арестованъ, кто выгнанъ за фрунтъ, спорили, оправдывались,

слагали вины на эскадроннаго командира, а этотъ пожилой, посѣдѣвшій гусаръ думалъ совсѣмъ о другомъ. Прелести и хорошее приданое дочери Сундуковой, Глафиры, сдѣлали сильное впечатлѣніе на его сердце; онъ хотѣлъ привлечь ее разсказами о долговременной службѣ своей, о сраженіяхъ, о иѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ съ полкомъ; облокотившись на окно, Глафира слушала его и зѣвала. Провинціяльную *мадамъ Жанлисъ* такжс Софья скоро узнала, по страшной и небрежной ея одеждѣ. *Мадамъ* эта обрабатывала какого-то несчастнаго, инвалиднаго, безногаго офицера, въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, что-то разсказывала ему, и этотъ смотрѣлъ на нее выпуча глаза; замѣтно было, что онъ ничего не понималъ, и, вѣроятно, сожалѣлъ, что лишенъ былъ средствъ предаться бѣгству отъ говоруньи.

На балконѣ слышенъ былъ ужасный крикъ. Молодой человѣкъ, подстрижен-

ный подъ гребенку, съ большими, густыми бакенбардами, цвѣтнымъ платкомъ на шеѣ, и во фракѣ какого-то страннаго покроя, очень горячился. Легко было узнать въ немъ агронома Недосчетова; онъ былъ въ жаркомъ спорѣ съ Зажигинымъ, котораго поддерживали Сундуковъ, и еще два, или три пожилые помѣщика. Но и за Недосчетова также заступалось нѣсколько молодыхъ людей. Аглаевъ подошелъ къ Елисаветѣ, и на ухо сказалъ ей, что идетъ забавляться на балконъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ бралъ сторону, то Недосчетова, то Зажигина; крикъ былъ ужасный, и Елисавета насилу могла удерживаться отъ смѣха.

Не скоро явилась хозяйка. Она подошла къ дамамъ, разцѣловалась съ ними, и извинялась въ своемъ отсутствіи. «Меня задержали долго докучливые гости, бывшіе здѣсь проѣздомъ» — сказала она.— «Остаться обѣдать имъ было никакъ не льзя, и они мнѣ очень надоѣли.»

Многіе улыбнулись, зная настоящую причину ея отлучки.

Вскорѣ по прибытіи хозяйки въ гостиную отворились двери въ залу, и возвѣщено было, что *кушанье поставлено*. Это доказало, что хозяйка отлучалась для послѣднихъ распоряженій къ обѣду. Тутъ начались церемоніи, кому идти впередъ и кому кого вести. «Максимъ Петровичъ!» — кричала громогласно Фамусова мужу своему. — «подай руку Ея Сіятельству, Княгинѣ Елисаветѣ Васильевнѣ; она у насъ не бывалая и первая гостья.» — Хорошо, хорошо, матушка, изволь! — отвѣчалъ онъ, и пошелъ впереди всѣхъ съ Елисаветою, которая торжествовала, видѣвъ явную досаду и зависть Сундуковой за такое преимущество. Хозяйка подала руку Судьѣ, Сундуковъ повелъ Софью, прочіе разобрались кое-какъ. Тщетно хотѣла хозяйка помѣстить гостей своихъ, какъ она слышала, *по модѣ*, чтобы каждый кавалеръ сидѣлъ подлѣ дамы; напротивъ:

мужчины сѣли по одной, а женщины по другой сторонѣ. При началѣ обѣда слышенъ былъ только громкій голосъ хозяйки: — Кузьма Петровичъ! чего прикажете — ухи, или щей? — Петръ Варламовичъ! покушайте кулебяки!—Маргарита Савишна! что вы ничего не кушаете? — Андреянъ Карповичъ! отвѣдайте этой наливки! и проч. — Но къ концу обѣда начались шумные разговоры и споры. Тутъ собраны были *всѣ* сосѣди, и всѣ чиновники изъ уѣзднаго города. Большая часть изъ нихъ были во враждѣ между собою, и за столомъ иному случилось сидѣть подлѣ того, на котораго онъ подавалъ доносъ, или просьбу; такое сосѣдство было не совсѣмъ пріятно, и обѣдъ Фамусовыхъ послужилъ для многихъ поводомъ къ новымъ распрямъ и неудовольствіямъ.

За десертомъ отличился Аглаевъ. Предувѣдомивъ дорогою Елисавету, что большая часть варенья становится за столомъ у Фамусовой только для парада,

и что у него есть *знакомый ананасъ*, который, какъ замѣтилъ онъ, всегда возвращается въ цѣлости въ кладовую, онъ вздумалъ взбѣсить Фамусову и позабавить Елисавету. «Княгиня! вы любите варенье» — сказалъ онъ — «попробуйте, какъ хорошо сварепъ этотъ ананасъ.» Съ симъ словомъ подвинулъ онъ къ себѣ тарелку, разрѣзалъ несчастный ананасъ на куски, и подалъ Елисаветѣ. Фамусова не могла равнодушно перенесть такого своевольства, покраснѣла отъ досады, и дала себѣ честное слово — никогда впередъ не приглашать Аглаева.

Обѣдъ продолжался часа три; подавали множество кушаньевъ, одно другаго хуже; услуга была дурна; блюда не скоро приносили изъ кухни. Все это чрезвычайно надоѣло Елисаветѣ; она ожидала, что ей будетъ веселѣе, чѣмъ у Сундуковой, но ошиблась. Разговоръ съ глупою и необразованною Фамусовою, сидѣвшею подлѣ нея, безпрестанное угощенье, и принужденіе ѣсть такія

кушанья, которыхъ нельзя было въ ротъ взять, долговременное сидѣнье за столомъ — все это такъ было несносно, что она дала себѣ слово въ первый и въ послѣдній разъ обѣдать у Фамусовыхъ.

Послѣ стола, хозяинъ совсѣмъ забылъ, кого онъ велъ; жена опять громогласно должна была напоминать ему. Онъ снова подалъ руку Елисаветѣ, довелъ ее до гостиной, поцѣловалъ у ней обѣ ручки, понюхалъ табаку, и возвратился опять на прежнее мѣсто, въ кресла подлѣ окна.

Гусарскіе офицеры, Недосчетовъ, и другіе, молодые провинціяльные франты, отправились на балконъ, курить трубки. Старичковъ и старушекъ усадила хозяйка играть въ карты, а чтобы занять дѣвушекъ, и тѣхъ, кто въ карты не играетъ, а еще болѣе затѣмъ, чтобы блеснуть, и показать, какія дарованія имѣетъ ея Любинька, велѣла она дочери сѣсть за фортепіано. Долго жеманилась Любинька, отказывалась, наконецъ при-

нлась терзать извѣстную старину — *Бурю,* Шнейбельша. Маменька восхищалась ея игрою, и говорила всѣмъ: «Не правда-ли, что у нея большая способность къ музыкѣ?» — Между тѣмъ миленькая дочька, посвятившая нѣсколько лѣтъ на изученіе этой пьесы, безпрестанно ошибалась, и сбивалась съ такта. Когда окончила дочь Фамусовой, Сундуковъ, старинный обожатель Елисаветы, всегда восхищавшійся ея игрою, приступилъ къ ней, съ просьбою, чтобы она сѣла за фортепіано. — «Я совсѣмъ отвыкла, и Богъ знаетъ, какъ давно не играла» — отвѣчала она. — Вотъ такъ-то всегда бываетъ у насъ — сказалъ Сундуковъ. — Учатъ, учатъ дѣвушекъ, а лишь только выдутъ онѣ за-мужъ, тотчасъ все бросятъ и забудутъ! — «Попросите сестру Софью» — продолжала Елисавета. — «Она еще не за-мужемъ, и не забыла, притомъ-же она недавно изъ Москвы, и вѣрно знаетъ что нибудь новенькое, а я, право, совсѣмъ отвыкла, и

ничего, кромѣ стараго, не знаю.»— До Софьи Васильевны была у меня другая просьба — отвѣчалъ Сундуковъ. — Она мастерица пѣть Русскія пѣсни, и, я увѣренъ, не откажется сдѣлать всѣмъ намъ большое удовольствіе. — Тщетно Софья отговаривалась, что безъ нотъ ничего не играетъ и не поетъ; ей отыскали ноты Русскихъ пѣсенъ, сочиненія Кашина, и она должна была сѣсть за фортепіано.

Необыкновенно пріятный и обработанный ея голосъ вызвалъ всѣхъ ее слушать; перестали играть, положили трубки, и собрались съ балкона. Около Софьи сдѣлался большой кругъ. Всѣ, съ такимъ удовольствіемъ, и съ такимъ вниманіемъ ее слушали, что не замѣтили входа двухъ новыхъ гостей.

Вошелъ Алексѣй Холмскій, братъ Елисаветы и Софьи, и рекомендовалъ хозяину и хозяйкѣ пріятеля и сосѣда своего, Его Превосходительство, Николая Дмитріевича Пронскаго. Фамусова съ удовольствіе-

емъ, и съ большою вѣжливостію приняла ихъ. Они были оба молоды и богаты, а Проискій притомъ еще и *генералъ*: это совсѣмъ не бездѣлка для маменьки, у которой дочь невѣста! Елисавета, узнавъ, что братъ ея и Проискій пріѣхали изъ Никольскаго, спросила у нихъ равнодушно, чтобы только соблюсти приличіе, о мужѣ своемъ.

«Онъ здоровъ, и безпрестанно въ полѣ» — отвѣчалъ Алексѣй.— «Мы звали его съ собою, но онъ отказался. И въ самомъ дѣлѣ, теперь рабочая пора, и самое пріятное время въ деревнѣ.»

«Какъ можно предпочитать городъ деревнѣ!» сказала дочь Сундуковой, Глафира, бросивъ пріятный взглядъ на Алексѣя. Она оставила стараго своего обожателя, гусара, подсѣла поближе къ богатому жениху, и распространилась въ похвалахъ деревенской жизни.

Между тѣмъ, Проискій обратился къ Софьѣ. Онъ давно уже былъ влюбленъ въ

нее; но замѣтивъ прежде, въ бытность свою въ Москвѣ, любовь къ ней Чадскаго, за котораго, какъ всѣ тогда говорили, она выходитъ за-мужъ, Пронскій поспѣшилъ уѣхать, и думалъ, что время истребитъ привязанность его къ Софьѣ. Но когда онъ узналъ, что Чадскому отказано, и что Софья свободна, любовь его возобновилась. Онъ старался покороче познакомиться съ Алексѣемъ Холмскимъ, который и самъ очень желалъ, чтобы Пронскій женился на Софьѣ. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ онъ къ матери, и узнавъ, что сестры его у Фамусовыхъ, отправился туда. Алексѣй былъ прежде знакомъ съ Фамусовыми, и взялъ на себя представить Пронскаго, бывъ напередъ увѣренъ въ ласковомъ пріемѣ.

Фамусова осыпала ихъ своими привѣтствіями. Пронскій воспользовался тѣмъ временемъ, когда хозяйка *атаковала комплиментами* своими Алексѣя, подошелъ къ Софьѣ, возобновилъ прежнее

знакомство, сѣлъ подлѣ нея, и отдалъ ей письмо отъ сестры своей, Свѣтланиной. Но дочь Фамусовой почтасъ явилась къ нимъ, вмѣшалась въ ихъ разговоръ, поднимала и опускала томные глаза свои, и бросала изподлобья страстные взгляды на Пронскаго, который, ничего не замѣчая, внутренно только досадовалъ, что она мѣшала ему говорить съ Софьею. Вскорѣ и сама милая маменька, Каролина Карловна, окончивъ разговоръ съ Алексѣемъ Холмскимъ, принялась мучить Пронскаго. Дочь ея между тѣмъ предложила Софьѣ посмотрѣть, въ ея комнатѣ, присланные ей изъ Москвы, новые узоры. Но у нея былъ совсѣмъ другой умыселъ. Лишь только успѣли онѣ войдти въ комнату, и затворить двери, нѣжно-томная Любовь Максимовна бросилась со слезами цѣловать у Софьи руки, призналась, что давно влюблена въ Пронскаго, разсказала, что она одинъ только разъ видѣла его въ прошломъ году, въ Москвѣ, на балѣ, и

съ перваго взгляда сердце ея поражено было страстію къ нему.

«Но онъ васъ предпочитаетъ» — продолжала она — «а я — несчастная жертва любви! Очень видно, что онъ отдаетъ вамъ преимущество передъ всѣми, а вы даже не замѣчаете этого! — Всѣ были заняты вашимъ пѣніемъ. Я первая увидѣла, когда Пронскій вошелъ въ комнату; сердце мое сильно забилось; я было упала въ обморокъ; но — слава Богу, никто не замѣтилъ моей слабости... Ахъ! какъ несчастливы тѣ, у кого чувствительное сердце!»

Софья съ изумленіемъ слушала эту исповѣдницу, посмотрѣла на Любиньку, желая увѣриться, не въ горячкѣ-ли она бредитъ, и, помолчавъ немного, отвѣчала, что никакого предпочтенія себѣ отъ Пронскаго не видитъ, сама не чувствуетъ къ нему никакой особенной привязанности, и что она со стороны ея можетъ быть спокойна.

«Но вы съ нимъ знакомы, вы не въ

первый разъ его видите, привязанность его къ вамъ очень замѣтна. Я погибла!» прибавила Любинька, жалобнымъ голосомъ.

— Я видала его — отвѣчала Софья — но еще вамъ говорю, что никакой привязанности къ нему не имѣю; со стороны его также ничего не замѣчаю. Безпокоиться вамъ вовсе не о чемъ: я предоставляю вамъ все право на его сердце.

Любовь Максимовна бросилась съ восторгомъ цѣловать Софью. Потомъ оберла она слезы, приняла опять свой обыкновенный, нѣжно-томный видъ, и вмѣстѣ съ Софьею возвратилась въ гостиную, въ то время, когда всѣ шли въ садовую бесѣдку, пить чай. Пронскій тотчасъ подалъ руку Софьѣ; но она, опасаясь какой нибудь неосторожности, или безразсудности отъ дочери Фамусовыхъ, представила ему ее, и онъ долженъ былъ подать ей другую руку. Въ саду милая Любинька не отставала ни на одну секунду отъ Софьи, бро-

сала томные взгляды на Проскаго, и вздыхала.

Между тѣмъ становилось уже поздно; экипажи были подвезены къ саду; всѣ гости разъѣзжались.

ГЛАВА III.

« The wife should not expect a conti-
« nued course of adulation and obe-
« dience, she should dispose herself to
« obey in her turn with a good grace.
LADY MONTAGUE.

« Жена не можетъ ожидать без-
« прерывнаго обожанія и повино-
« венія отъ мужа. Она должна сама
« въ свою очередь приготовиться къ
« послушанію и милому привыку. „
Лэди Монтэгю.

Аглаевъ и обѣ сестры возвратились домой поздно. Они нашли, что Катерина еще не ложилась спать, и ожидала ихъ. Она была печальна и задумчива.

Еще въ первый разъ со дня свадьбы ихъ, мужъ ея выѣзжалъ въ гости безъ нея. Правда, что онъ ѣздилъ болѣе изъ угодливости, чѣмъ по собственному желанію, но это была еще первая его отлучка, и она невольно ее огорчала.

«Какъ! Ты еще не ложилась спать?»— сказалъ Аглаевъ. — «Надѣюсь, что не для меня, а для сестеръ твоихъ. Я лично для себя никогда не желалъ-бы такой заботливости, потому, что это нѣкоторымъ образомъ похоже болѣе на тайный упрекъ, нежели на вниманіе.»

— Я думаю, что если-бы это и въ самомъ дѣлѣ походило, какъ ты говоришь, на тайный упрекъ, то вѣрно, ты не часто будешь подавать мнѣ поводъ къ тому—отвѣчала Катерина.— Я такъ привыкла не разлучаться никогда съ тобою, что отсутствіе твое очень для меня тягостно.

«Я не отвѣчаю» — сказалъ Аглаевъ.— «Можетъ быть, и еще иногда буду я ѣздить по гостямъ; разсѣяніе мнѣ необходимо;

но, кажется, къ Фамусовымъ впередъ никогда уже болѣе не поѣду.»

— Полно заниматься вздоромъ — прервала ихъ Елисавета. — Скажи мнѣ, Катинька: заѣзжалъ-ли сюда братъ Алексѣй? Какъ тебѣ понравился Пронскій?

«Я очень удивилась пріѣзду ихъ» — отвѣчала она. — Пронскій, кажется, очень порядочный человѣкъ, и не дуренъ собою; видъ у него открытый, благородный; только онъ долженъ быть *суровѣзнаго* нрава, и молчаливъ. Впрочемъ, не льзя ему было не понравиться мнѣ: онъ хвалилъ Сонѣчку.»

— Кошорую? — спросилъ съ улыбкою Аглаевъ.

«Разумѣешся, дочь мою, потому, что сестры здѣсь не было.»

— Онъ могъ-бы говорить и заочно, потому, что часто вспоминаетъ объ ней.

«Я была-бы очень рада, если-бы онъ не шутя объ ней думалъ»— продолжала Катерина. — «Сестра Софья точно мо-

жетъ составить счастіе добраго человѣка.»

— Благодарю тебя — отвѣчала Софья. Есть странные люди: попавшись сами въ сѣти, они хотятъ завлечь и другихъ туда-же. — Но я устала, поздно, и спать пора. Однакожъ надобно предупредить тебя, Катинька, что Пронскій, и братъ съ маменькою, явятся завтра къ намъ обѣдать.

«Послушай, Софья: надѣнь пожалуста блондовый твой чепчикъ, который такъ тебѣ къ лицу» — сказала ей Елисавета утромъ. — «Ты увидишь, что Пронскій будетъ отъ тебя въ восторгѣ.»

— То есть, я была-бы обязана торжествомъ моимъ чепчику? Но если-бы и въ самомъ дѣлѣ имѣла я какіе либо виды на Пронскаго, то вѣрно никакъ не захотѣла-бъ быть одолжена моею побѣдою модной торговкѣ.

«Вотъ настоящее жеманство, и самолюбіе самое явное! Но повѣрь мнѣ: чепчикъ чрезвычайно тебѣ къ лицу, и ты

въ немъ гораздо лучше, нежели съ простыми волосами. Пожалуста, послушайся меня. Дай, я сама надѣну тебѣ.»

Софья хладнокровно сняла чепчикъ, надѣтый на нее Елисаветою; насилу могла Елисавета уговорить ее надѣть бѣлое платье, а не ежедневное цвѣтное, ситцевое. Тщетно также упрашивала ее Елисавета надѣть бриллiантовыя серьги, или хотя, по крайней мѣрѣ, жемчугъ. Наконецъ она разсердилась, укоряя Софью, что въ мнимой простотѣ ея одежды гораздо болѣе *претензiй*, нежели она думаетъ.

Ожидаемые гости пріѣхали довольно рано. Пронскій извинялся передъ Аглаевыми, что онъ, едва только имѣвъ честь познакомиться съ ними, обременяетъ ихъ своимъ посѣщенiемъ, и всю вину слагалъ на Алексѣя, который почти насильно привезъ его, увѣривъ въ ихъ снисхожденiи.

«Мы надѣемся,» отвѣчалъ Агласвъ — «что въ другой разъ, когда вы сдѣлаете

намъ честь вашимъ посѣщеніемъ, то это будетъ безъ всякаго принужденія, по собственной вашей волѣ, потому, что намъ всегда пріятно будетъ видѣть васъ...

— Ты чудеса надѣлалъ въ садикѣ своемъ — сказалъ Холмскій Аглаеву.—Какъ все здѣсь перемѣнилось! Какъ все хорошо! Но, признайся: все это стоитъ тебѣ много денегъ?—

«Совсѣмъ не такъ много, какъ ты думаешь,» отвѣчалъ Аглаевъ.

— Воля твоя, а ежели все это сдѣлано въ долгъ, то не хорошо. Чтобы тебѣ подождать, покамѣстъ скончается твой дядюшка, и ты получишь наслѣдство! Какой безсовѣстный этотъ дядюшка! — Можно-ли жить такъ долго!

«Благодаренъ за дядюшку, которому ты такъ много желаешь добра. Но *пускай его живетъ, покамѣстъ умретъ*, какъ говоритъ пословица. Между тѣмъ я хочу, чтобы у меня въ домѣ было все спокойно, и ежели не щеголеватое и ве-

николѣпное, по, по крайней мѣрѣ, въ приличномъ и хорошемъ видѣ.»

— Всякому-бы того-же хотѣлось—возразилъ Алексѣй—но должно жить по состоянію. Притомъ-же, брашецъ Князь Борисъ Матвѣевичъ обѣщалъ доставить тебѣ мѣсто: тогда надобно переѣзжать отсюда, и всѣ твои издержки на украшенія пропадутъ по пустому.

«Покамѣстъ Его Сіятельство изволитъ исполнить свое обѣщаніе, то все, что я теперь сдѣлалъ, можетъ состарѣться и сгнить» — отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Аглаевъ.—«Впрочемъ, всякій живетъ по своему. Совѣты давашь и я могу не хуже другаго.»

Въ продолженіе сего *дружескаго* разговора, Пронскій бесѣдовалъ съ Княгинею Рамирскою, которая употребляла всѣ средства, чтобы выставить сестру свою: разсказывала объ ея дарованіяхъ, ея добромъ сердцѣ, тихомъ и миролюбивомъ характерѣ, разсудительности—словомъ: осыпала ее похвалами,

а Софья напротивъ уклонялась отъ этѣхъ похвалъ, и нѣсколько разъ перемѣняла разговоръ.

Послѣ обѣда всѣ пошли гулять. Аглаевъ хотѣлъ показать хозяйственныя заведенія свои, и сдѣланные имъ, для опыта, посѣвы въ полѣ. Старая Холмская отказалась отъ прогулки, подъ тѣмъ предлогомъ, что со времени пріѣзда Елисаветы было шумно, и либо они ѣздили въ гости, или къ нимъ пріѣзжали гости, и потому она давно не видала внучки своей. Настоящая же причина желанія остаться дома, наединѣ съ Катериною, была та, что она уже давно замѣтила грусть и задумчивость ея. Зная человѣческое сердце, не хотѣла она вмѣшиваться въ непріятности между супругами. Ей было извѣстно, что даже и самой матери не должно быть посредницею между ними. Холмская видѣла, что Катерина не такъ уже была счастлива, какъ прежде; но она показывала видъ, что будто-бы ничего не за-

мѣчастъ, молилась за нее Богу, и ожидала, чтобы Катерина сама начала говорить. Она поставила себѣ правиломъ ничего не спрашивать, и не требовать никакихъ объясненій, потому, что вопросы такого рода, участіе и обыкновенныя *утѣшительныя фразы* всегда производятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Молодыя женщины, когда первое очарованіе ихъ проходитъ, когда онѣ видятъ, что не всѣ блистательныя надежды ихъ совершились, способны впасть въ другую крайность: почитать себя совершенно несчастливыми. Неловкое участіе и утѣшеніе родныхъ, или друзей, утверждаютъ ихъ въ этой мысли, и служатъ основаніемъ къ настоящему злу, и раздору между супругами. Сострадательный взглядъ, и нескромное, неумѣстное изъявленіе жалости, даютъ иногда какому нибудь вздору большую важность, и часто молодая женщина, безъ всякой существенной причины, почитаетъ себя оставленною и несчастною, отъ безпокой-

спва и нѣжнаго участія, или, просто, опъ исловкости неразсудительной матери, сестры, или подруги.

Холмская все это знала по опыту. Хотя весьма было замѣтно, что Катерина давно искала случая повѣрить ей свое горе; но сама она не начинала первая этого тягостнаго разговора, была осторожна въ словахъ своихъ, чтобы не подать дочери повода думать, будто она вызываетъ ее на довѣренность, и, слѣдовательно, уже замѣтила непріятности ихъ съ мужемъ. Такимъ образомъ говорили онѣ о посторонних предметахъ, покамѣстъ всѣ пришли съ гулянья.

Аглаевъ возвратился домой въ дурномъ правѣ. Онъ обижался, и насилу могъ выдерживать безпрестанныя возраженія, замѣчанія и совѣты Алексѣя. Елисавета съ неудовольствіемъ узнала, что мужъ ея скоро пріѣдетъ за нею. Пронскій, чувствуя, что привязанность его къ Софьѣ часъ отъ часу болѣе усиливается, былъ не очень доволенъ ея хо-

лодною съ нимъ вѣжливостью, которая не подавала ему большой надежды. Одна только Софья возвратилась въ томъ-же расположеніи, въ какомъ пошла: она ни съ кѣмъ не спорила, никто ей не подавалъ совѣтовъ, и никакого непріятнаго извѣстія не было ей сообщено.

Но Аглаевъ чувствовалъ, что досада его на Алексѣя Холмскаго не даетъ ему права казаться невѣжливымъ. Онъ преодолѣлъ себя, спарался быть любезнымъ, занимался Пронскимъ, который очень ему нравился, по дружбѣ и по уваженію его къ Софьѣ. Ему хотѣлось, чтобы Пронскій женился на ней; Каперина имѣла тоже въ виду, и помогала съ своей стороны мужу. Притомъ-же и маленькая ея Сонинка была здорова и очень мила, прыгала и плясала подъ звуки фортепіано, когда играла Софья. Пронскій, подойдя къ Софьѣ, сказалъ, что вчера, при входѣ въ гостиную къ Фамусовымъ, былъ онъ восхищенъ пріятнымъ ея голосомъ, и просилъ ее, сдѣлать одол-

женіе, спѣть что нибудь и теперь. Софья, безъ всякаго жеманства и обыкновенныхъ опговорокъ, исполнила его просьбу: онъ съ восторгомъ ее слушалъ. Время прошло нечувствительно, съ большимъ для всѣхъ удовольствіемъ.

Погода была прекрасная, и Катерина сдѣлала предложеніе пить чай въ саду, въ бесѣдкѣ. «Въ самомъ дѣлѣ пойдемте въ садъ», сказала Елисавета. «У хозяйки нашей всегда прекрасныя, густыя сливки и свѣжій творогъ. Какъ вы любите, Николай Дмитріевичъ»—продолжала она, обращаясь къ Пропскому,—«сливки, съ ягодами, или съ творогомъ? У пея есть малина и клубника... Да, что я у васъ спрашиваю! Вы служили въ военной службѣ, и вѣрно любите курить трубку: прикажите подать свою, а не то у Петра Ѳедоровича много трубокъ; онъ хотя и не бывалъ въ походахъ, но любитъ курить и хвастается своей коллекціей чубуковъ.» — Я курю иногда — отвѣчалъ Пронскій—но какъ осмѣлиться

безпокоить васъ табачнымъ запахомъ!— «Напротивъ, мы всѣ любимъ,» продолжала Елисавета. «Пожалуста не церемоньтесь; не забудьте, что мы въ деревнѣ, гдѣ надобно обходиться просто. При томъ-же теперь вѣрно никто къ намъ не пріѣдетъ: Сундуковы отдыхаютъ; отъ Фамусовой, думаю, еще не разъѣхались вчерашніе гости.» — За Фамусовыхъ отвѣчать не льзя — сказалъ Аглаевъ. — Я замѣтилъ вчера, какъ сильно интересовались вами, Николай Дмитріевичъ, и какъ умильно взглядывали на васъ и вздыхали.

«Я не знаю, о комъ вы говорите,» отвѣчалъ, съ улыбкою, Пронскій. «Ежели о дочери Фамусовыхъ, то я вспомнилъ, что на какомъ-то балѣ одинъ разъ танцовалъ съ нею, но не зналъ, и не спрашивалъ даже тогда, какъ ея фамилія.»

Чай былъ готовъ въ бесѣдкѣ; мужчины закурили трубки; Елисавета принялась за сливки съ малиною. Вдругъ услышали

стукъ кареты, подъѣхавшей къ крыльцу: Фамусова, съ дочерью, явилась въ бесѣдку.

«Я пріѣхала поблагодарить Ваше Сіятельство, за ваше посѣщеніе,» сказала Фамусова, цѣлуясь съ Елисаветою. «Какая прекрасная погода, и какъ пріятно пить чай на воздухѣ!» Хотя Елисаветѣ было досадно, что гостья такъ нескоро пріѣхала; но насилу могла она удержаться отъ смѣха, сравнивая толстую фигуру Фамусовой, и красныя щеки, съ худобою и *сантиментальною* блѣдностью ея дочери, которая, то поднимала, то опускала глаза свои, и томно взглядывала на Пронскаго. Все это до такой степени было смѣшно, что сама важная и разсудительная Софья чуть не захохотала.

«Я имѣла какое-то пріятное предчувствіе, что найду *его* здѣсь,» сказала Любовь Максимовна на ухо Софьѣ. «Я еще изъ кареты, издалека, увидѣла его, и глаза мои наполнились слезами!»

— Вы, кажется, знакомы съ моею дочерью? — сказала Фамусова, обращаясь къ Пронскому. — Она видѣла васъ прошедшею зимою, на балѣ у Графини Агаѳьи Петровны Альнаскаровой. Любинька моя тотчасъ васъ узнала.—Пронскій проговорилъ сквозь зубы, что онъ имѣлъ честь видѣть ее, и проч. Въ это время милая Любинька сказала на ухо Софьѣ: «Ахъ! можно-ли забыть *его*?» Съ этимъ вмѣстѣ, бросила она такой страстный, такой умильный взглядъ на Пронскаго, что онъ вышелъ изъ терпѣнья, и желая отдѣлаться, вспалъ съ своего мѣста, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ идти на встрѣчу къ маленькой Соничкѣ, которую, говорилъ онъ, несетъ къ нимъ кормилица. Аглаевъ улыбнулся: онъ зналъ, что Соничка его давно уже спитъ, и что Пронскій ищетъ только средствъ избавиться отъ разговора Фамусовой, и пѣжныхъ взглядовъ ея дочери.

Эти незваные гости просидѣли такъ

долго, что Катерина должна была пригласить ихъ остаться ужинать. Въ продолженіе всего времени Пронскій былъ жестоко преслѣдованъ несноснымъ болтаньемъ матери и безразсудствомъ дочери. Онъ былъ холоденъ съ ними, и явно показывалъ, что не намѣренъ ни сколько отвѣчать страстнымъ взглядамъ, на него обращаемымъ. Фамусова приглашала его обѣдать къ себѣ; но онъ благодарилъ и отозвался тѣмъ, что черезъ два дня ѣдетъ, хотя послѣ того еще болѣе недѣли пробылъ у Аглаевыхъ.

ГЛАВА IV.

..« Мочи нѣтъ терпѣть :
« Инымъ мужьямъ, отъ женъ житья
не стало,
« А эдакъ поступать имъ, право, не
пристало.....

Хемницеръ.

Слѣдующая недѣля прошла для всѣхъ довольно пріятно. Пропскій часъ отъ часу болѣе влюблялся въ Софью, собирался ежедневно домой, и день за день откладывалъ. Къ концу недѣли пріѣхалъ Князь Рамирскій, повидаться съ матерью и сестрами жены своей, и пробыть дня три у Аглаевыхъ. Посѣщеніе его было тягостно и непріятно. Онъ обходился

свысока съ бѣдными родными своими, давалъ безпрестанно чувствовать Аглаеву большую разницу между ними, дѣлалъ ему, безъ всякой тонкости, замѣчанія, что онъ живетъ *не по состоянію*, и повелительнымъ тономъ преподавалъ наставленія, совѣтуя умѣрить роскошь свою. Аглаевъ сносилъ все, скрѣпя сердце. Во многихъ отношеніяхъ былъ онъ въ зависимости отъ Князя Рамирскаго: настоящаго акта, на уступленное Елисаветою женѣ его имѣніе, при помолвкѣ ихъ, еще не было сдѣлано, и онъ до сего времени управлялъ по довѣренности, которую всегда можно было уничтожить. Притомъ-же Аглаевъ надѣялся чрезъ покровительство Князя получить мѣсто.

Князь и Княгиня Рамирскіе, при свиданіи своемъ, были довольно равнодушны между собою. Холодность ихъ огорчала родныхъ Елисаветы, и въ особенности мать. Она видѣла, что взаимное равнодушіе это есть слѣдствіе не-

пріятностей и частыхъ ссоръ ихъ другъ съ другомъ. Весьма замѣтно было, что Елисавета потеряла уваженіе и привязанность къ ней мужа. Пропиворѣчіе и споры обратились между ними въ привычку; стоило одному изъ нихъ что нибудь сказать, тотчасъ другой спорилъ, не соглашался, или насмѣхался; безпрестанно должно было ожидать важныхъ непріятностей между ними.

«Долго-ли ты думаешь пробыть здѣсь?» сказала Елисавета мужу своему.

— Дня два, или три, не болѣе—отвѣчалъ онъ.—Хлѣбъ поспѣлъ, жатва приближается; мнѣ надобно поскорѣе домой.

«Какъ жаль, что ты не по нуждѣ, а по страннóму своему вкусу предался весь полевымъ работамъ! Какъ несправедлива судьба, давши тебѣ богатство, которымъ ты не умѣешь пользоваться! Тебѣ надобно-бы родиться въ крестьянскомъ состояніи, и ты былъ-бы

самый работящій и зажиточный мужичокъ. Но, какъ хочешь, а я на нынѣшней недѣлѣ ѣхать отсюда не могу: я дала слово Сундуковой обѣдать у нея въ пятницу.»

— Ты можешь оставаться, а я поѣду—отвѣчалъ ей, съ неудовольствіемъ, Князь Рамирскій.—За привѣтливыя твои слова и хорошій отзывъ очень благодаренъ; но сердиться и браниться съ тобою не намѣренъ. Тебѣ-бы надобно было, по крайней мѣрѣ, уважить и пощадить матушку: ей ссоры наши не могутъ быть пріятны. Впрочемъ, дѣлай, что тебѣ хочется. Ты знаешь меня: сжели я одинъ разъ сказалъ, то ни за что не перемѣню: черезъ два или три дня, непремѣнно ѣду отсюда. — Не хочешь-ли походить со мною, Петръ Ѳедоровичъ? прибавилъ онъ, обратясь къ Аглаеву.

«Можно-ли было предвидѣть, что изъ услужливаго, тихаго, добраго человѣка, какимъ онъ былъ въ женихахъ, выйдетъ такой вздорный, несговорчивый,

упрямый, настоящій медвѣдь!» сказала Елисавета, когда мужъ ея отправился ходить.

— А можно-ли было и то предвидѣть, что характеръ веселой и доброй Лизаньки моей перемѣнится до такой степени?—возразила ей мать, со слезами на глазахъ. —Можно-ли было повѣрить, что ты будешь своенравна, упряма и груба? Я, скрѣпя сердце, молчала до сихъ поръ, но все мое терпѣніе истощилось. Я, какъ мать, должна сказать тебѣ, что всѣ поступки твои ни на что не похожи: ты кругомъ виновата! И что за мысль лгать, и обманывать мужа, увѣряя, что ты не можешь ѣхать съ нимъ, потому, что дала слово обѣдать у Сундуковой, когда, напротивъ, ты при мнѣ отказалась отъ этого обѣда, сказавъ, что мужъ пріѣдетъ за тобою?

«А что за мысль и ему была, и что за *капризъ*: назначать непремѣнно, по собственной своей волѣ, день отъѣзда отсюда? Почему-бы не спросишься у меня,

какъ я думаю? Нѣтъ, ему непремѣнно хочется все дѣлать самовластно, по своему. Онъ не имѣетъ никакого уваженія ко мнѣ!»

—Да какія средства употребляешь ты, чтобы пріобрѣсть его уваженіе? Ты такъ безразсудно дѣйствуешь, такъ вѣтрена и неодумчива, что это очень огорчаетъ меня. Какъ до сихъ поръ не видишь ты, что настойчивостію своею и упрямствомъ, рѣшительно, никакого успѣха ты имѣть не можешь? Признаюсь, до сихъ поръ я обвиняла его, но теперь вижу, къ несчастію, на опытѣ, что ты сама не права.

«Помилуйте, маменька: не уже-ли мнѣ не должно имѣть никакой собственной воли, и быть совсѣмъ статуею? Я хочу ему доказать, что и у меня есть сила характера.»

— Сила характера! Вотъ камень претыновенія для многихъ женъ! Онѣ думаютъ, что упрямствомъ, которое называютъ силою характера, могутъ

взять поверхность и утвердить власть надъ мужьями. Повѣрь: ежели нѣкоторыя жены и достигаютъ сей цѣли, то употребляютъ для того совсѣмъ другія средства. Жена, которая будетъ утверждать, что своею настойчивостію дѣлаетъ изъ мужа все, что ей хочется — лжетъ! Разсмотри жизнь такихъ супруговъ: ты увидишь, что они живутъ въ безпрестанной ссорѣ. Жена и потому должна скорѣе уступить мужу, что слабѣе его здоровьемъ и голосомъ. Женское оружіе—кротость, тихость и терпѣніе. Ежели-бы ты съ самаго начала своего супружества употребила это оружіе, то сохранила-бы привязанность къ себѣ мужа, и имѣла-бы надъ нимъ всю власть. Теперь мудрено даже и поправить. Однакожъ, все лучше испытать предлагаемыя мною средства. Ты еще не такъ давно за-мужемъ, и имѣешь большое преимущество противъ иныхъ женъ. Твой мужъ не окруженъ родными, или друзьями, которые находили-бы

собственныя свои выгоды ссорить васъ, наговаривать на тебя, толковать поступки твои въ дурную сторону, чтобы ловить, какъ говорить пословица, *въ мутной водѣ рыбу*.

«Всѣ ваши совѣты и наставленія, маменька, прекрасны, превосходны» — сказала Елисавета, вставши съ неудовольствіемъ со стула — «но, я думаю, самъ Ангелъ не могъ-бы ужиться съ такимъ уродомъ, съ такимъ своенравнымъ, съ такимъ скрягою, какъ мужъ мой. Однакожъ, я попробую испытать то, что вы мнѣ совѣтуете, постараюсь, ежели только могу! Ты, Софья, какъ я вижу, нарочно оставалась при этой проповѣди, чтобы торжествовать надо мною. Но лучше воспользуйся моимъ примѣромъ: не выходи вѣкъ за-мужъ, не обольщайся даже самимъ Пронскимъ. Повѣрь: и онъ будетъ такой-же мужъ, какъ и всѣ прочіе. Не хлопочи, и ожидай его *сантиментальной* Фамусовой.»

— Хотя никакихъ видовъ на Пронска-

го я не имѣю — отвѣчала Софья — но, признаюсь, не желаю ему такой глупой жены, какъ Фамусова. Впрочемъ, обо мнѣ не безпокойся. Супружество меня не прельщаетъ, и я думаю, что останусь на вѣкъ въ сословіи пожилыхъ дѣвушекъ. Жизнь шестушки Прасковьи Васильевны гораздо болѣе имѣетъ привлекательности.—

При сихъ словахъ вошелъ Пронскій. Къ нему пріѣхалъ откуда-то нарочный, и онъ былъ въ большомъ смущеніи. «Подите сюда, Николай Дмитріевичъ,—сказала ему вѣтреная Елисавета, совсѣмъ забывши важный, только что окончившійся разговоръ съ матерью. У ней остались въ памяти послѣднія слова Софьи, и она, по безразсудности своей, тотчасъ сообщила ихъ Пронскому.—«Вообразите: Софья сей часъ сказала намъ, что она имѣетъ твердое намѣреніе оставаться вѣкъ въ дѣвкахъ!»

—Можно-ли имѣть такое намѣреніе!—отвѣчалъ съ чувствомъ Пронскій.—Но..

шеперь не могу я говорить болѣе.... Извините; я долженъ сей часъ ѣхать, и пришелъ проститься съ вами. Вы.. вы.. Софья Васильевна... но, прошу васъ извинить меня. Современемъ объяснится странный мой поступокъ. Я долженъ сей часъ ѣхать.. — Слезы полились градомъ изъ глазъ его; онъ спѣшилъ выйдши. Коляска его была уже готова у крыльца.

Всѣ, съ удивленіемъ, смотрѣли другъ на друга. «Что это значитъ?» прервала наконецъ общее молчаніе Елисавета. «Онъ влюбленъ въ Софью: это очень видно; признаніе его готово было вырваться. Но что за причина такого внезапнаго отъѣзда?» Всѣ терялись въ догадкахъ.

Софья хотѣла казаться равнодушною; однакожъ и она сильно поражена была отъѣздомъ Проскаго, оставила мать и сестру отгадывать, и по своему объяснять причины страннаго поступка и таинственныхъ его словъ, и, чтобы скрыть смущеніе, ушла въ свою комнату,

гдѣ приняла твердое намѣреніе совсѣмъ не думать о Пропскомъ. Но такъ успѣшно исполнила она это намѣреніе, что ни о чемъ болѣе думать не могла, какъ только о немъ.

Между тѣмъ, Князь Рамирскій и Алексѣй Холмскій ходили съ Аглаевымъ, и осматривали садъ его и строенія. «Какія перемѣны нахожу я здѣсь! Деревни вашей узнать не льзя»—сказалъ Князь Рамирскій.—«Какая прекрасная баня!.. Но, къ чему такая роскошь? На что надобны эти диваны, зеркала, ковры? У меня, кажется, гораздо поболѣе вашего состояніе, но ничего этого нѣтъ. А въ саду что за чудеса! Но къ чему этотъ гротъ, украшенный раковинами, и каскадъ, гдѣ вода даромъ пропадаетъ? Гораздо-бы лучше запрудить, сдѣлать плотину, и поставить мѣльницу, которая приносила-бы доходъ. Бесѣдка прекрасная, и видъ, конечно, отсюда прелестный; но птичникъ и оранжерея по вашему состоянію очень велики; все это

стоитъ много денегъ, а дохода никакого не приноситъ.»

— Конечно, все, что вы видите, стоило сначала довольно дорого — отвѣчалъ Аглаевъ — но теперь поддержка строенія ничего не значитъ. Притомъ же, признаюсь вамъ, это доставляетъ мнѣ пріятное занятіе, и удерживаетъ часто дома, а безъ того я, можетъ быть, ѣздилъ-бы по гостямъ.

«И то и другое, по мнѣнію моему, не хорошо. Чтобы выѣзжать въ гости, надобно также тратить лишнія деньги. Это что за строеніе, въ видѣ прекраснаго готическаго храма?»

— Это ледникъ — отвѣчалъ Аглаевъ, красиѣя—а въ верху голубятня. Для этого строенія никакихъ излишнихъ издержекъ не было: это просто срубъ, обитый тесомъ, которому данъ только хорошій фасадъ.

«Не мое дѣло учить васъ, и дѣлать наставленія»—продолжалъ Князь Рамирскій, осматривая это и другія строенія.—

«Какъ ближній вамъ человѣкъ, я желалъ сказать мнѣніе мое, что надобно жить по своему состоянію; впрочемъ, всякій въ правѣ тратить свои деньги, какъ онъ хочетъ.»

Возвращаясь домой, услышали они колокольчикъ; коляска Пронскаго была уже готова; его самаго встрѣтили они на крыльцѣ. Въ большомъ смущеніи, съ заплаканными глазами, онъ объявилъ, что получилъ письмо, которое заставляетъ его тотчасъ ѣхать, проснился съ ними, вскочилъ въ коляску, и поскакалъ во всю прыть.

Они, такъ-же какъ и женщины, были изумлены внезапнымъ отъѣздомъ Пронскаго. Имъ поспѣшили разсказать странное его прощанье. Всякій толковалъ по своему, и никто не могъ постигнуть, что за причина побудила его такъ скоро собраться и ускакать отъ нихъ? Послали спросить, отъ кого пріѣхалъ нарочный, который еще остался кормить лошадей, и узнали, что при-

слань былъ конюхъ изъ подмосковной Пропскаго, отъ управляющаго, а онъ получилъ эстафетъ изъ города; слѣдовательно, всѣ остались въ прежнемъ невѣдѣніи, и не узнали, отъ кого былъ присланъ эстафетъ.

Князь Рамирскій, съ удивленіемъ, замѣтилъ большую перемѣну въ обращеніи жены своей. Она казалась ласкова и мила съ нимъ. Но это было только временнымъ слѣдствіемъ совѣтовъ матери. Впрочемъ, по многимъ опытамъ, ему было извѣстно, что она всегда и прежде такъ поступала, когда ей нужно было что нибудь выпросить у него. Бывши въ неудовольствіи на нее, Князь рѣшился при первой просьбѣ ея отказать. Однакожь весь день прошелъ у нихъ въ большихъ ладахъ, безъ всякихъ просьбъ со стороны Елисаветы.

На другой день, утромъ, было тоже согласіе. Послѣ завтрака, Алексѣй Холмскій сказалъ Князю Рамирскому, что

ему нужно поговорить съ нимъ наединѣ. Они вышли, и долго ходили по саду вдвоемъ; возвращаясь, велѣли они запрягать карету, и сами пошли одѣваться. Передъ отъѣздомъ, Князь Рамирскій сказалъ женѣ своей, что по нѣкоторымъ причинамъ, онъ остается еще на нѣсколько дней; что теперь, вмѣстѣ съ братомъ, ѣдетъ онъ къ Фамусовымъ, а бывши у нихъ, совѣстно уже не сдѣлать также визита Сундуковымъ, и что онъ, вмѣстѣ съ нею, поѣдетъ потомъ къ нимъ обѣдать. При сихъ словахъ, Князь простился, и, не дожидаясь отвѣта, уѣхалъ.

Елисавета была въ большомъ смятеніи. Приглашеніе обѣдать у Сундуковыхъ было ею выдумано. Она не знала, какъ теперь выпутаться.

«Видишь-ли»—сказала ей мать—«въ какое затруднительное положеніе ты сама себя поставила? Какъ надобно быть осторожной! Какъ»... — Сдѣлайте одолженіе, избавьте меня отъ наставленій и проповѣдей—прервала Елисавета, съ не-

удовольствіемъ. Я сама напередъ знаю, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорится. Лучше помогите, какъ мнѣ отдѣлаться отъ несноснаго моего урода.....

«Что остается мнѣ еще сказать тебѣ послѣ этого?» отвѣчала мать, удивленная такою запальчивостію, и тономъ, столь неприличнымъ. «Дѣлай, что тебѣ вздумается, или прямо скажи, что тебѣ не хочется ѣхать къ Сундуковымъ.»

— Сказавъ это, я и не солгу, и, можетъ быть, мужъ мой удовольствовался-бы этимъ отвѣтомъ; но братъ Алексѣй вѣрно отправится къ нимъ, и разскажетъ, что Князь хотѣлъ ѣхать къ нимъ обѣдать, но что я его отговорила. Эти мальчишки, едва только вышедшіе изъ школы, во все любятъ вмѣшиваться. Сундукова вѣрно скажетъ ему, что я сама отказалась отъ ея обѣда, вѣрно пріѣдетъ сюда, замучитъ вопросами, объясненіями, а все это произошло отъ невинной моей выдумки...

Мать смотрѣла на нее съ изумленіемъ, и не отвѣчала ни слова.

«Извините, маменька!«— продолжала Елисавета, бросясь цѣловать ея руки.— «Простите меня; я такъ виновата передъ вами; въ горячности наговорила я, сама не знаю что! Вы имѣете все право упрекать меня. Ложь всегда имѣетъ дурныя слѣдствія. Но что-жъ мнѣ дѣлать теперь?» Она залилась слезами, и ушла къ себѣ въ комнату. Отъ слезъ, и отъ внутренняго волненія, такъ разболѣлась у нее голова, что она легла въ постелю, и не вышла обѣдать.

Вскорѣ послѣ обѣда возвратились Князь Рамирскій и Алексѣй. Объясненіе и оправданіе Елисаветы было весьма напряжено. Мужъ ея отгадалъ настоящую причину, взбѣсился, наговорилъ ей множество грубостей, и объявилъ, что онъ, рѣшительно, завтра ѣдетъ домой. Елисавета еще никогда не видала его сердитымъ до такой степени, и на этотъ разъ надобно было признаться, что она сама

кругомъ виновата. Братъ ея также изволилъ разгнѣваться, и осыпалъ ее упреками; но его слушала она весьма равнодушно. Рамирскій ушелъ въ сердцахъ изъ комнаты, долго ходилъ одинъ, возвратился почти передъ ужиномъ, не сѣлъ за столъ, и отправился рано спать, отговариваясь тѣмъ, что хочетъ завтра упромъ, чѣмъ свѣтъ, ѣхать домой. Елисавета должна была повиноваться сему распоряженію. Одумавшись, хотѣлось было ей употребить обыкновенныя средства — упреки и насмѣшки; но угрюмый видъ мужа, также внутреннее сознаніе, что она точно сама виновата, укротили ее. Насилу удерживая слезы, простилась она съ матерью и сестрами, и въ молчаніи послѣдовала за мужемъ.

«Ахъ, Боже мой!» сказала Катерина.« Какъ-бы я была несчастлива, если-бы у моего мужа былъ такой-же характеръ!»

— Но сама разсуди: виноватъ-ли онъ въ этомъ случаѣ?—отвѣчалъ Аглаевъ.— Она потрудилась вывести его изъ вся-

каго нерѣнія. Признаюсь: я никакъ не могъ-бы ужиться съ Елисаветою! Жена мрачнаго, задумчиваго, характера хотя имѣла-бы всѣ достоинства, скоро можетъ надоѣсть; но все она лучше той, которая думаетъ насмѣхаться, подшучивать, справить меня въ дураки, бывши притомъ еще своенравна, упряма и лгунья. Отъ такой женщины я бѣжалъ бы, Богъ знаетъ куда! —

Холмская, оставаясь ночевать въ Прію-шовѣ, всегда занимала одну комнату съ Софьею. Она удерживала слезы свои при всѣхъ, но оставшись съ Софьею наединѣ, предалась горести своей.

«Сколько непріятностей предвижу я для Елисаветы!« сказала Холмская. «Какія бѣдствія навлечетъ она на себя своимъ легкомысліемъ и неразсудительностію! А ей, напротивъ, предсказала возможность прожить весь вѣкъ спокойно и счастливо. Мужъ ея, конечно, ограниченнаго ума; но у него доброе сердце. Ежели-бы не ожесточила она его без-

престанными противорѣчіями и насмѣшками, то онъ уважалъ-бы и любилъ ее. Завтрашній день они вѣрно всю дорогу будутъ браниться между собою, и, вмѣсто согласія, спокойствія и счастія, что должно-бъ было ожидать ихъ дома, возвратятся они съ чувствомъ ненависти и отвращенія другъ къ другу! Какъ много ошиблась я въ мнѣніи моемъ о характерѣ Елисаветы...»

— Я думаю, что на этотъ разъ она завлеклась далѣе, чѣмъ думала — сказала Софья. — Слѣдствія могутъ быть такъ важны, что это можетъ послужить ей большимъ урокомъ, и заставитъ ее быть впередъ внимательнѣе. Она вѣрно употребитъ всѣ средства скорѣе примириться съ мужемъ, и не раздражать его болѣе.

«Дай Богъ, дай Богъ, чтобы она одумалась, и чтобы увѣщанія мои и твои послужили ей въ пользу. Но сомнѣваюсь, и вижу, что кромѣ вѣтренности и неразсудительности, она еще самолюбива,

и, какъ мнѣ кажется, совѣты этой Графини Хлестовой, о которой ты мнѣ сказывала, сдѣлали на нее сильное впечатлѣніе, потому, что они сообразны съ ея характеромъ.»

— Это, можетъ быть, правда—сказала Софья—но у нея доброе сердце, и она не глупа: будетъ постарѣе, и сама сознается, что такіе совѣты дѣлали ей большой вредъ. Станемъ молиться за нее, милая маменька, и надѣяться на милость Божію. —

Разговоръ съ Софьею нѣсколько успокоилъ Холмскую.

На другой день всѣ встали довольно рано. Родные Елисаветы съ удовольствіемъ замѣтили, что она помирилась съ мужемъ. Хорошій завтракъ, приготовленный Катериною къ отъѣзду ихъ, способствовалъ окончательному уничтоженію задумчивости и гнѣва Князя Рамирскаго. Онъ развеселился, былъ довольно разговорчивъ, и вѣжливо обратился къ старой Холмской, съ просьбою: пріѣхать

пожить у нихъ въ Никольскомъ. Софью убѣдительно просилъ онъ не замедлить своимъ прибытіемъ. «Лизанька моя» — прибавилъ онъ, цѣлуя ее — «настоящій избалованный ребенокъ: она больше всѣхъ слушается и уважаетъ васъ, любезная сестрица. Пожалуйте пріѣзжайте къ намъ. Я самъ чувствую, что иногда горячусь по пустому, и не умѣю, какъ должно, обходиться съ женою — помогите, научите меня!» Съ сими словами вышелъ онъ, чтобы узнать, все-ли готово къ отъѣзду.

—Я сама выучу тебя, и покажу, какъ надобно обходиться со мною — сказала Елисавета на ухо Софьѣ. Софья хотѣла сдѣлать ей возраженіе, но Князь Рамирскій возвратился, сталъ прощаться, и Елисавета, съ торжествующимъ видомъ и съ усмѣшкою, повторила Софьѣ слова свои потихоньку, цѣлуясь съ нею. «Посмотри, какъ я его вышколю,» прибавила она, «ты не узнаешь мужа моего, когда пріѣдешь къ намъ.»

Глава V.

« Семейство есть тихое, сокрытое
« отъ людей поприще, на которомъ
« совершаются самые благородные,
« самые безкорыстные подвиги до-
« бродѣтели ».

Жуковскій.

Елисавета и мужъ ея доѣхали миролюбиво и благополучно домой. Черезъ нѣсколько дней Софья получила отъ сестры письмо; она убѣждала ее пріѣхать къ нимъ, и оканчивала свое посланіе слѣдующими словами: « Любезный супругъ мой, по прибытіи домой, не « сходишь съ гумна, самъ смотришь,

«какъ кладутъ скирды, и трепьяго «дня даже и не приходилъ обѣдать, а «весь день провелъ на гумнѣ, дѣлалъ за- «молоты хлѣба, самъ считалъ снопы, «когда ихъ накладывали въ овинъ, для «сушки, при себѣ велѣлъ обмолотить, «вывѣять и смѣрять. Знаешь-ли, какъ «я виновата передъ нимъ? Въ то вре- «мя, когда я жила съ вами, онъ за- «нимался мною, и готовилъ пріятный «сюрпризъ. Вообрази: онъ сдѣлалъ въ «отсутствіе мое, своими мастеровыми, «прекрасный кабріолетъ, точно такой, «какой видѣла я и хвалила у Свѣтла- «нихъ; кромѣ того объѣздилъ смир- «ную, прекрасную лошадь своего заво- «да. А я, ничего не зная объ этомъ, «такъ дурно приняла его, когда онъ «пріѣхалъ въ Приютово! Самъ виноватъ: «зачѣмъ поптчасъ не сказалъ мнѣ; я «совсѣмъ иначе обходилась-бы съ нимъ. «Однакожъ, онъ точно добръ, и я на- «стою на своемъ—перевоспитаю и по- «правлю его, какъ мнѣ хочется.»

Это письмо успокоило нѣсколько мать и сестеръ Елисаветы, хотя конецъ его и не таковъ былъ, какъ-бы онѣ желали.

Между тѣмъ, въ Пріютовѣ вспоминали о Пронскомъ. Внезапный отъѣздъ его казался странною загадкою. Катерина часто обращала разговоръ на этотъ предметъ. Софья молчала, или старалась перемѣнить предметъ разговора, но Холмская и Катерина разсуждали между собою, и не постигали, что все это значитъ. Любовь Пронскаго къ Софьѣ была очевидна; при отъѣздѣ не могъ онъ скрыть горести своей: сердце его не выдержало, и прощаясь онъ почти совсѣмъ *проговорился*. Знали, что онъ былъ независимъ, и могъ располагать собою. Мачиха, воспитавшая его, жила въ Петербургѣ, и любила его, какъ сына; но она не могла, и даже вѣрно не захотѣла-бы препятствовать соединенію его съ Софьею. Всѣ терялись въ догадкахъ, и не могли придумать, чему все должно было приписать.

Софья чувствовала большую привязанность къ Проискому ; но разсудительность и сила характера помогли ей скрыть свою горесть. Катерина удивлялась ей, нѣсколько разъ упрекала ее , и нешутя сердилась на ея нечувствительность. Но Софья молчала, и не хотѣла выводить сестры изъ заблужденія.

Проживъ въ Пріюшовѣ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Рамирскихъ, Холмская поѣхала, по обѣщанію, на богомолье. Все принято прежнее, песносное, скучное *единообразіе*, какъ говорилъ Аглаевъ. Онъ любилъ общество , и пока были гости, привыкъ къ разсѣянію. Пребываніе Княгини Рамирской въ домѣ его, частыя посѣщенія, обѣды въ гостяхъ—все это, какъ онъ прямо говорилъ, нѣсколько пробудило и оживило его. Теперь снова должно было проводить время такъ-же *монотонно*, какъ прежде. Катерина преодолѣла страстную любовь свою къ дочери , и была безпрестанно съ мужемъ ; но тщетно употребляла она всѣ сред-

ства развеселить его. Сокровенныя причины задумчивости его были ей неизвѣстны. Онъ получалъ частыя напоминанія объ уплатѣ долговъ, былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи, и не зналъ, что предпринять.

Софья видѣла, что ей невозможно было оставить сестры. Катерина часто плакала, и предавалась отчаянію, что всѣ средства къ возстановленію прежней, спокойной и счастливой жизни оставались безуспѣшны. Здоровье ея примѣтнымъ образомъ разстроивалось.

Разсудительная Софья проникла, что какая нибудь тайная причина особенно тягостить Аглаева; замѣтила, что всякій разъ по полученіи почты онъ становился задумчивѣе и грустнѣе; вспомнила, что пріѣзжалъ Исправникъ, котораго, увидѣвъ издалека, Аглаевъ не допустилъ войдти въ комнату: онъ вышелъ къ нему на встрѣчу, долго ходилъ съ нимъ въ саду, и велѣлъ принесть въ бесѣдку чай, ромъ и трубки. Сообразивъ все

это, Софья догадалась, что долги безпокоятъ его, что Аглаевъ почно ведетъ образъ жизни свыше своего состоянія, и, слѣдовательно, что онъ совсѣмъ не такой опытный хозяинъ, какъ думали объ немъ. Послѣ сего рѣшилась она попребовать отъ Аглаева откровеннаго признанія о томъ, въ какомъ положеніи дѣла его, узнать, сколько онъ долженъ, и предложить ему возможное пособіе. Но предметъ сей былъ весьма щекотливый: она знала раздражительное самолюбіе Аглаева, должна была изыскивать время, и дѣйствовать съ большою осторожностію. Предлогомъ къ откровенности были болѣзненные припадки Катерины, при вторичной ея беременности. Однажды она дурно спала, жаловалась на головную боль, и весь день не выходила изъ своей комнаты. Аглаевъ обѣдалъ вдвоемъ съ Софьею.

Послѣ обѣда, Катерина еще не просыпалась, и Софья воспользовалась симъ случаемъ. Издалека завела она разго-

воръ, что семейство ихъ умножается, что состояніе большаго оставить дѣтямъ они не могутъ, но должны только дать хорошее воспитаніе, а болѣе всего цѣнить добрую нравственность выше всякаго богатства.

«Дѣти! дѣти! Они не въ утѣшеніе, а въ тягость бѣднымъ людямъ,» сказалъ Аглаевъ. «Мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ родилась Соничка, все пошло у насъ хуже. Она, какъ будто принесла намъ несчастіе своимъ рожденіемъ!»

— Непріятно мнѣ слышать отъ тебя такой вздоръ—возразила Софья.— Ты совсѣмъ иначе говорилъ прежде; ты любилъ Сонечку, и ежели сестра замѣтила, что ты иначе думаешь, то я и не удивляюсь ея грусти и унынію, которыя столь вредны въ нынѣшнемъ ея состояніи.

«Я не могу сказать, чтобы не любилъ этого ребенка; но положеніе наше становится часъ отъ часу тягостнѣе. Покамѣстъ у насъ не было дѣтей, я думалъ, что въ двоемъ мы кое-какъ можемъ прожить:

теперь совсѣмъ иначе все мнѣ представляется, и, признаюсь, мысль о долгахъ моихъ ужасаетъ меня!»

—Развѣ ты очень много долженъ? Я думала, что получивъ капиталъ, доставшійся тебѣ въ приданое за Катинькою, ты совсѣмъ расплашился.

«Ахъ, нѣтъ, любезная сестра!» сказалъ Агласвъ, «чистосердечно долженъ я признаться тебѣ, и одной только тебѣ могу открыть то, чего не знаетъ еще самая жена моя. Я прошу тебя и не сказывать ей, потому, что это безполезно огорчитъ ее. Послѣ смерти батюшки, ты сама знаешь, я ѣздилъ въ Москву, для разсѣянія, завлеченъ былъ въ игру, и много, очень много проигралъ. Я боялся признаться во время сватовства, что много долженъ; вѣрно маменька отказала-бы мнѣ, и всѣ вы убѣждали-бы Катиньку не выходить за меня. Притомъ-же я надѣялся, что когда нибудь богатый мой дядюшка скончается, и оставитъ мнѣ наслѣдство. Надежда на это

до сихъ поръ удерживаетъ еще моихъ заимодавцевъ. Но между тѣмъ долги мои однѣми процентами ужасно возрастаютъ; дохода, съ имѣнія недоспаетъ на прожитокъ; часъ отъ часу болѣе затрудненіе увеличивается, и — Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится! Теперь, но уже немного поздно, входитъ мнѣ въ голову, что должно-бы совсѣмъ иначе дѣйствовать. Надобно-бы мнѣ было пожить нѣсколько времени съ дядюшкою, пріобрѣсть его благосклонность, или хотя, по крайней мѣрѣ, прежде женитьбы ѣхать самому, просить согласія его, и убѣдить, чтобы онъ обезпечилъ мое состояніе. Но влюбленный человѣкъ тоже, что слѣпой: ничего не видитъ впередъ, и способенъ дѣлать безпрестанныя глупости. Amour, amour! quand tu nous tiens, on peut bien dire: adieu prudence (Любовь, любовь! когда мы попались подъ твою власть — смѣло можно сказать: прощай благоразуміе)! Какъ справедливо сказалъ это Лафонтенъ. »

Софья тяжело вздохнула, и, по нѣкоторомъ молчаніи, начала говорить: «Но, любезный другъ! ежели дѣла твои такъ разстроены, и ты много долженъ, то зачѣмъ-же ты не ограничишь своихъ прихотей? Зачѣмъ не расположишь жизни своей по способамъ и состоянію своему? Напримѣръ: на что ты держишь собакъ, и такую кучу лошадей? Тебѣ въ этомъ случаѣ можно взять въ образецъ жену свою. Догадываясь, что ты много долженъ, она рѣшительно во всемъ себѣ отказываетъ, не имѣетъ никакихъ желаній, смотритъ, чтобы никакая бездѣлица не пропадала даромъ — словомъ — во всемъ наблюдаетъ порядокъ и бережливость.»

—Какъ? Она уже догадывается, что дѣла наши разстроены, и что я много долженъ? Я никогда не замѣчалъ этого!—

«Ты не замѣчалъ отъ того, что она искусно скрывается отъ тебя. Но, не увеличивай ея грусти: ты убьешь ее, ежели она увидитъ, что ты не такъ

уже любишь Соничку, какъ прежде. Поспарайся смотрѣть на все въ другомъ видѣ; дочь твоя должна увеличишь привязанность къ домашней жизни; болѣе всего — не унывай. Отчаяніе ничего не производитъ, кромѣ ослабленія моральныхъ и физическихъ силъ. Придумаемъ вмѣстѣ, какъ помочь тебѣ. Я съ своей стороны готова пожертвовать всѣмъ, что имѣю. Капиталъ мой въ вѣрныхъ рукахъ; я получу его въ срокъ, и отдамъ тебѣ; ежели нужно будетъ, то заложи, или продай мое имѣніе, для заплаты своихъ долговъ. Ты, съ своей стороны, также умѣрь свои расходы, перемѣни образъ жизни, и будь увѣренъ, что за пожертвованія свои будешь ты слишкомъ вознагражденъ спокойствіемъ и счастіемъ, собственно твоимъ и семейства твоего.»

Аглаевъ со слезами бросился цѣловать руки Софьи, и опъ души благодарилъ ее. «Я надѣюсь,» продолжалъ онъ, «что не буду принужденъ къ

необходимости воспользоваться истинно дружескимъ, родственнымъ расположеніемъ твоимъ, и готовностію пожертвовать состояніемъ для устройства нашихъ дѣлъ. Я увѣренъ, что дядюшка, къ которому намѣренъ я скоро ѣхать, и откровенно во всемъ признаться, не оставитъ меня безъ пособія. Но сегодняшній разговоръ нашъ будетъ для меня на вѣкъ незабвеннымъ! »

— Не позволишь-ли ты мнѣ поговорить о вашемъ положеніи съ братомъ Алексѣемъ? — продолжала Софья. — Онъ богатъ, и можетъ, не разстроивая себя, помочь вамъ. Я хотѣла было говорить ему въ бытность его здѣсь, но не рѣшилась безъ твоего позволенія.

« Отдаю все въ твою волю, » отвѣчалъ Агласвъ. « Ты можешь располагать по произволу ввѣренною мною тебѣ тайною; я увѣренъ, что ты не употребишь ее во зло. Однакожъ, любезная сестра, пособіе, предлагаемое такъ нѣжно, и опытъ добраго сердца, можно принять съ

истинною благодарностію; но ежели кто вздумаетъ хвастать своими благодѣяніями, разглашать ихъ, и требовать, въ знакъ благодарности, безусловнаго повиновенія, ты сама согласишся — это слишкомъ тяжело! Я готовъ лучше ходить по міру, нежели быть обязаннымъ такому человѣку.»

—О, въ этомъ случаѣ будь увѣренъ— ежели я хоть нѣсколько замѣчу, что Алексѣй неспособенъ сдѣлать вамъ вспомоществованія такъ, какъ должно брату, то и говорить ему ничего не буду.

Тутъ прервали разговоръ ихъ. Катерина проснулась, и звала ихъ къ себѣ.

Совѣты и великодушіе Софьи сдѣлали сильное впечатлѣніе на Аглаева; онъ былъ очень милъ и внимателенъ къ женѣ, ласкалъ своего ребенка; казалось, прежній счастливый образъ жизни ихъ возвратился, и это способствовало къ возстановленію здоровья Катерины.

Между тѣмъ Софья сказала Агласву, чтобы онъ приготовилъ жену свою по-

спепенно къ опъѣзду его въ Москву. Онъ объявилъ Катеринѣ, что получилъ письмо опъ дяди, который боленъ, и для этого надобно ему съѣздить въ Москву. Отложили поѣздку до прибытія старой Холмской, которая, на обратномъ пути съ богомолья, получила въ Москвѣ письмо опъ дочери своей Наталыи, съ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ ея изъ Петербурга. Холмская рѣшилась подождапь ее, и съ нею вмѣстѣ возвратишпься домой.

Чрезъ нѣсколько дней пріѣхала Холмская съ дочерью. Напалья была, можно сказапь, посторонняя въ своемъ семействѣ. Свиданіе съ сестрами было довольно холодно. Вскорѣ послѣ возвращенія Холмской, Аглаевъ отправился въ Москву. Хотя ѣхалъ онъ не надолго, но Катерина проводила его со слезами, и нѣсколько дней чувствовала себя весьма нехорошо.

Мы шолько упомянули о Напальѣ, въ началѣ сей повѣсти. Она жила до сего

времени въ отдаленіи отъ своего семейства. Крестная мать ея, дальняя родственница Холмскихъ, Графиня Вельская, взяла ее къ себѣ еще маленькую, отдала въ Институтъ, и по выпускѣ оттуда она жила въ домѣ Вельской, вмѣстѣ съ ея дочерью, какъ компаньёнка. Смерть старой Графини, и замужство ея дочери съ Княземъ Армидинымъ, который отправился, вскорѣ послѣ свадьбы, въ чужіе края, заставили Наталью возвратиться въ свое семейство. Она привыкла къ роскоши и разсѣянію въ домѣ богатыхъ Вельскихъ. Совершенно противоположная жизнь въ деревнѣ была для нея несносна.

Графиня Вельская оставила ей, по духовному завѣщанію, двадцать тысячь рублей, и весь свой гардеробъ. Наталья привезла съ собою подарки сестрамъ, и маленькой Соничкѣ, къ которой впрочемъ была весьма равнодушна, откровенно говоря, что не любитъ дѣтей. Вообще она, и самой себѣ, и другимъ въ

семействѣ своемъ, была въ тягость какимъ-то церемоніальнымъ и принужденнымъ обращеніемъ. Это обыкновенное слѣдствіе въ жизни того, кто выйдетъ изъ круга, гдѣ по волѣ Провидѣнія родился, и потомъ обязанъ будетъ возвратиться снова въ тотъ-же кругъ. Впрочемъ у Натальи было доброе сердце. Не смотря на свою холодность, она скоро подружилась съ Софьею, которая, сообщивъ ей семейственныя дѣла, коснулась до затруднительнаго положенія Аглаевыхъ. Наталья выслушала ее равнодушно; отвѣчала однакожъ, что ежели братъ Алексѣй не сдѣлаетъ имъ пособія, то она, съ своей стороны, готова помочь, чѣмъ можетъ.

«Только надобно поговорить прежде съ братомъ Алексѣемъ,» сказала она. «У него большое состояніе, и онъ можетъ, не разстроивая себя, сдѣлать имъ вспомоществованіе, а у меня, ты сама знаешь, капиталъ незначительный. Признаюсь тебѣ, я привыкла къ нѣкоторой

роскоши. Есть такіе предметы, которые сдѣлались мнѣ необходимостію, и я не могу обойдтишься безъ нихъ. Повѣришь-ли, что кромѣ шелковыхъ, я не могу носить другихъ чулковъ? Вообще туалетъ мой требуетъ большихъ издержекъ. Я привыкла къ хорошему столу, люблю нѣкоторыя лакомства, не могу сидѣть, читать, или работать при сальныхъ свѣчкахъ — у меня тотчасъ заболятъ глаза. А я вижу, что состояніе маменьки очень ограниченно, что вы живете въ нуждѣ, и во многомъ себѣ отказываете; слѣдовательно, ты сама согласишся, что мнѣ должно, какъ можно болѣе, беречь мой капиталъ. Однакожъ, за всѣмъ тѣмъ, я готова сдѣлать пособіе по возможности.»

Софья была поражена сими словами. Она не могла постигнуть: какъ можно, видя ближняго своего въ крайности, разсуждать хладнокровно о вздорѣ, и почитать необходимостью для жизни предметы роскоши.

Добрая Софья судила по себѣ; она не привыкла къ изнѣженной жизни, и не знала, что иногда вздорныя привычки сильно вкореняются, и невозможность удовлетворить прихотямъ дѣлаетъ человѣка, съ слабымъ характеромъ, почти несчастливымъ.

ГЛАВА VI.

« Но, укажите: гдѣ отечества отцы,
« Которыхъ мы должны принять за образцы?
. . . . . .
. . . . . .
« Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
« Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
« Вотъ наши старики, взыскательные судьи!

Грибоѣдовъ.

У Аглаева въ Москвѣ были два дяди, старые холостяки, Акимъ Ивановичъ Аристофановъ, родной братъ его ма-

шери, и Петръ Кондратьевичъ Аглаевъ, родной братъ его отца. Отъ Аристофанова никакой помощи ожидать было не льзя: онъ промоталъ почти все имѣніе, и, достигнувъ до 60 лѣтъ, продолжалъ однакожъ вести образъ жизни молодаго человѣка, былъ кругомъ долженъ, такъ, что по смерти его врядъ-ли что могло остаться наслѣдникамъ.

Другой дядя, братъ отца Аглаева, былъ старый, богатый скупецъ и ростовщикъ. По необходимости, на немъ основывалъ Аглаевъ всю свою надежду, и его думалъ онъ пропуть откровеннымъ признаніемъ о томъ, въ какомъ запрудительномъ положеніи находился, а потомъ попросить его пособія. Однакожъ, зная разсчетливость и скупость дяди, онъ не рѣшился остановиться у него въ домѣ, а пріѣхалъ прямо къ Аристофанову, который былъ всегда къ нему ласковъ, отвѣчалъ на его письма, обѣщалъ самъ быть у нихъ въ деревнѣ, чтобы познакомиться съ милою племянницею, и при-

глашалъ Аглаева, когда онъ будетъ въ Москвѣ, останавливаться у него.

«А, здравствуй, любезный Непруша!»— сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя Аглаева.— «Какъ мы давно не видались! Мнѣ страхъ досадно, что я еще не успѣлъ побывать у васъ. Говорятъ: жена у тебя красавица. Я видѣлъ здѣсь, прошлою зимою, сестру ея, кажется, Софью Васильевну;— она здѣсь всѣмъ головы вскружила, и ежели жена твоя похожа на нее, то поздравляю тебя.»

—Я, слава Богу, счастливъ въ моемъ супружествѣ. Вы, дядюшка, какъ себя чувствуете? Здоровы-ли вы? Мнѣ кажется, вы какъ будто похудѣли.

«Слава Богу, я здоровъ, и, какъ видишь, веселъ и бодръ» — отвѣчалъ Аристофановъ, задыхаясь опъ кашля, и накапывая на сахаръ какія-то капли.—«Надѣюсь: ты у меня остановился? Ты обѣщалъ мнѣ.»

—У васъ, дядюшка, ежели только не обезпокою васъ.

«Полно, братецъ, что за безпокойство между родными! — Что, видно соскучился въ деревнѣ, и пріѣхалъ повеселиться съ нами? Дѣло хорошее; только теперь въ Москвѣ не то, что бывало прежде: какъ-то спали всѣ поразсчетливѣе; однакожъ, есть еще нѣкоторые домы, гдѣ живутъ по старинному. Я тебя познакомлю, и мы вмѣстѣ повеселимся. Сегодня у насъ вторникъ; я запишу тебя съ вечера въ Англійскій Клубъ; завтра тамъ будемъ мы обѣдать; ты найдешь старыхъ знакомыхъ. Но, извини, братъ, мнѣ пора ѣхать. Я дома у себя стола не держу, да холостому человѣку и не нужно. Тому кто играетъ въ вистъ, или въ мушку, во многихъ домахъ рады. — Ежели будешь въ театрѣ, тамъ увидимся; теперь мнѣ нѣкогда—прощай до свиданія.»

Совѣты Софьи не изгладились изъ сердца Аглаева. Онъ рѣшительно расположился жить сколько возможно умѣреннѣе, не дѣлать никакихъ издержекъ,

и даже не нанимать лошадей. Передъ отъѣздомъ, еще бесѣдовалъ онъ съ Софьею, и разсчитывалъ, что поѣздка его почти ничего не будетъ стоить. Тотчасъ по прибытіи въ Москву онъ увидѣлъ, что ошибся въ своемъ соображеніи. Почтенный дядюшка объявилъ ему, что никогда дома не обѣдаетъ, слѣдовательно, кушать ему должно будетъ на свой счетъ. Но на это, думалъ Аглаевъ, я истрачу безділицу; отыщу старыхъ знакомыхъ, и вѣрно многіе будутъ приглашать меня. Впрочемъ, куда, кажется, еще тратить деньги? Ежели сошью новый фракъ, то это необходимо и въ деревнѣ. Такимъ образомъ, исполняя *рѣшительное* намѣреніе беречь деньги, отправился онъ пѣшкомъ къ старому дядѣ, на котораго возлагалъ всю надежду.

Съ трепетомъ и сильнымъ біеніемъ сердца приближился онъ къ дому его. «Отъ этого стараго, грубаго скупца зависитъ судьба моя» — думалъ Аглаевъ.

«Ежели-бы не крайность, то никогда нога моя не была-бы у него въ домѣ! Но — дѣлать нѣчего: надобно преодолѣть себя, выслушать съ терпѣніемъ его глупыя наставленія, вытерпѣть упреки, что я могъ, сидѣть съ нимъ по нѣскольку часовъ вдвоемъ, смотрѣть, какъ онъ раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, и слушать брань его съ людьми. Такъ и быть — вооружусь терпѣніемъ.... Но ежели онъ уже умеръ, и ничего по духовной своей не оставилъ: что тогда дѣлать?» Эта мысль заставила Аглаева содрогнуться. Онъ невольно остановился передъ домомъ. Какъ будто нарочно, ворота и окна были закрыты, и никого не видать было на дворѣ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, и съ какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ, взошелъ Аглаевъ на крыльцо.

Ни въ передней, ни въ обширной залѣ, не встрѣтилъ онъ ни одного человѣка; всѣ двери въ комнатахъ были отворены настежь; вездѣ видны были нечистота

и безпорядокъ. Въ буфетѣ услышалъ онъ стукъ, и вошелъ туда; тамъ наконецъ отыскалъ онъ стараго, знакомаго ему слугу, который держалъ на рукахъ запачканнаго ребенка, и кормилъ его оспанками отъ стола.

«А, здравствуйте, батюшка Петръ Ѳедоровичъ!» — сказалъ слуга. — «Давно-ли пожаловали къ намъ, въ Москву?» — Только сегодня. Что дядюшка? — «Очень боленъ.» — Доложи ему обо мнѣ. — «Извольте; но самъ я войдши къ нему не смѣю, а скажу Марѳѣ Лаврентьевнѣ.» — Какая Марѳа Лаврентьевна? Неуже-ли тетушка моя, Лукавина? — «Она, батюшка, она сама; теперь она наша госпожа. Со времени болѣзни дядюшки совсѣмъ переселилась она сюда, взяла къ себѣ ключи, и, кажется, все ей достанется.» — Какъ? Съ какой стати? Она самая дальняя родственница, правнучатная сестра дядюшки. —

«Такъ; но она все прибрала въ свои

руки, а на васъ дядюшка очень гнѣвается.»

— За что? Чѣмъ могъ я надосадить ему?

«Онъ изволилъ еще прежде говорить, что вы совсѣмъ его забыли, и давно не писали.»

— Какъ не писалъ? Напротивъ: отъ него не получилъ я отвѣта ни на одно письмо мое; но, видно, почтенная пестушка все это обработала! — «Притомъ же она сказывала ему, что будто ваше имѣніе за долги назначено въ продажу; это еще пуще его взбѣсило. Онъ пошелъ видно весь въ отца — сказалъ дядюшка. Тотъ промотался, и сынокъ, видно, такой-же негодяй; но нѣтъ, я этому мотту ничего не оставлю—прибавилъ онъ съ досадою.—Марѳа Лаврентьевна съ тѣхъ поръ чаще стала ѣздить къ намъ, а со времени болѣзни барина совсѣмъ переселилась. Я самъ слышалъ, какъ она при мнѣ изволила говорить,

что дядюшка отдалъ ей все по духовной, а вамъ ничего отказано не будетъ. »

Какъ громомъ пораженъ былъ Аглаевъ сими словами. Между тѣмъ слуга пошелъ докладывать объ его пріѣздѣ. Онъ слышалъ, что Марѳа Лаврентьевна громогласно приказывала объявить, что дядюшка почиваетъ, и принять его не можетъ. Но въ тоже время Аглаевъ услышалъ стукъ отъ упавшей чашки, или стакана. Дядя его, какимъ-то дикимъ, невнятнымъ голосомъ, ворчалъ и бранился за неосторожность. Послѣ сего, увѣрясь, что старикъ не спитъ, Аглаевъ вошелъ прямо къ нему въ комнату.

Не смотря на то, что Аглаевъ всегда былъ равнодушенъ къ своему дядюшкѣ, и послѣдняя несправедливость давала ему все право быть на него въ негодованіи, — онъ приведенъ былъ въ ужасъ и состраданіе зрѣлищемъ, которое ему представилось.

Въ большихъ креслахъ, сидѣлъ умирающій, разслабленный старикъ, кругомъ обложенный подушками; ноги его покрыты были нагольнымъ тулупомъ; большой калпакъ, изъ козьей шерсти, и замаранный, изодранный шлафрокъ, составляли всю его одежду; глаза его попускнѣли, нижняя губа совсѣмъ ошвисла; все возвѣщало, что хотя осталось еще въ немъ нѣсколько физическихъ силъ, но морально онъ уже не существовалъ. Глаза его обратились было на Аглаева; но видно было, что онъ не узналъ его; вскорѣ потомъ отвернулся онъ, и быстро смотрѣлъ на Марѳу Лавреньтьевну, и на слугу, ворчалъ имъ что-то невнятное, и, какъ замѣтно было, сердился за то, что самъ уронилъ кружку съ питьемъ, которую хотѣлъ поставить на столъ, бывшій подлѣ самыхъ его креселъ.

Марѳа Лавреньтьевна подвинула еще ближе къ нему столъ, налила кружку, и подала ему выпить. Онъ успокоился,

глядѣлъ на всѣхъ, но, какъ видно было, никого не узнавалъ, и ничего не понималъ. Въ это время Марѳа Лаврентьевна напала на Аглаева. « Что вамъ угодно? Зачѣмъ пожаловали сюда? И такъ уже хорошимъ поведеніемъ своимъ вы огорчили дядюшку, вы причиною его болѣзни, и теперь ваше присутствіе можетъ сдѣлать ему большой вредъ. » — Тутъ вошелъ Докторъ. — « Самъ Карлъ Ивановичъ вамъ тоже подтвердитъ. »— Что такое? — спросилъ Докторъ.

« Вотъ Петръ Ѳедоровичъ, племянникъ нашего больнаго, вошелъ сюда безъ спросу; дядя и такъ былъ сердитъ на него, а теперь, не правда-ли, что надобно беречь его, и всякое душевное волненіе можетъ увеличить его болѣзнь?» И конечно—отвѣчалъ Докторъ. Съ симъ словомъ подошелъ онъ къ больному, пощупалъ его пульсъ, и спросилъ довольно громко: какъ онъ себя чувствуетъ? Видно было, что старикъ узналъ голосъ Доктора, но произносилъ какія-то не-

понятныя слова, и показывалъ рукою на голову.

«А, понимаю!» отвѣчалъ Докторъ, и, вмѣстѣ съ Маѳою Лавреньевною, вышелъ въ другую комнату писать рецептъ.

Аглаевъ съ ужасомъ смотрѣлъ на своего дядю. «Гораздо легче» — думалъ онъ—«видѣть человѣка умершаго, въ гробѣ, нежели въ такомъ жалкомъ, унизительномъ для человѣчества положеніи, но еще живаго.» Больной глядѣлъ во всѣ глаза, но видно было, что онъ совсѣмъ не узнавалъ его. Докторъ возвратился взять свою плляну, въ которую Маѳа Лавреньевна положила десятирублевую ассигнацію. Онъ вмѣстѣ съ нею, подшвердилъ Аглаеву, что присутствіе его можетъ сдѣлать большой вредъ больному его дядѣ, и началъ было краснорѣчиво доказывать, какъ всякое моральное потрясеніе можетъ поразить больнаго, и предускорить его смерть. Но Аглаевъ не имѣлъ терпѣнія

слушать. Что оставалось ему дѣлать, и какую надежду могъ онъ имѣть на полу-умершаго человѣка? Онъ поспѣшилъ выйдти изъ компаты, и изъ дому его, съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не возвращаться. Мыслъ, что всѣ надежды его такъ внезапно разрушились, привела его въ отчаяніе; онъ самъ себя не помнилъ, и ходилъ изъ улицы въ улицу безъ всякаго плана, не зная, что ему дѣлать! Положеніе его было ужасно. Деревня его имѣла два названія: Пріюшово, Александрова тожъ; покойный отецъ его заложилъ Пріюшово въ казну, а потомъ, бывъ въ совершенной крайности, ту-же деревню, подъ названіемъ *Александровой*, заложилъ въ часпныя руки. До сего времени, кое-какъ, Аглаевъ взносилъ проценты по обѣимъ закладнымъ, но кредиторъ его настоятельно требовалъ уплаты капитала, и это была настоящая причина пріѣзда Аглаева въ Москву. Онъ хотѣлъ убѣдить его подождать нѣсколько дней, и надѣялся,

что дядя поможетъ ему расплатиться. Теперь—что предпринять!

Въ такомъ положеніи, совсѣмъ не замѣчая, попалъ онъ на бульваръ, и ходилъ скорыми шагами. Съ нимъ встрѣтился старый его соповарищъ по Университетскому Пансіону, Константинъ Ивановичъ Змѣйкинъ. Онъ одѣтъ былъ чрезвычайно странно, въ какомъ-то коротенькомъ, выше колѣна, бѣломъ сюртукѣ, усы были у него отпущены и нафабрены. И въ спокойномъ расположеніи духа, Аглаевъ никакъ не могъ-бы узнать его; но тутъ самъ Змѣйкинъ адресовался къ нему. «Ты-ли это, Аглаевъ? Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы съ тобою! Гдѣ ты пропадалъ все это время?» — Я сего дня только пріѣхалъ въ Москву, а живу всегда въ деревнѣ, съ семействомъ моимъ—отвѣчалъ Аглаевъ. Послѣ того хотѣлъ онъ идти далѣе. «—Постой, постой, братъ! Можно-ли такъ обходиться, при первомъ свиданіи, съ старымъ пріі-

лисемъ и товарищемъ? Куда ты спѣшишь? И отъ чего ты въ такомъ смущеніи?» — Ничего, братецъ; я сей часъ только отъ дяди, и нашелъ его больнымъ, при смерти. — «Какого дядю? Не того-ли стараго грубіяна, который бывало пріѣзжалъ въ Панеіопъ бранить тебя? Вѣдь ты его наслѣдникъ, кажется, и не отъ чего быть въ отчаяніи.» Аглаевъ не хотѣлъ вывесть Змѣйкина изъ заблужденія, открывъ, что онъ не имѣетъ надежды на наслѣдство. Это могло-бы растревожить кредиторовъ его, которые, въ ожиданіи, что онъ разбогатѣетъ, не настоятельно требовали уплаты. Между тѣмъ и развратный Змѣйкинъ, извѣстный плутъ и картежникъ, сдѣлалъ тотчасъ планъ—завлечь Аглаева, и поживиться дядюшкиными деньгами.

«Полно, братъ, горевать о пустякахъ» — сказалъ Змѣйкинъ. — «Мы такъ давно не видались; я очень радъ, что встрѣтился съ тобою. Гдѣ ты сегодня

обѣдаешь? Ежели не далъ никому слова, поѣдемъ вмѣстѣ къ Яру, на Кузнецкій мостъ. Онъ славно кормитъ; хорошій сполъ, и нѣсколько стакановъ Шампанскаго, прогонятъ твою грусть. Есть о чемъ печалиться! Мнѣ такъ вотъ нѣтъ такого счастія! Всѣ мои дядюшки переженились, всѣ тетушки вышли за мужъ, и нажили кучу дѣтей. Есть у меня одна старая бабушка, отъ которой можно-бъ было надѣяться получить что нибудь, но она и сама не знаетъ за что взбѣсилась, выгнала меня вонъ изъ дома, и до сихъ поръ не пускаетъ.» Между тѣмъ Змѣйкинъ и Аглаевъ прошли нѣсколько разъ вмѣстѣ по бульвару. Аглаеву вдругъ пришла въ голову мысль, какъ поправиться и выйдти изъ затруднительнаго положенія. Мысль сія, которую мы узнаемъ въ послѣдствіи, заставила его сначала содрогнуться; но бесѣда съ развратнымъ человѣкомъ, разсказы его о разныхъ плутовствахъ и обманахъ, которые называлъ онъ *ло-*

костію и искуствомъ, часъ отъ часу болѣе, при слабости характера, сближала Аглаева съ его мыслію. Притомъ-же онъ не находилъ другихъ средствъ выйдти изъ бѣды.

Въ четыре часа отправились они, въ каретѣ Змѣйкина, обѣдать къ Яру. Покамѣстъ накрывали на столъ, Аглаевъ, думая о себѣ, что онъ великій масперъ играть на биллярдѣ, въ намѣреніи, подъ благовидною причиною, онообѣдать на счетъ Змѣйкина, предложилъ ему партію. Первую сыграли даромъ; Аглаевъ выигралъ, и подшучивалъ надъ Змѣйкинымъ; потъ предложилъ ему еще сыграть, на обѣдъ и Шампанское. Эту партію старался Аглаевъ всѣми силами выиграть, но, именно отъ излишняго старанія, проигралъ. Тутъ сказали имъ, что обѣдъ готовъ. Аглаевъ, въ досадѣ, и въ твердой увѣренности, что онъ играетъ лучше Змѣйкина, долженъ былъ покамѣстъ оставить биллярдъ, и идти угощать его на свой счетъ. Слѣдова-

тельно, въ первый-же день послѣ *рѣшительнаго* намѣренія беречь деньги, и не тратить ихъ въ Москвѣ по пустому, онъ долженъ былъ заплатить за обѣдъ и вино то, чего въ деревнѣ было-бы достаточно, можетъ быть, на мѣсяцъ, для содержанія его семейства! Аглаеву невольно пришла въ голову извѣстная повѣсть Вольтера, которая начинается сими словами: Memnon prit un jour le projet insensé de devenir parfaitement sage, etc. (Мемнонъ принялъ однажды безразсудное намѣреніе быть совершенно разсудительнымъ, и проч).

Однакожъ, хорошій столъ и вино нѣсколько развеселили и оживили Аглаева. Онъ долго просидѣлъ съ Змѣйкинымъ въ ресторацiи, послѣ обѣда, и весело пилъ кофе и курилъ трубку. Отъ игры въ биллiярдъ Змѣйкинъ отказался, говоря что ему тяжело играть послѣ обѣда. «Поѣдемъ, послѣ спектакля, ко мнѣ» — сказалъ онъ. — «У меня есть биллiярдъ; ко мнѣ еще кое-кто обѣщался быть. Я

готовъ сыграть съ тобою, сколько хочешь партій. Сверхъ того будешь у насъ висть, мушка, и проч. и проч. »—

Въ 7-мъ часу поѣхали они въ Театръ. У Змѣйкина были абонированныя кресла; Агласвъ досталъ себѣ мѣсто въ заднихъ рядахъ.

ГЛАВА VII.

« Всему пора, всему свой мигъ:
« Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
« Смѣшонъ и юноша степенный

А. Пушкинъ.

Близъ него сидѣлъ, какъ ему казалось, очень знакомый человѣкъ. Неуже-ли—думалъ Аглаевъ—это Репейкинъ—повѣса, пасмѣшникъ, злоязычникъ, и бывшій предводитель всѣхъ нашихъ Пансіонскихъ шалостей? Лицо точно его; но невозможно, кажется, такъ постарѣть и перемѣниться. Аглаевъ рѣ-

шился подойдти къ нему поближе. Онъ увидѣлъ человѣка, какъ казалось, лѣтъ за пятьдесятъ, блѣднаго, худаго, почти безъ зубовъ, съ немногими волосами на головѣ. Аглаевъ думалъ, что ошибся, и хотѣлъ идти прочь, но самъ Репейкинъ узналъ его. «Ба! да это кажется Аглаевъ?» сказалъ онъ. «Здравствуй, любезный товарищъ!» — Не уже-ли ты Егоръ Петровичъ Репейкинъ? — «Какъ видишь: я самъ своею особою.» — Можно-ли такъ постарѣть и перемѣниться? Я никакъ-бы не узналъ тебя. — «Что дѣлать, братъ! Я спѣшилъ жить. Ну, а ты какъ поживаешь? Мы давно не видались, но по толстотѣ, и по свѣжести лица видно, что надобно сказать:

«Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

Вѣрно ты женатъ, и завелся дѣтками?»

— Точно, я женатъ и живу въ деревнѣ. Вижу по насмѣшливому виду твоему, что ты хочешь опустить еще эпиграмму на мой счетъ:

.... Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало? —

«О, нѣтъ! Я самъ объявлю, что точно имѣю дѣтей.»—Ты, видно, все таковъ-же, какъ былъ въ старину? — «Ахъ, нѣтъ, братъ: я совсѣмъ перемѣнился. Испыталъ все: служилъ, вышелъ въ отставку, былъ въ чужихъ краяхъ, жилъ въ деревнѣ, все мнѣ надоѣло, вездѣ несносная скука. Теперь самъ не знаю, что мнѣ съ собою дѣлать, и куда дѣвашься отъ ужаснѣйшей тоски!» — Очень жаль, ежели ты опять не на смѣхъ говоришь мнѣ о твоей тоскѣ. Я знаю, что у тебя большое состояніе, много родныхъ, и ты имѣешь всѣ способы жить спокойно и счастливо. — «Нѣтъ, братъ, совсѣмъ не на смѣхъ говорю я тебѣ; состояніе свое я почти все прожилъ, съ родными разстроился, и точно на опытѣ убѣдился въ томъ, что qui n'a pas l'esprit de son âge, de son âge a le malheur (у кого умъ не его лѣтъ, у того несчастіи его лѣтъ). Я слишкомъ рано отжилъ

свой вѣкъ; правда, я пріобрѣлъ опытность, но, съ небольшимъ въ 30-ть лѣтъ, у меня уже подагра, и всѣ болѣзни, свойственныя старости и дряхлости. Теперь кое-какъ влачу я самую несносную жизнь; дома одному мнѣ скучно, особенно-же, когда я боленъ, что со мною довольно часто случается; жить открыто, и звать къ себѣ, не позволяетъ мнѣ мое состояніе: я почти все промотalъ, да это и не можетъ весе-лить меня. Когда я здоровъ, то часто ѣзжу въ Театръ и въ Англійскій Клубъ, въ надеждѣ встрѣтить кого нибудь изъ знакомыхъ. Сегодня для меня большая находка, что я увидѣлся съ старымъ пріятелемъ и товарищемъ.» Между тѣмъ заигралъ оркестръ. «Приходи сюда» — продолжалъ Репейкинъ — «подлѣ меня пустое мѣсто.» — Въ антрактахъ, которые въ Московскомъ Театрѣ бываютъ всегда длиннѣе самой пьесы, пріятели разговаривали о молодости своей, о Пансіонскихъ шалостяхъ. Репейкинъ раз-

весслился, злословилъ знакомыхъ, бывшихъ въ ложахъ и креслахъ, разсказывалъ множество забавныхъ анекдотовъ. Между прочимъ, онъ указалъ на одного очень пожилаго человѣка, одѣтаго по послѣдней модѣ, совсѣмъ неприличной его лѣтамъ, Старикъ этотъ ходилъ безпрестанно изъ одной ложи въ другую, обращался къ дамамъ, и вездѣ, какъ видно было, смѣялись надъ нимъ. « Посмотри на этого оригинала » — сказалъ Репейкинъ— « онъ жалокъ, точно такъ-же, какъ и я, только въ другомъ отношеніи. Я слишкомъ рано состарѣлся, а этотъ чудакъ хочетъ слишкомъ долго продолжать свою молодость, и не замѣчаетъ, что всѣ надъ нимъ смѣются, и дурачатъ его. Нашъ вѣкъ упрекаютъ тѣмъ, что онъ мало уважаетъ стариковъ. Моралисты признаютъ это явнымъ признакомъ развращенія нравовъ. Но такъ-ли живутъ наши старички, чтобы заслужить уваженіе? Вотъ, посмотри на этого распудреннаго, семидесятилѣтняго развра-

ника: онъ такъ ведетъ себя, и распутство его такъ гласно, что одинъ его примѣръ можетъ сдѣлать болѣе вреда въ обществѣ, чѣмъ сотня такихъ повѣсъ, какъ я прежній, тѣмъ-же болѣе потому, что онъ знатенъ и богатъ. Тотъ старикъ, о которомъ я прежде говорилъ, прозванный очень кстати *ложелазомъ*, по ошибкѣ одной дамы, хотѣвшей, въ шутку, назвать его *Ловеласомъ*— только что смѣшонъ, а этотъ обвешанный развратникъ—отвратителенъ и вреденъ!» Аглаевъ былъ скроменъ, и не объявлялъ Репейкину, что несчастный *ложелазъ* былъ ни кто другой, какъ дядя его Аристофановъ! — Между тѣмъ спектакль кончился; Змѣйкинъ подошелъ къ нимъ; Репейкинъ очень холодно поклонился ему, пожалъ у Аглаева руку, и просилъ навѣстить его.

Змѣйкинъ, прямо изъ Театра, повезъ Аглаева къ себѣ. Онъ занималъ довольно большой домъ; комнаты его прекрасно были убраны; все было освѣщено, и

нѣсколько ломберныхъ столовъ стояло уже раскрытыхъ; карты, мѣлки, щеточки — все было готово; множество трубокъ, съ прекрасными янтарными мундштуками, находилось въ углу гостиной. Пріятели напились чаю, и, покамѣстъ собирались гости, начали играть въ бильярдъ. Аглаевъ отличился, выигралъ сряду нѣсколько партій, и сталъ уже давать впередъ Змѣйкину, который *горячился*, былъ *не въ ударѣ*, проигралъ много денегъ Аглаеву, поспѣшасъ вынулъ книжку, и заплатилъ ему.

Стали собираться гости; но ни кого не было знакомыхъ Аглаеву. Хозяинъ пересталъ играть въ бильярдъ, чтобы составлять партіи. Изъ числа гостей, Змѣйкинъ отвелъ одного, блѣднаго, худаго, и весьма подозрительной физіогноміи, въ сторону; они что-то не долго побесѣдовали между собою; послѣ того гость закурилъ трубку, и отказался отъ вина, отговариваясь, что у него болитъ голова. Между тѣмъ партіи со-

ставились. «Ахъ, Боже мой! что-жъ ты, Петръ Ѳедоровичъ, такъ сидишь?» сказалъ Змѣйкинъ. «Не хочешь-ли въ экарте? Ты бывалъ въ старину масперъ въ эту игру; постой, я попрошу Павла Аниоповича Вампирова; онъ не сѣлъ въ висшъ, но въ экарте, можетъ быть, согласится.» — Благодарствую — отвѣчалъ Аглаевъ. — Я совсѣмъ отвыкъ, и въ большую игру не сяду.— «Я буду придерживать тебѣ — сказалъ Змѣйкинъ, и съ симъ словомъ подошелъ къ Вампирову. Тотъ отговаривался головною болью; однакожъ, изъ *снисхождения*, сѣлъ съ Аглаевымъ, довольно въ большую игру. Змѣйкинъ держалъ за Аглаева половину.

Аглаевъ игралъ очень *счастливо* въ экарте, и даже пошомъ въ шпосъ; словомъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, что выигралъ въ бильярдъ, повезъ онъ съ собою *тысячъ до трехъ*.

Дядюшка его еще не возвращался домой, хотя былъ уже второй часъ въ исходѣ. Аглаевъ пошелъ въ свою комнату,

нѣсколько разъ пересчиталъ выигранныя деньги, и въ это время вздумалъ, что самое лучшее средство поправить дѣла свои, и заплатить долги, есть то, чтобы продолжать игру. Еще нѣсколько дней такого счастія, думалъ онъ, и я совсѣмъ-бы квитъ съ долгами. Надобно только быть осторожнымъ, не горячиться, проигрывать понемногу, не болѣе какъ рублей по 200-ти въ день; такимъ образомъ, достанетъ у меня выигрышныхъ денегъ дней на десять, а, можетъ быть, въ это время случится *счастіе*, тогда—останавливаться нѣчего. Разъ, или два, приходили ему на память жена и дочь его, но на самое короткое время; вспомнилъ онъ также о совѣтахъ Софьи, и данномъ словѣ— жить въ Москвѣ сколько возможно умѣреннѣе, и поскорѣе возвратиться домой....Но—Софья женщина, думалъ онъ, хотя умная и добрая, но все *женщина*; она понятія не имѣетъ о легкомъ и удобномъ способѣ поправиться, и даже разбогатѣть игрою.

Сколько есть тому примѣровъ! Съ сими мыслями и разсчетами онъ крѣпко заснулъ.

На другой день, дядя его проснулся поздно, долго кашлялъ, и жаловался на головную боль. Блѣдно-желтыя его щеки и впалые глаза доказывали, что онъ точно страдалъ. Вообще онъ былъ отвратителенъ, покамѣстъ не одѣлся; но когда умылся, выбрился, вытеръ лице пудрою, и потомъ еще какимъ-то спиртомъ, вставилъ зубы, и каммердинеръ его очень искусно направилъ *туръ*, а остальные волосы причесалъ и напомадилъ, то его узнать было не льзя. Онъ посмотрѣлся съ довольнымъ видомъ въ зеркало, и совсѣмъ ободрился.

« Ну что, Петруша: какъ ты провелъ вчерашній день? « спросилъ онъ, и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ — « А мнѣ было очень весело; послѣ обѣда, у Транжириныхъ, я, правда, порядочно проигрался, но за то вечеромъ, на балѣ у Княгини Блестикиной, провелъ вре-

мя очень пріятно—тряхнулъ стариною, и много танцовалъ. Правду сказать, нынѣшніе танцы уномительны : котильонъ, или мазурка, продолжается часа два, а я легко и хорошо вальсирую — вотъ, меня дамы все выбирали, и, признаться должно, я порядочно устадъ. Но бѣда не велика : я уже отдохнулъ. Да ты что не скажешь, гдѣ вчера былъ ? Я вездѣ смотрѣлъ тебя въ Театрѣ, но не видалъ. » — А я васъ видѣлъ ; вы ходили безпрестанно по ложамъ. — « Да, братецъ, у меня множество знакомыхъ. » При этихъ словахъ слуга его принесъ записку. » — « Что : видно отказъ ? » сказалъ Аристофановъ. « Я ожидалъ пакета гораздо поплотнѣе. » Онъ прочиталъ записку, и кинулъ ее съ досадою. « Вотъ какія времена ! Никто не хочетъ платить долговъ. Этотъ молодецъ купилъ у меня деревню, и не только капитала, но и процентовъ не платитъ. Самъ не знаю, что дѣлать ! Послушай, Петруша : ты вѣрно привезъ изъ деревни много денегъ;

сдѣлай одолженіе, дай мнѣ въ займы, на нѣсколько дней, рублей двѣсти, или пристa!» Аглаеву совѣстно было отказать; онъ вынулъ книжку и отсчиталъ дядѣ пристa рублей. Дядя разцѣловалъ его, и обѣщался непремѣнно скоро заплатить. Тотчасъ послѣ того старикъ уѣхалъ, напоминая Аглаеву, что онъ записанъ въ Англійскій Клубъ, и чтобы въ третьемъ часу пріѣзжалъ обѣдать.

Аглаевъ нанялъ на выигрышныя деньги карету; отправился прежде всего къ портному, и заказалъ себѣ все новое платье; оттуда, ѣхавши мимо косметическаго магазина, зашелъ въ этотъ магазинъ, накупилъ множество всякаго вздора, для себя, также въ подарокъ женѣ и Софьѣ. Выигрышныя деньги, которыя онъ такъ благоразумно располагался употребить на игру, чтобы поправить дѣла свои, очень уменьшились. Потомъ отправился онъ къ кредитору своему, у котораго было въ залогѣ его имѣніе. Тщетно убѣждалъ онъ его еще

отсрочить уплату капитала, и взять съ него проценты. Кредиторъ былъ неумолимъ, рѣшительно отказалъ, и далъ всего только недѣлю срока, объявляя, что послѣ того представитъ непремѣнно закладную ко взысканію.

Съ большою горестью поѣхалъ отъ него Аглаевъ; но вскорѣ успокоился онъ мыслію, что долгъ по закладной всего только десять тысячь, и что въ продолженіе недѣли, вѣрно столько можетъ онъ выиграть. Чтобы поскорѣе развязаться, рѣшился онъ играть въ большую игру.

Въ Клубѣ встрѣтилъ Аглаевъ вчерашняго своего знакомаго, Павла Антоновича Вампирова. У него уже не болѣла голова, и онъ самъ предложилъ довольно большую игру въ вистъ, въ *континуацію*. Аглаевъ думалъ о себѣ, что онъ большой масперъ, и тотчасъ согласился. Змѣйкинъ, и еще какой-то молодецъ, незнакомый ему, составили партію. По счастію, Аглаеву доставалось все играть

съ почтеннымъ Вампировымъ ; хотя онъ и проигралъ , однакожъ не болѣе 200 рублей. Вспомнивъ , что далъ себѣ слово — болѣе этой суммы въ одинъ день не проигрывать , Аглаевъ пересталъ , и поѣхалъ вечеромъ къ дальнему родственнику жены своей , Ѳомѣ Михайловичу Радушину , съ которымъ онъ не былъ знакомъ ; но у него были письма отъ Катерины и Софьи , на имя этого почтеннаго человѣка.

ГЛАВА VIII.

« Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ
« Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
« Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ,
« И счастливъ лишь собой самимъ;
« Кто сердце чисто, совѣсть праву
« И твердый нравъ хранитъ въ свой
вѣкъ,
« И всю свою въ томъ славитъ славу,
« Что онъ лишь добрый человѣкъ!

Державинъ.

Аглаевъ слышалъ много хорошаго о Радушинѣ. Всѣ славили его въ примѣръ необыкновенной доброты, и готовности къ услугамъ, хвалили его необыкновенный умъ, удивлялись, что у него въ

преклонныхъ лѣтахъ сохранилась вся свѣжесть памяти. Всѣ говорили, что бесѣда съ нимъ чрезвычайно занимательна. Даже самъ высокопочтенный Князь Рамирскій говорилъ о Радушинѣ съ уваженіемъ. Холмская разсказывала многія прекрасныя черты его жизни. Онъ былъ всеобщій, можно сказать, опекунъ, хлопоталъ по дѣламъ, не только родныхъ, но и постороннихъ, былъ избирасмъ судьею въ семейныхъ непріятностяхъ и примирителемъ въ ссорахъ. « Словомъ » — говорила Холмская, « онъ въ полной мѣрѣ, на опытѣ собою доказываетъ, что *не женившійся печется о душѣ*. А что до сихъ поръ наиболѣе дѣлаетъ ему чести, такъ это то, что онъ за многія добрыя дѣла испытывалъ самую черную неблагодарность, но не тягостится, и донынѣ не отрекается быть полезнымъ, вездѣ и всякому, гдѣ только встрѣтится случай. «

Агласвъ поѣхалъ было къ нему, съ намѣреніемъ, откровенно объявить свое

положеніе, и просить его пособія, но дорогою одумался. Какимъ образомъ, такому почтенному человѣку, открыть мои дѣла? Возмется-ли онъ помогать мнѣ, когда, при первомъ, можно сказать, знакомствѣ, онъ долженъ получить обо мнѣ такое дурное мнѣніе? Ежели извиняешь себя молодостію и неопытностію, то онъ будетъ имѣть право подумать, что я все такой-же шалунъ, какъ и былъ, потому, что родные мои не помогаютъ мнѣ выйдти изъ моего затруднительнаго положенія. Ему вѣрно извѣстно, что у меня дядя большой богачъ; притомъ-же онъ подумаетъ, что и Князь Рамирскій вѣрно не отказался-бы помочь мнѣ, если-бы я былъ порядочный человѣкъ. А самое главное то, что ни жена, ни Софья, ничего не пишутъ къ нему о пособіи. Какое-же мнѣніе будетъ онъ имѣть о такомъ человѣкѣ, который, безъ вѣдома своего семейства, адресуется къ нему съ просьбою о деньгахъ? Сообразивъ это, Аглаевъ хотѣлъ было воро-

питься домой, но карета его уже подъѣхала къ крыльцу Радушина. Припомъже, подумалъ онъ, что я скажу женѣ, ежели уѣду изъ Москвы, не познакомившись съ человѣкомъ, столько всѣми уважаемымъ?

Радушинъ принялъ его съ большою привѣтливостію, разспрашивалъ у него о всѣхъ родныхъ. «Жену вашу я мало знаю,» сказалъ онъ, «но невѣсту свою, милую Соничку — такъ до сихъ поръ привыкъ я называть ее—страстно люблю. И вообразите, какая постоянная страсть моя къ ней? Когда я въ первый разъ ее увидѣлъ, ей было не болѣе 7-ми, или 8-ми лѣтъ, а мнѣ было уже далеко за 50-ть, но я влюбился въ нее, назвалъ ее моею невѣстою, а ей велѣли почитать меня женихомъ, и до сихъ поръ страсть моя еще не прошла.» Радушинъ распространился въ похвалахъ Софьѣ, и Аглаевъ отъ души подтверждалъ то, что онъ говорилъ ему.

У Радушина нашелъ Аглаевъ много

гостей, и хотя Радушинъ былъ старый холостякъ, онъ увидѣлъ нѣсколько дамъ, и даже молоденькихъ дѣвушекъ, съ матерьми. Незамѣтно было, чтобы онѣ скучали и тяготились обществомъ старика: такъ умѣлъ онъ, разсказами и анекдотами своими о старинѣ, суждепіями, исполненными самой чистѣйшей нравственности, безъ всякаго педантства, одушевить бесѣду свою. Онъ никого не оставлялъ безъ вниманія, выслушивалъ, что другіе говорили, умѣлъ вовлечь всякаго въ разговоръ, и сдѣлать интересными разсказы, какъ свои, такъ и чужіе.

Разговоръ обратился на общее развращеніе нравовъ. «Напрасно возстаете вы на нынѣшній вѣкъ»— сказалъ Радушинъ. «Я давно живу на свѣтѣ: повѣрьте, что предки наши, а, по крайней мѣрѣ, современники мои, чуть-ли не похуже были нынѣшняго поколѣнія! Лесть, низость, лицемѣрство, злословіе, зависть, эгоизмъ, были и всегда будутъ властели-

нами людей. Но въ нынѣшнее время нѣтъ этой, такъ сказать, откровенной наглости пороковъ, какая бывала въ старину. Нынѣ, какъ будто совѣстно вступать въ званіе шута къ вельможѣ. Прежде, безъ всякаго стыда, готовы были стоять по нѣскольку часовъ въ передней, для того только, чтобы, можетъ быть, удостоиться милостивой улыбки, или одного слова вельможи, когда онъ изволитъ проходить мимо. Даже и тѣ, отъ которыхъ онъ благосклонно отвернется, или на кого посмотритъ съ презрѣніемъ, разбранитъ, и кому наскажетъ множество самыхъ колкихъ грубостей, не унывали, продолжали постоянно являться на дежурство въ его переднюю. Какой дворянинъ въ нынѣшнее время рѣшится, въ угодность знатному, играть передъ нимъ на балалайкѣ, или, для забавы его, плясать у него на балѣ поцыгански? Увы! современники мои ко всему этому были способны, и неустрашимо готовы были подвергнуться всякому униже-

нію! Не спорю: и теперь есть подлецы; пороки тѣ-же господствуютъ въ обществѣ; но какъ-то надѣваютъ они на себя личину нѣсколько благовиднѣе. Воля ваша: я нахожу, что Шапобріанъ справедливо сказалъ: *cessons, Messieurs, cessons de fletrir notre siécle; nos enfans valent mieux que nous* (Перестанемъ, Господа, безславить нашъ вѣкъ; дѣти наши лучше насъ).

Многіе спорили противъ него; онъ доказывалъ, но безъ всякихъ колкостей и непріятностей. Потомъ обратился разговоръ на неблагодарность и эгоизмъ, какъ на отличительную черту нынѣшнихъ нравовъ.

Одна пожилая дама сказала: «Вы, Ѳома Михайловичъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, можете быть поставлены въ примѣръ. Сколько я знаю людей, которымъ вы оказали, не только услуги, но, точно можно сказать, благодѣянія, а они заплатили вамъ неблагодарностію, и даже вредили вамъ! При всей вашей

скромности, это такъ извѣстно, что не льзя не удивляться вашему равнодушію и терпѣнію.»

— Не спорю, что первое впечатлѣніе, произведенное въ душѣ моей неблагодарностію—отвѣчалъ Радушинъ—было очень непріятно, и даже, къ стыду моему, я признаться долженъ — поколебало меня. Я хотѣлъ все бросить, удалиться отъ общества, и жить только для одного себя; но одумавшись, я въ душѣ моей увѣрился, что надобно дѣлать добро, имѣя въ виду одно только добро, а кто ищетъ благодарности, тотъ уже эгоистъ. Убѣжденіе въ этой истинѣ подкрѣпило меня; я уже ничему не удивлялся, и неблагодарность послѣ того нисколько не трогала меня. Впрочемъ, первые опыты черноты человѣка, котораго я почиталъ истиннымъ своимъ другомъ, для котораго я готовъ былъ всѣмъ пожертвовать, и которому я доказывалъ это во многихъ случаяхъ, точно были слишкомъ сильны. Можно извинить ме-

ня, что я принялъ ихъ прямо къ сердцу, но за то послѣ уже ничто не могло поразить меня.— Многіе просили его разсказать случившееся съ нимъ.—Извольте—отвѣчалъ Радушинъ.—Уже давно все кончилось: *другъ мой*, заставившій меня повторить слова, ежели не ошибаюсь, Аристиппеля: *друзья мои! нѣтъ друзей!* — не существуетъ Онъ самъ послѣ раскаялся. Подвиги его были столь гласны, что вы и безъ меня можете его узнать. Притомъ-же разсказъ мой послужитъ доказательствомъ того, что я прежде утверждалъ: теперь нѣтъ такой откровенной наглости въ порокахъ, какая бывала въ наше время. Нынѣ рѣжутъ и душатъ другъ друга съ вѣжливостію, осыпая ласками; встрѣчаются, цѣлуются, какъ пріятели, и, обнимаясь, готовы вонзить кинжалы другъ другу, прямо въ сердце.

« Подумай-ка, братъ, Ѳома Михайловичъ » — сказалъ одинъ старичокъ, съ двумя звѣздами, старинный другъ Ра-

душина, сидѣвшій подлѣ него — «не гораздо-ли это хуже? Разбойникъ, нападающій на меня гласно, дѣйствуетъ благороднѣе, нежели тайный убійца: отъ него скорѣе можно защититься, чѣмъ отъ скрытаго врага, который, обнимая, въ то-же время ищетъ средства, и придумываетъ способы, какъ-бы лучше задушить тебя.»

— Не стану спорить—отвѣчалъ Радушинъ—но нынѣшніе поцѣлуи и клятвы въ дружбѣ принимаются людьми опытными въ настоящемъ видѣ; всякій беретъ свои мѣры, и знаетъ, что кто болѣе и чаще его цѣлуетъ, и увѣряетъ въ дружбѣ, тотъ и есть непріятель ему. — Но, приступаю къ моему разсказу.

Другъ мой назывался Захаръ Борисовичъ; нѣтъ нужды объявлять его фамилію: я разсказываю подвиги не въ злословіе его. Богъ съ нимъ! Онъ уже умеръ, и я давно, въ душѣ моей, простилъ его. Цѣль повѣствованія моего можетъ имѣть нравственную пользу:

оно докажетъ, что человѣкъ, избирающій косвенную дорогу, для возвышенія и достиженія намѣреній своихъ, очень ошибается, потому, что всякое безчестное дѣло, рано или поздно, откроется. Захаръ Борисовичъ воспитывался въ нашемъ домѣ. Отецъ его былъ небогатый человѣкъ, и служилъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, въ Турецкую войну, подъ предводительствомъ Графа Миниха, былъ тяжело раненъ, и, умирая на рукахъ моего отца, поручилъ ему сына своего. Покойный батюшка сдѣлался опекуномъ Захара Борисовича, перевезъ его къ себѣ въ домъ, воспитывалъ насъ вмѣстѣ, и не дѣлалъ между нами никакого отличія. Насъ въ одно время записали въ Корпусъ; вмѣстѣ выпустили, въ одинъ полкъ, въ офицеры, и я всегда почиталъ Захара Борисовича за роднаго брата. Не стану разсказывать, сколько дѣлалъ я ему услугъ въ молодости. Онъ былъ довольно горячаго и сумасброднаго нрава; я защищалъ его, выходилъ за него

на дуэль: это очень обыкновенно, и онъ самъ вѣрно былъ-бы готовъ для меня на всякія пожертвованія. Въ молодости каждый изъ насъ гораздо способнѣе къ великодушію, и чѣмъ болѣе старѣется человѣкъ, тѣмъ болѣе, ежели не будетъ имѣть безпрерывнаго вниманія за собою, чувство эгоизма въ немъ усиливается.

При взятіи Праги, мы оба съ нимъ командовали баталіонами, въ одномъ полку. По диспозиціи, его баталіону должно было прежде моего идти на шпурмъ. Солдаты не очень любили его, и онъ сначала не имѣлъ удачи; я бросился на подкрѣпленіе, и мы сдѣлали свое дѣло. Онъ былъ раненъ, — я вынесъ его на своихъ рукахъ; но въ то-же время и самъ я получилъ тяжелую рану; ко мнѣ солдаты были привержены, насъ обоихъ положили на плащи, и избавили отъ смерти.

Раны лишили насъ возможности продолжать военную службу. Мы вышли въ отставку, и, по желанію покойнаго батюшки, вступили вмѣстѣ въ граждан-

скую службу. Съ тѣхъ поръ, *мой другъ* Захаръ Борисовичъ началъ подвизаться иначе. Я дѣлалъ свое дѣло, управлялъ порученною мнѣ частію, а онъ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсть благосклонность общаго нашего начальника, переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался его любимцемъ, и обогналъ меня въ чинахъ и наградахъ. Какія средства употреблялъ онъ къ тому—можно догадаться; но я ничего не понималъ, думалъ, что онъ болѣе меня трудился, и за то по справедливости имѣетъ болѣе отличій. Теперь я уже вышелъ изъ заблужденія, и увѣрился въ истинѣ словъ, сказанныхъ Мольеромъ: L'ami du genre humain n'est pas mon fait.» (Всеобщій другъ не мой человѣкъ). Но въ то время, именно я былъ таковъ, что всѣхъ людей почиталъ добрыми, и своими друзьями. Почтенный Захаръ Борисовичъ продолжалъ часто посѣщать меня, совѣтовался со мною, давалъ мнѣ, не только поправлять свои бумаги, но просилъ даже нѣкоторыя и совсѣмъ пи-

сать за него. Все это я дѣлалъ, никакъ не замѣчая, что я тружусь, а *другъ мой* получаетъ награды. Наконецъ, черпота души его открыла мнѣ глаза. Я написалъ мысли мои, и нѣкоторыя предположенія, о лучшемъ устройствѣ той части управленія, по которой мы вмѣстѣ съ нимъ служили. Долго работалъ я, нѣсколько разъ переписывалъ, и готовъ былъ представить нашему начальнику; но прежде вздумалось мнѣ посовѣтоваться съ *моимъ другомъ*. Онъ одобрилъ мои предположенія, и просилъ, чтобы я на нѣсколько времени далъ ему, на досугѣ, разсмотрѣть и обдумать. « Я знаю тебя, » прибавилъ онъ, « первыя мысли твои всегда прекрасны, но иногда, чѣмъ болѣе ты трудишься, тѣмъ хуже дѣлаешь. Дай мнѣ также и черновыя свои бумаги; я увѣренъ, что въ нихъ найдется много хорошаго. « — Ничего не подозрѣвая, отдалъ я ему, не только черновыя бумаги, но даже и матеріялы, которые служили основаніемъ моихъ пред-

положеній. Черезъ нѣсколько времени попребовалъ я отъ него обратно свои бумаги; онъ отговаривался, что за недосугомъ нѣкогда ему было заняться разсмотрѣніемъ, и просилъ оставить еще на нѣсколько дней. Такимъ образомъ прошло около мѣсяца; я ѣздилъ къ нему довольно часто въ это время, но никогда не заставалъ дома. Наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, пріѣхалъ я къ нему однажды рано утромъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять мои бумаги. Я нашелъ у него много просителей и подчиненныхъ его. Къ удивленію моему, онъ принялъ меня очень холодно. Это съ перваго раза взбѣсило меня; но я удержался, и, отозвавъ его въ сторону, попребовалъ возвращенія моихъ бумагъ. — «Какія бумаги?» сказалъ онъ, возвысивъ голосъ, такъ, чтобы всѣ слышали. «Вы уже мнѣ надоѣли вашими вздорами. Ежели не умѣете двухъ словъ сами написать, такъ зачѣмъ-же вы служите? Мнѣ нѣкогда исправлять ваши

ошибки, и заниматься вашими дѣлами; у меня своя обязанность. Признаюсь вамъ: вы меня вывели изъ всякаго терпѣнія, и я долженъ наконецъ при всѣхъ сказать, чтобы вы оставили меня въ покоѣ!» — При сихъ словахъ, зная мою горячность, онъ поспѣшилъ отойдти отъ меня, и отправился въ свой кабинетъ, позвавъ Секретаря съ бумагами. Я былъ пораженъ безстыдствомъ его, какъ громомъ; кровь бросилась мнѣ въ голову, и нѣсколько минутъ я не могъ опомниться. Въ первомъ движеніи хотѣлъ было ворваться въ кабинетъ, и бить его, но одумался. «Подлецъ, безсовѣстный, наглый подлецъ!» громко сказалъ я, при всѣхъ, и съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ ужасною головною болью, отправился домой. Происшествіе это, такъ внезапно, и такъ сильно поразило меня, что я долженъ былъ послать за Докторомъ, и слечь на нѣсколько дней въ постелю. *Другъ мой* воспользовался симъ случаемъ; я назвалъ его *подлецомъ* при

всѣхъ, а онъ уже и прежде внушалъ постепенно начальнику нашему, что я самаго безпокойнаго характера, и неспособенъ ни къ какому дѣлу. Послѣднее происшествіе, которое — разумѣется — онъ объяснилъ по своему, служило явнымъ доказательствомъ моего сумасбродства; словомъ: добрый и *пронцательный* Начальникъ нашъ прислалъ мнѣ объявить, чтобы я тотчасъ шелъ въ отставку, и что если онъ не предастъ меня суду, то именно изъ уваженія къ ходатайству *друга моего*, Захара Борисовича, котораго я такъ жестоко, при всѣхъ, обидѣлъ. Въ то-же время узналъ я, что мои предположенія, которыя *другъ мой* представилъ за свои, одобрены Правительствомъ, приводятся въ исполненіе, и не только почтенный Захаръ Борисовичъ, но и самъ Начальникъ нашъ получили за то награжденія.

Все это, какъ вы видите, очень *хорошо*, но этого еще мало. Мнѣ не чѣмъ было изобличить *друга*: онъ имѣлъ хитрость

выманишь у меня даже черновыя бумаги; оправданія мои были-бы безполезны, и могли-бы даже послужить къ моему вреду, подавъ ему поводъ называть меня клеветникомъ. Притомъ-же, я такъ былъ возстановленъ противъ людей, что попалъ въ другую крайность: прежде, я всѣхъ безъ разбора любилъ, а послѣ этого происшествія всѣхъ возненавидѣлъ. Мнѣ казалось слишкомъ низко оправдываться, и обнаруживать безстыдное мошенничество *моего друга*. Я подалъ въ отставку, и тотчасъ поѣхалъ въ деревню къ моему отцу. До свѣдѣнія старика моего дошло уже случившееся со мною, и, какъ обыкновенно водится, съ прибавленіемъ и украшеніемъ. Онъ былъ очень огорченъ, и даже, по старости и слабости, занемогъ. Я нашелъ его въ постелѣ; свиданіе со мною, и откровенный разсказъ всего происшествія, успокоили его. Онъ уважалъ мой образъ мыслей, и былъ твердо увѣренъ, что я не способенъ ни къ какой подлости; при-

томъ-же всегда обходился онъ со мною, какъ съ другомъ, и зналъ, что я былъ съ нимъ чистосердеченъ и не сталъ-бы его обманывать. Свиданіе со мною успокоило его; но душевное потрясеніе, и горесть, при дряхлости и истощенномъ здоровьѣ, были для него пагубны; болѣзнь его усилилась, и чрезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, онъ скончался на рукахъ моихъ, благословляя меня, и увѣщевая, не смотрѣть на неблагодарность и вѣроломство людей, не отрекаться служить имъ, и быть для нихъ полезнымъ.

Такимъ образомъ, *другъ мой* лишилъ меня службы, хотѣлъ помрачить мою репутацію, и предускорилъ смерть добраго, почтеннаго моего отца; но этого все еще казалось для него мало. Я былъ въ то время сговоренъ въ Петербургѣ, съ прелестною и молодою дѣвушкою; все было готово къ соединенію нашему, и свадьбу отложили только до пріѣзда батюшки. Слухи о случившемся со мною

сообщены были будущему моему тестю, въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлось моему другу. Еще прежде моего отъѣзда изъ Петербурга объявленъ мнѣ былъ отказъ, и запрещено ѣздить въ домъ, а послѣ того, вскорѣ по смерти отца моего, получилъ я извѣстіе, что *другъ мой*, котораго я самъ познакомилъ въ домѣ моей невѣсты, на ней женился. Къ счастію, благодѣянія *друга* слѣдовали одно за другимъ такъ скоро, и огорченіе послѣ смерти отца моего было еще такъ сильно, что послѣдній *дружескій подвигъ* — женитьба на моей невѣстѣ — уже нисколько не поразилъ меня. Я уже рѣшился тогда ничему не удивляться и ничѣмъ не огорчаться.

Но какъ-же кончилъ *другъ мой?* Еще повторяю: пути Провидѣнія неисповѣдимы; всякій злодѣй, рано или поздно, получаетъ достойное возмездіе. Проницательный и велемудрый Начальникъ нашъ былъ смѣненъ; ничтожность и неспособность друга моего скоро обнаружи-

лись: онъ имѣлъ также своихъ *друзей*; новому Начальнику открыли, какими *благородными* средствами онъ возвысился и пріобрѣлъ благосклонность предмѣстника его, и — *другу моему* велѣно было идти въ отставку. Въ семейственной жизни былъ онъ также несчастливъ. Ошибшись у меня прелестную и богатую невѣсту, думалъ онъ, что благосостояніе его на вѣкъ обеспечено, но и въ этомъ ошибся. Невѣста должна была выйдти за него по принужденію отца своего; она сохранила привязанность ко мнѣ, и его ненавидѣла. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ съ нею очень несчастливо; наконецъ, преждевременно окончила она жизнь, оставивъ на совѣсти его вѣчное мученіе, что онъ былъ причиною ея смерти. Денегъ нажилъ онъ много въ продолженіе похвальной службы своей; седьмая часть, доставшаяся ему послѣ жены, также была довольно значительна; но ничто не могло веселить его. Совѣсть — неумолимый судья: мож-

по усыпить ее на нѣкоторое время, но ея пробужденіе бываетъ ужасно! Другъ мой изнывалъ, здоровье его разстроивалось, и онъ видимо приближался къ смерти. Въ этомъ положеніи мы встрѣтились съ нимъ нечаянно. Признаюсь: первое мое движеніе, при взглядѣ на виновника всѣхъ моихъ бѣдствій, было то, чтобы какъ можно поскорѣе отвернуться отъ него, и уѣхать изъ того дома, гдѣ я съ нимъ встрѣтился. И онъ, увидѣвъ меня, поблѣдиѣлъ, и, какъ самъ признавался потомъ, почувствовалъ неизъяснимое мученіе. Послѣ того написалъ онъ ко мнѣ письмо, наполненное чувствами раскаянія, во всемъ сознался, и убѣдительнѣйше просилъ моего прощенія. Вмѣсто отвѣта, я самъ поѣхалъ къ нему. Увидѣвъ меня, онъ хотѣлъ броситься передо мною на колѣни; но я поспѣшилъ поднять его, и сказать, что отъ души прощаю, и рѣшительно предаю все забвенію. Онъ недолго жилъ послѣ того; чувствуя приближеніе смерти,

просилъ онъ пріѣхать къ нему, и еще повторить мое прощеніе; со слезами схватилъ онъ цѣловать мои руки, и благодарилъ, что я облегчаю послѣднія минуты его жизни.»

Разсказъ этотъ навелъ на самаго Радушина, и на гостей его, какое-то мрачное уныніе; нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; потомъ Радушинъ продолжалъ: «Вы можете повѣрить, что послѣ такого вѣроломства, и такой черной неблагодарности, дальнѣйшіе подвиги другихъ *моихъ друзей* не могли уже нисколько трогать меня. Напримѣръ: я записалъ одного бѣднаго дворянина, сына сосѣда моего, въ службу, содержалъ его на свой счетъ, и былъ ему покровителемъ. Вмѣсто благодарности, онъ передался къ Захару Борисовичу, злословилъ меня, и былъ употребленъ имъ въ домѣ бывшей моей невѣсты, чтобы возстановить отца ея противъ меня, и согласить его отдать дочь за его новаго патрона. Потомъ, сколько друзей потерялъ я,

сдѣлалъ даже врагами себѣ, отъ того, что давалъ имъ деньги въ займы, и требовалъ потомъ заплаты! Всегда множество бывало у меня *друзей* въ то время, когда имъ была до меня нужда, а послѣ того они-же не узнавали меня, и не кланялися мнѣ. Все это идетъ своимъ порядкомъ; но рѣшительно быть увѣреннымъ, что вообще *всѣ люди* неблагодарны, и неспособны къ дружеству, былабы непростительная крайность, и мысль, не только весьма тягостная и несправедливая, но и унизительная для Человѣчества. Есть друзья, настоящіе друзья, которые умѣютъ понимать во всей силѣ истинно-достойное человѣка чувство дружбы. Это извѣстно мнѣ по опыту»— продолжалъ Радушинъ, упирая глаза, наполненные слезъ, и взявъ за руку старичка, въ двухъ звѣздахъ, сидѣвшаго подлѣ него.—«Наша постоянная дружба продолжается болѣе 50-ти лѣтъ. Въ продолженіе столь долгаго времени были для насъ взаимные опыты, и мы испы-

тали въ полной мѣрѣ небесное, неизъяснимое наслажденіе — имѣть истиннаго друга!» Старики обнялись и поцѣловались, со слезами.

— Въ благодарности вамъ также, Ѳома Михайловичъ, грѣшно будетъ сомнѣваться—сказала одна пожилая дама, со слезами на глазахъ.—Я, и семейство мое, конечно, вѣкъ не забудемъ благодѣяній вашихъ; вы были точно отцомъ и покровителемъ бѣдныхъ сиротъ моихъ; вы сохранили имъ имѣніе, воспитали ихъ, открыли имъ дорогу. Въ благодарности нашей, и многихъ здѣсь находящихся, вы, вѣрно, не сомнѣваетесь. —

«Любезная Авдотья Дмитревна,» отвѣчалъ Радушинъ. «Еще вамъ повторяю: ежели Богъ помогъ мнѣ быть для кого нибудь полезнымъ, то, право, я ничего болѣе не имѣлъ въ виду, какъ только желаніе совершить, по возможности, обязанность Христіанина. Изъ благодарности я вѣкъ не хлопоталъ, и повѣрьте, что я слишкомъ былъ воз-

награждаемъ собственнымъ, внутреннимъ удовольствіемъ, когда мнѣ удавалось сдѣлать кому-либо услугу; притомъ-же я приближаюсь за то къ концу земнаго моего поприща съ спокойною совѣстію. Я старался по возможности исполнить предназначеніе мое въ здѣшнемъ мірѣ. Обращая взоръ на прошедшую мою жизнь, имѣю все право думать, что ежели я дѣлалъ какія нибудь глупости, то, вѣрно, не съ намѣреніемъ кого-либо обидѣть и оскорбить. Мысль эта служитъ мнѣ величайшимъ утѣшеніемъ и наградою!»

Время прошло нечувствительно. Въ 11 часовъ сѣли ужинать, и гости стали разъѣзжаться. Радушинъ привѣтливо провожалъ ихъ; Аглаева просилъ онъ полюбить его, и не оставлять посѣщеніемъ, покамѣстъ пробудетъ въ Москвѣ.

Аглаевъ былъ восхищенъ пріемомъ и бесѣдою Радушина. Ѣхавши домой, думалъ онъ, что нѣтъ человѣка счастливѣе его во всемъ мірѣ. Ему даже приходило въ голову подосадовать на себя,

зачѣмъ онъ женился, и не избралъ такого рода жизни, какъ Радушинъ. Но легкомысленный Аглаевъ не подумалъ о томъ, что по благости Провидѣнія вездѣ, и во всякомъ состояніи, *можно* и *должно* быть счастливымъ, ежели мы будемъ *дѣлать свое дѣло* по тому званію и мѣсту, въ которыя волею Божіею поставлены.

ГЛАВА IX.

« L'honneur est une île escarpée et sans
bords,
« Où il est fort difficile d'entrer lors-
qu'on en est dehors.
Boileau.

« Честь—утесистый, безприбреж-
« ный островъ. Трудно взойдти на
« него, кто на немъ не находится.
Буало.

У Аглаева было точно доброе сердце. Ежели-бы въ молодости своей имѣлъ онъ путеводителя, ежели-бы дано ему было хорошее направленіе, то онъ могъ-бы быть отличнымъ и полезнымъ человѣ-

комъ. Но невниманіе отца при воспитаніи, и дурное общество, въ которое онъ попался въ молодости, завлекли его. Соединеніе съ прекрасною женщиною, въ которую онъ страстно былъ влюбленъ, поставило было его на стезю добродѣтели; но, по слабости характера, не могъ онъ долго успѣть на сей стезѣ. Ложный стыдъ при самомъ началѣ помѣшалъ ему откровенно признаться въ своемъ положеніи, и употребить сильныя мѣры къ уплатѣ долговъ: рѣшительно отказать себѣ во всемъ, продать имѣніе, вступить въ службу, трудами содержать себя и семейство. Онъ не имѣлъ твердости духа совершить подвигъ, столь почтенный, не хотѣлъ умѣрить своихъ издержекъ, жилъ свыше состоянія, и безпрестанно запутывалъ себя, предавшись неосновательной надеждѣ, что наслѣдство послѣ дяди откроетъ ему возможность поправиться, и расплатиться съ долгами. Эта надежда была теперь внезапно уничтожена.

Бесѣда Радушина сдѣлала сильное на него впечатлѣніе, но, къ несчастію, онъ смотрѣлъ на вещи не въ настоящемъ ихъ видѣ. Ему казалось, что нѣтъ другихъ средствъ выпутаться изъ бѣды, кромѣ игры карточной. Можетъ быть, фортуна мнѣ послужитъ — думалъ онъ. Выиграю, расплачусь съ долгами, и никогда не стану больше играть, буду во всемъ себѣ отказывать, стану безвыѣздно жить въ деревнѣ, смотрѣть за хозяйствомъ, а въ часы досуга заниматься Литтературою. «Вы составите мое «утѣшеніе, вы, нѣжные чада ума, чув- «ства и воображенія! Съ вами я бо- «гатъ безъ богатства, съ вами я не «одинъ въ уединеніи. Хотя живу на краю «Сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ Акви- «лоновъ, но съ вами, любезныя Музы! «съ вами вездѣ долина Темпейская. Осы- «паный вашими благами, дерзаю пре- «зирать блескъ тщеславія и суетности. «Вы и природа, природа и любовь доб- «рыхъ душъ — вотъ мое счастіе, моя от-

«рада въ горестяхъ!» — Слова сіи, изъ Сочиненій Карамзина, написаны были у Аглаева въ его библіотекѣ золотыми буквами, на особой доскѣ; онъ часто читалъ ихъ, и зналъ наизусть. Теперь пришли они ему на память, и онъ на то время рѣшительно расположился быть знакомымъ съ однѣми только Музами, былъ увѣренъ, что его Пріютово обратится въ долину Темпейскую, тѣмъ болѣе потому, что у него милая, добрая и прелестная жена, дѣти, насущный кусокъ хлѣба, хорошіе родные, и множество книгъ. Въ самомъ дѣлѣ чего болѣе желать на свѣтѣ? Потомъ, какъ-то нечаянно, пришли ему въ голову сочиненія Флоріана и Геспера, жизнь пастуховъ, простота сельской жизни, и пр. и пр. Онъ воспламенился, находилъ, что ничего не можетъ быть счастливѣе этого состоянія, что всего лучше пасти свое стадо, имѣть небольшой садикъ, въ которомъ-бы заключалось все владѣніе.... Въ сихъ, и подобнымъ тому мечтахъ, онъ заснулъ.

По ему и въ голову не приходило употребить самое ближайшее и удобнѣйшее средство выпутаться изъ запруднительнаго положенія своего, а именно: сбыть все, что у него было лишнее, продать женнино, или свое имѣніе, и остаться, хотя съ небольшимъ состояніемъ, но безъ долговъ, жить скромно и умѣренно, не проживать болѣе своего дохода, и заняпься хозяйствомъ, или вступить въ службу. Все это гораздо ближе и скорѣе привело-бы его къ предположенной цѣли.

На другой день, утромъ, пріѣзжалъ къ нему съ визитомъ Змѣйкинъ, вмѣстѣ съ Вампировымъ. Сей послѣдній пригласилъ Аглаева къ себѣ обѣдать. Время до обѣда провелъ онъ очень скучно, съ пустымъ и развращеннымъ дядюшкою, который разсказывалъ ему всякій вздоръ, и смѣялся надъ Радушинымъ, называя его педантомъ, и человѣкомъ, *извѣстнымъ во всей Москвѣ* за глупца.

Передъ обѣдомъ, у Вампирова, Аглаевъ сыгралъ на бильярдѣ нѣсколько пар-

тій съ Змѣйкинымъ; на шотъ разъ Змѣйкинъ былъ *въ ударѣ*, и не только отыгралъ прежній проигрышъ, но захватилъ довольно много изъ числа резервныхъ денегъ, которыя Аглаевъ столь премудро расположился употребить на игру, для поправленія дѣлъ своихъ, и уплаты долговъ.

Обѣдъ былъ роскошный. Шампанское лилось рѣкою, и у Аглаева жестоко закружилась голова. Онъ только одинъ, съ Змѣйкинымъ, обѣдалъ у Вампирова; виста составить было не льзя, и они сѣли играть вприемъ въ экарте, въ довольно большую игру. На этотъ разъ, и Змѣйкинъ и Вампировъ были гораздо *счастливѣе*, чѣмъ прежде; козырные короли какъ-то безпрестанно приходили къ нимъ, когда они играли противъ Аглаева. Онъ удивлялся, горячился, сердился, проклиналъ фортуну, перемѣнялъ нѣсколько разъ карты, но все тщетно: козырные короли *не шли* къ нему, а то и дѣло являлись у его соперниковъ.

Игра кончилась тѣмъ, что Аглаевъ, не только проигралъ выигрышныя деньги, и всѣ свои, которыя привезъ съ собою изъ деревни, но такъ завлекся, что, не имѣя никакихъ способовъ заплатить, еще остался долженъ—пять тысячъ, на честное слово, до *завтра!*

Съ растерзаннымъ сердцемъ, въ совершенномъ отчаяніи, возвратился онъ домой; проклиналъ фортуну, и даже день рожденія своего. «И такъ судьба непремѣнно хочетъ вовлечь меня въ мошенничество!» думалъ онъ. «Нѣчего дѣлать:

Un sort plus fort, que le crime
M'entraîne vers cet abîme....

«Жребій, сильнѣйшій преступленія, влечетъ меня въ сію бездну!»

Эти слова врѣзались въ его памяти при чтеніи Путешествія Карамзина, и онъ *очень кстати* вспомнилъ ихъ, для оправданія своего передъ самимъ собою, въ замышляемомъ имъ плутовствѣ. «Пред-

опредѣленія своего избѣгнуть нельзя,» думалъ онъ, и въ эту минуту вѣрилъ фаталізму.

У него было вѣрющее письмо отъ Елисаветы, на приданое ея имѣніе, которое, еще при свадьбѣ, предложилъ Князь Рамирскій уступить Катеринѣ. Аглаевъ тогда-же вступилъ во владѣніе онымъ, но утвержденіе его формальнымъ актомъ откладывалъ Князь Рамирскій день за день. Наконецъ, въ послѣднюю бытность въ Никольскомъ, вмѣстѣ съ племянницею своею, Холмскою, Аглаевъ настоятельно требовалъ, чтобы Князь Рамирскій, или далъ настоящую бумагу, или взялъ-бы имѣніе назадъ, потому что—говорилъ Аглаевъ — не имѣя никакой даже довѣренности на управленіе, онъ встрѣчаетъ безпрестанныя затрудненія. «Вѣрющее письмо на управленіе можно дать сей часъ,» отвѣчалъ Князь Рамирскій, «но купчую иначе совершить не льзя, какъ въ Москвѣ; надобно подождать, когда мы

поѣдемъ шуда.» Настоящая цѣль отклоненія выдать формальный актъ Аглаеву, была скупость. Князь надѣялся, какъ нибудь, отдѣлаться, и не исполнить своего обѣщанія, а давал вѣрющее письмо, думалъ онъ, что ни чѣмъ не рискуетъ, имѣя все право тотчасъ его уничтожить. Князь Рамирскій позвалъ къ себѣ конторщика, и велѣлъ ему написать довѣренность, давъ для формы книгу: *Всеобщій Стряпчій;* но того не посмотрѣлъ онъ, что въ описанной имъ формѣ сказано было, не только объ управленіи, но и о продажѣ и залогѣ имѣнія. Самъ Князь послѣ того поѣхалъ по хозяйству, за нѣсколько верстъ, въ другую деревню, приказавъ конторщику дать подписать довѣренность Княгинѣ, и тотчасъ потомъ отправить въ городъ для засвидѣтельствованія. Гербовая бумага всегда была в[illegible] конторѣ, и все очень скоро совершилось [illegible]тому, что Холмская и Аглаевъ расположились въ тотъ-же день, послѣ обѣда, ѣхать домой. Уѣздный городъ

былъ недалеко; немедленно явился оттуда Надсмотрщикъ съ книгою; Елисавета росписалась, и Надсмотрщикъ попался Князю уже на обратномъ пути. По пріѣздѣ домой, Князь захотѣлъ посмотрѣть вѣрющее письмо, и, увидѣвъ, что дано право *продать и заложить имѣніе*, взбѣсился, призвалъ конторщика, не смотря ни на какія оправданія, прибилъ его, и даже, въ горячности, имѣлъ неосторожность, въ присутствіи Аглаева, упрекать конторщика, что онъ вѣрно подкупленъ, и нарочно написалъ такое вѣрющее письмо. Тщетно оправдывался бѣднякъ, показывая данную ему форму; справедливый помѣщикъ не внималъ ничего, и давъ ему еще нѣсколько пощечинъ, выгналъ его изъ комнаты.

Аглаевъ чрезвычайно обидился низкимъ подозрѣніемъ, что онъ способенъ подкупать конторщика, наговорилъ Князю Рамирскому множество грубостей, кинулъ ему вѣрющее письмо, и сказалъ, что онъ потребуетъ отъ него, какъ дворянинъ,

должнаго удовлетворенія въ обидѣ своей. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ онъ закладывать лошадей, объявивъ Князю Рамирскому, что вѣкъ нога его у него въ домѣ не будетъ.

Вся эта сцена происходила въ присутствіи старой Холмской и Елисаветы; онѣ перепугались, плакали, и самъ Князь Рамирскій струсилъ, въ особенности-же послѣ того, когда Аглаевъ объявилъ ему, что *потребуетъ, какъ дворянинъ, удовлетворенія*. Это уже совсѣмъ не шутка. Князь не отказался-бы развѣдаться на бумагахъ: въ такомъ случаѣ былъ Его Сіятельство неустрашимъ; но на пистолетахъ, или на саблѣхъ—дѣло другое!

Князь Рамирскій тотчасъ спалъ извиняться передъ Аглаевымъ, просилъ его примириться, взять вѣрющее письмо, въ томъ видѣ, какъ оно написано, и проститъ его горячность. Холмская и Елисавета также убѣждали его. Аглаевъ наконецъ смягчился, взялъ вѣрющее письмо, и по собственной волѣ далъ Князю

честное слово, что не воспользуется ошибкою конторщика, не заложитъ и не продастъ имѣнія.

Болѣе всего просилъ Князь Рамирскій *не закладывать*. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ наша фамилія — сказалъ онъ — никогда, никто изъ предковъ моихъ имѣнія своего не закладывалъ. За великое посрамленіе почту я для себя — прибавилъ Князь — ежели моя фамилія будетъ напечатана въ совершеніи закладной. Аглаевъ повторилъ обѣщаніе, и подтвердилъ честное слово, что никогда этого не сдѣлаетъ.

Но теперь, проигравъ пять тысячъ, съ обязанностію уплатить на другой день, бывъ преслѣдуемъ заимодавцемъ, у котораго было въ фальшивомъ закладѣ его имѣніе,— что̀ остается предпринять? думалъ Аглаевъ. Опытъ жены довѣренности, на ея имѣніе, онъ не бралъ, и ѣхавши въ Москву никакъ не предполагалъ быть въ такой крайности. Нѣчего болѣе дѣлать, какъ воспользоваться вѣрющимъ

письмомъ Княгини Рамирской, продашь, или заложишь ея имѣніе! Мысль ужасная: рѣшиться на безчестное дѣло, нарушить слово, располагать чужимъ имѣніемъ — отъ этого у Аглаева волосы на головѣ становились дыбомъ! Но тщетно думалъ Аглаевъ: онъ не находилъ никакихъ другихъ средствъ выпутаться изъ бѣды. Надобно было, какъ ему казалось, или застрѣлиться, или сдѣлать безчестный поступокъ! Онъ—рѣшился на послѣднее, въ надеждѣ, что Князь Рамирскій ничего не узнаетъ; притомъ-же, Князь и безъ того обѣщался отдать это имѣніе Катеринѣ; слѣдовательно, все преступленіе заключалось только въ томъ, что преждевременно воспользуются обѣщаніемъ Князя. Такими ложными сужденіями старался Аглаевъ заглушить свою совѣсть.

На другой день, лишь только онъ проснулся, подали ему записку отъ Вампирова, который прислалъ къ нему *за деньгами*; немного погодя явился присланный

отъ заимодавца его, который настоятельно требовалъ уплаты, и угрожалъ, что ежели къ послѣднему, назначенному имъ сроку, не получитъ, то непремѣнно представитъ закладную ко взысканію.

Аглаевъ поспѣшилъ одѣться. Повторяя мысленно, что неумолимая судьба влечетъ его, противъ воли, къ преступленію, взялъ онъ съ собою вѣрющее письмо Княгини Рамирской, и отправился прямо къ Вампирову. Онъ нашелъ уже у него Змѣйкина. Аглаевъ откровенно признался, что наличныхъ денегъ не имѣетъ, а можетъ, или продать, или заложить имѣніе, по вѣрющему письму, которое онъ тотчасъ показалъ.

Вампировъ возвысилъ голосъ, началъ упрекать Аглаева, зачѣмъ онъ садился играть, не имѣя въ карманѣ денегъ; но Змѣйкинъ толкнулъ его, и онъ тотчасъ умолкъ.

«Ты самъ знаешь, какъ трудно доставать нынѣче деньги»—сказалъ Змѣйкинъ. — «Однакожъ, не *льзя старому то-*

варищу и пріятелю не пособить ; особенно-же въ такомъ важномъ случаѣ. Покажи вѣрющее письмо : что за имѣніе , и чего оно стоитъ ? Можетъ быть, я отыщу тебѣ денегъ. » — Змѣйкинъ прочиталъ вѣрющее письмо, и, отдавая назадъ Аглаеву, сказалъ : « Покупать имѣнія пѣшъ охотниковъ, а если хочешь , то у меня есть теперь на лицѣ тысячь пятнадцать. Я дамъ тебѣ подъ залогъ этого имѣнія. » Предлагая деньги свои, Змѣйкинъ тотчасъ сдѣлалъ планъ, что остальныя десять тысячь , за уплатою пяти Вампирову, въ которыхъ онъ, разумѣется, былъ въ половинѣ , скоро опять перейдутъ къ нему, потому что онъ давно зналъ слабость Аглаева , и привязанность его къ игрѣ. Тотчасъ приступили къ совершенію дѣла, и послали за повѣреннымъ Змѣйкина ; онъ явился и обѣщалъ скоро все кончить.

Получивъ увѣреніе , что по совершеніи закладной, деньги ему тотчасъ будутъ отданы, Вампировъ успокоился.

Вмѣстѣ съ Змѣйкинымъ употребляли они всѣ средства разсѣять унынiе и грусть Агласва, шутили, разговаривали о деревенской жизни, и, между прочимъ, открылось, чего самъ Змѣйкинъ не зналъ: онъ былъ ближній сосѣдъ Аглаеву; деревня его была въ пяти, или шести верстахъ отъ Прiютова. Обѣдать повезли Агласва въ Англiйскiй Клубъ. Змѣйкинъ предложилъ ему играть въ бильярдъ, и на этотъ разъ опять Змѣйкинъ былъ *не въ ударѣ*, и не только заплатилъ за обѣдъ и Шампанское, но еще нѣсколько ассигнацiй перешло изъ книжки Змѣйкина къ сопернику. Послѣ обѣда Агласвъ поѣхалъ къ Радушину.

Онъ засталъ его дома, одного. Радушинъ принялъ гостя съ прежнею ласковостью, разспрашивалъ обо всемъ семействѣ Холмскихъ, желалъ знать, чѣмъ занимается Агласвъ въ деревнѣ, и какой ведетъ образъ жизни. Все это, какъ видно было, спрашивалось не изъ одного любопытства, но съ душевнымъ

участіемъ. Радушинъ преподавалъ дружескіе совѣты, и бесѣдовалъ съ Аглаевымъ о Литературѣ. Аглаевъ увѣрился, что старикъ много читалъ, и что Словесность Русская, и иностранные лучшіе Авторы были ему извѣстны. Потомъ обратился разговоръ на обстоятельства Аглаева. Радушину извѣстно было, что отецъ Аглаева прожилъ все имѣніе, но что ему должно достаться наслѣдство послѣ богатаго, холостаго дяди. Старикъ спрашивалъ, въ какихъ онъ сношеніяхъ съ нимъ, и какъ былъ теперь принятъ? Аглаевъ разсказалъ всѣ подробности свиданія своего съ дядею: мы уже знаемъ ихъ.

«Жаль, очень жаль!» сказалъ Радушинъ. «Тетушка ваша Лукавина — женщина извѣстная: ежели она взялась трудиться, то — надежда плоха! Однакожъ, у дядюшки, кромѣ благопріобрѣтеннаго, довольно много родоваго имѣнія, котораго онъ по духовной отдать не можетъ; купчей, въ теперешнемъ по-

ложеніи, совершить онъ не въ силахъ. Но не успѣла-ли почтенная Лукавина въ то время, когда онъ былъ еще здоровъ, взять съ него векселя, или купчую? Только это, кажется, невозможно, по извѣстной его скупости; однакожъ не худо, если вы справитесь. Вѣрно, у дядюшки есть какой нибудь стряпчій; повидайтесь съ нимъ, и узнайте.»

Совѣтъ Радушина привелъ Аглаева въ восхищеніе. «И такъ предстоитъ мнѣ возможность быть не совсѣмъ безчестнымъ человѣкомъ!» думалъ онъ. «Ежели что нибудь достанется мнѣ послѣ дядюшки, тотчасъ употреблю на выкупъ имѣнія Рамирскихъ, расплачусь съ долгами, и, рѣшительно, больше въ карты не играю! Радость сіяла на лицѣ Аглаева; онъ благодарилъ Радушина за совѣтъ его, и весь вечеръ провелъ съ нимъ очень пріятно. Обширный умъ, познанія, опытность старика, были обильнымъ источникомъ для разговора. Аглаевъ не видалъ, какъ прошло время, и прощаясь просилъ

позволенія быть у него всякій день, пока мѣсяцъ проживетъ въ Москвѣ. Радушнымъ отвѣчалъ ему, что посѣщеніе его всегда для него пріятно. «Впрочемъ-же, мы родня съ вами» — прибавилъ онъ. — «Я обѣдаю очень часто дома, а вечера рѣшительно никуда не ѣзжу, и вы меня очень обяжете, ежели не поскучаете бесѣдою со мною, старикомъ.»

На другой день, утромъ, повѣренный Змѣйкина привезъ къ Аглаеву подписать закладную. Послѣ того тотчасъ отправился онъ въ домъ къ дядѣ. Тетушка Лукавина приняла его по прежнему, очень дурно. Дядю нашелъ онъ въ томъ-же бѣдственномъ положеніи, и въ совершенномъ разслабленіи; однакожъ, казалось, что дядя какъ будто узналъ Аглаева, смотрѣлъ на него быстро, но безъ неудовольствія, и не отвернулся отъ него, какъ это было въ первый разъ.

Старый камердинеръ дяди ненавидѣлъ Лукавину; онъ увѣрялъ Аглаева, что можетъ быть духовная и сдѣлана въ ея

пользу, но купчей точно не было. Однакожъ совѣтовалъ онъ справиться у спрячаго дядюшки, Гна Фрипонеикова, сказалъ, гдѣ отыскать его, и вмѣстѣ съ нимъ взялся тотчасъ увѣдомить, ежели въ отсутствіе его вздумаетъ шельмушка, какими нибудь каверзами, прибрать, по купчей, или по векселю, родовое имѣніе. Каммердинеръ былъ самъ въ этомъ дѣлѣ ревностнымъ участникомъ: онъ боялся доспаться Лукавиной, а Аглаевъ обѣщалъ ему, со всѣмъ его семействомъ, дать отпускную.

«Кажется мнѣ» — продолжалъ каммердинеръ — «что шельмушка уже хватался за это дѣло, и, можетъ быть, успѣла-бы, если-бы баринъ не впалъ вдругъ въ разслабленіе. Выздоровѣть ему нельзя, но онъ еще можетъ прожить года два, или три, въ этомъ положеніи. Такъ при мнѣ говорилъ Докторъ.»

Аглаевъ поѣхалъ тотчасъ отыскивать спрячаго. Съ начала Фрипоненковъ былъ очень скроменъ; но когда Аглаевъ пода-

рилъ ему сто рублей (выигранные на канунѣ у Змѣйкина, въ бильярдъ), но онъ сдѣлался словоохотнѣе, и увѣрялъ, что ни купчей, ни векселей Лукавиной не дано. «Развѣ» — прибавилъ онъ — «сдѣлано это очень тайно; но, кажется, дядюшка вашъ не такой человѣкъ, чтобы при жизни своей рѣшился разстаться съ имѣніемъ, или дашь на себя векселя, которые онъ самъ любилъ брать, а отъ себя никому не давалъ. Если-же что Лукавина сдѣлала во время его болѣзни и совершеннаго разслабленія, то это можно опровергнуть законами.»

Такимъ образомъ Аглаевъ получилъ опять нѣкоторую надежду выйдти изъ затруднительнаго положенія, какъ должно честному человѣку, и еще разъ далъ себѣ слово — въ карты больше никогда не играть! Въ тотъ-же день получилъ онъ милое письмо отъ доброй жены своей; она просила его поскорѣе возвратиться домой, описывала затѣи Сонички, какъ она ищетъ его по комнатамъ, кричитъ:

Папа! и прочія подробности, которыя могутъ быть драгоцѣнны только отцовскому сердцу. Въ такомъ прелестномъ видѣ представилась тогда Аглаеву домашняя его жизнь, что ему страстно захотѣлось, какъ можно поскорѣе, вырваться изъ Москвы. Софья также приписывала въ письмѣ, звала его домой, сообщала, что жена его груститъ, хочетъ казаться веселою, но потихоньку плачетъ, и что пріѣздъ его возвратитъ радость и общее удовольствіе всѣмъ. «И такъ», думалъ Аглаевъ, «отъ меня, именно отъ меня, зависитъ счастіе милой, доброй, прелестной женщины, а я поступалъ противъ нея, какъ извергъ, какъ ожесточенный злодѣй — я подвергалъ ее и невинную дочь мою совершенной погибели! Но, благодаря Бога, есть еще надежда избавиться, и выйдти изъ бездны, въ которую я, по безразсудности моей, и непростительной слабости, вовлекъ себя и ихъ!» Аглаевъ въ душѣ своей благодарилъ Радушина, за благоразумный со-

вѣтъ его. Какое адское мученіе претерпѣвалъ-бы онъ теперь, если-бы не имѣлъ надежды выпутаться изъ бѣды!

Змѣйкинъ самъ чрезвычайно хлопоталъ, чтобы закладная поскорѣе была совершена, въ надеждѣ, что деньги свои не замедлитъ онъ получить обратно отъ Аглаева, *извѣстными ему средствами.* На другой-же день далъ онъ знать Аглаеву, что все готово, и чтобы онъ пріѣзжалъ къ нему обѣдать. Въ это время привезутъ бумагу, и Аглаевъ можетъ получить деньги.

Вампировъ явился также обѣдать къ Змѣйкину. Закладная была кончена. Аглаевъ, получивъ деньги, заплатилъ поутчасъ Вампирову. Обѣдъ былъ чрезвычайно роскошный; была и уха изъ стерлядей, и устрицы; Шампанское лилось. Аглаевъ любилъ хорошо покушать; голова у него точно такъ-же кружилась, какъ и въ первый разъ. Но онъ имѣлъ твердость настоятельно исполнить намѣреніе свое: не игралъ, ни въ бильярдъ, ни

въ карты, и вскорѣ послѣ обѣда уѣхалъ, говоря, что ему крайняя нужда. Змѣйкинъ звалъ его на вечеръ, и Аглаевъ, чтобы отдѣлаться отъ него, не отказался рѣшительно. Тотчасъ отправился онъ къ своему заимодавцу, заплатилъ по закладной, и хотя остался самъ почти безъ копѣйки, но чувствовалъ на душѣ своей величайшее облегченіе. «Что будетъ впередъ, Богъ знаетъ,» думалъ онъ — «по крайней мѣрѣ, теперь дышу я свободнѣе. Погибель моя, и семейства моего, хотя на нѣкоторое время — отсрочена.» ...

Вечеръ Аглаевъ провелъ опять очень пріятно въ обществѣ Радушина, простился съ нимъ, и на другой день расположился непремѣнно уѣхать изъ Москвы. Но онъ такъ хорошо устроилъ себя, и такъ удачно исполнилъ обѣщаніе — не тратить по пустому денегъ въ Москвѣ, что ему должно было новое платье свое, и бездѣлки, купленныя въ Косметическомъ Магазинѣ, на выигрышныя деньги,

продать, хоть за безцѣнокъ, потому, что у него на дорогу не оставалось почти ничего! Къ счастію, въ тотъ день утромъ, дядя Аристофановъ заплатилъ ему въ число должныхъ денегъ сто рублей; съ этимъ могъ онъ добраться домой.

Аристофановъ былъ не очень доволенъ своимъ племянникомъ. «Богъ знаетъ, братецъ, какъ ты провелъ свое время въ Москвѣ! Дался тебѣ этотъ Радушинъ» — говорилъ онъ—«пріятное общество: очень весело съ педантомъ и *извѣстнымъ глупцомъ*! Когда въ другой разъ пріѣдешь въ Москву, я — просто, не пущу тебя къ нему.»

ГЛАВА X.

« Che importa a me di certi pompi,
« di certi divertimente, se in casa mia
« goddola sere pace, che il maggior
« pia cere di qvesto mondo.

GOLDONI.

« Къ чему великолѣпіе и увеселенія,
« ежели въ домѣ моемъ нахожу спо-
« койствіе и тишину—сіе истинное
« наслажденіе въ здѣшнемъ мірѣ?

Гольдони.

Аглаевъ ѣхалъ день и ночь, нигдѣ не останавливался, и скоро ошкрылся глазамъ его домъ, гдѣ заключалось все, что было для него драгоцѣннаго въ мірѣ. Онъ обѣщалъ извощику на водку, и во

весь опоръ скакалъ къ крыльцу. Жена, увидѣвъ издали коляску его, бросилась бѣжать на встрѣчу, но не успѣла дойдти далѣе крыльца. Со слезами радости устремилась она въ его объятія. Маленькую Сонечку спали было поскорѣе одѣвать, чтобы также нести къ нему на встрѣчу, но и она, на рукахъ Софьи, встрѣтила его въ сѣняхъ, протягивала къ нему ручонки и кричала: *Папа!* Всѣ въ домѣ обрадовались его пріѣзду—разумѣется, по разнымъ причинамъ: жена потому, что страстно любила его; Софья потому, что видѣла радость сестры; няня и кормилица маленькой Сонечки, также и старая мама самаго Аглаева, отъ ожиданія, по обыкновенію, подарковъ отъ него изъ Москвы.

Тотчасъ послали къ старой Холмской, и она, съ Наташею, поспѣшила пріѣхать. Весь день провелъ Аглаевъ въ какомъ-то неизъяснимомъ удовольствіи. У дочери его вышли глазные зубы, во время его отсутствія; безъ него начала она

понемногу ходить. Катерина нарочно не писала къ нему въ Москву объ этомъ, чтобы сдѣлать ему удовольствіе нечаянностью. Напившись чаю, и выкуривъ трубку табаку, Аглаевъ удивился, видя, что Софья сѣла за фортепіано, и заиграла Русскую, плясовую пѣсню, а жена его принесла Сонечку, одѣтую въ сарафанъ, поставила посрединѣ комнаты, и Сонечка начала, такъ называемую, *пляску*, т. е. кое-какъ переступала по полу, махала ручонками, и проч. Мать безпрестанно поддерживала ее, чтобы она не упала. Надобно быть отцомъ, и тогда можно въ полной мѣрѣ понять восхищеніе Аглаева. Со слезами схватилъ онъ дитя свое на руки, и цѣловалъ попеременно, то его, то жену свою. Катерина сама была въ полной радости. Одни приготовленія къ сюрпризу: шитье сарафана, мысль, какъ удивится, и въ какомъ удовольствіи будетъ отецъ, увидѣвъ дочь, притомъ-же еще первую и единственную, въ такомъ нарядѣ, который — разумѣется —

казался матери удивительно къ лицу ей—все это уже дѣлало Катерину счастливою. Бабушка и Софья были также въ восторгѣ, и попеременно цѣловали и брали Сонечку съ рукъ на руки. Наталья всему этому удивлялась. «Что за радость,» думала она, «смотрѣть на выпускную куклу, которая ничего не понимаетъ, и кривляется на полу?» Однакожъ, и она нашла, что голубой сарафанъ, и красная лента на головѣ, ей точно къ лицу. Вѣроятно, нѣкоторые читатели будутъ одного мнѣнія съ Натальею, и обвинятъ насъ, что мы обременяемъ вниманіе ихъ такимъ вздоромъ; но мы смѣемъ надѣяться, что найдутся и такіе, которые отдадутъ намъ справедливость, и скажутъ, что мы описали собственныя ихъ ощущенія.

Такимъ образомъ прошелъ незамѣтно весь день. Аглаевъ былъ совершенно счастливъ; доброе сердце его, способное къ мирнымъ, истинно достойнымъ человѣка наслажденіямъ, было полно радости.

Тяготила его мысль о послѣднихъ подвигахъ въ Москвѣ, но за то, какъ благодарилъ онъ Радушина, за его совѣты.— «Каково-бы мнѣ было теперь,» думалъ онъ, «если-бы я не имѣлъ никакой надежды выйдти изъ бѣды, въ которую, по безразсудности и безхарактерности моей, самъ себя вовлекъ? Кончено: вѣкъ больше въ карты не играю! Отецъ семейства не принадлежитъ уже болѣе себѣ; онъ извергъ, ежели не употребитъ всѣхъ средствъ къ успокоенію и счастію тѣхъ, судьба которыхъ такими неразрывными узами соединена съ его судьбою!» Въ семъ расположеніи, Аглаевъ принялъ рѣшительное намѣреніе слѣдовать совѣтамъ Софьи, отказывать себѣ во всемъ, перевести своихъ собакъ, продать лошадей, не дѣлать болѣе долговъ, и все лишнее сбыть съ рукъ. Ему чрезвычайно совѣстно было, что онъ накупилъ въ Москвѣ множество совсѣмъ не нужныхъ бездѣлокъ, для подарковъ, и теперь выдумывалъ онъ, какъ-бы ему оправдаться въ

эпомъ. Поступокъ его противъ Рамирскихъ также сильно поразилъ его сердце; но въ утѣшеніе свое думалъ Аглаевъ, что они ничего не узнаютъ, и что къ сроку закладной можетъ быть дѣла его поправятся.

Когда Сонечка ушла спать, обратился разговоръ на поѣздку въ Москву. Всѣ желали знать, какъ онъ былъ принятъ дядею. Онъ отвѣчалъ только, что нашелъ его отчаянно больнымъ, и, не распространяясь далѣе, разсказалъ о знакомствѣ своемъ и частомъ посѣщеніи Радушина, отъ котораго привезъ письма къ Холмской и Софьѣ. Всѣ были очень довольны, что онъ познакомился съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ.

«Женихъ твой,» продолжалъ Аглаевъ, обращаясь къ Софьѣ, «единственный и необыкновенный человѣкъ. Никогда не удавалось мнѣ встрѣтить старика, до такой степени, и во всѣхъ отношеніяхъ, привлекательнаго. По нѣскольку часовъ сряду сидѣлъ я съ нимъ, не замѣчая,

какъ идетъ время, и никогда бывало не хочется ѣхать отъ него. Глубокія его познанія, необыкновенный умъ, опытность, и какое-то неизъяснимое простосердечіе и прелесть въ разговорахъ, точно убѣдили меня въ справедливости сказаннаго Вовенаргомъ, что *истинное краснорѣчіе идетъ изъ сердца.* Съ жадностію слушалъ я его, и, мнѣ кажется, даже надоѣлъ ему моими частыми и продолжительными посѣщеніями.»

Но самъ Радушинъ писалъ большія похвалы Аглаеву, и благодарилъ его, что онъ не тяготился бесѣдою съ старикомъ, и часто посѣщалъ его. Софья знала способность Аглаева всѣмъ восхищаться; въ семъ случаѣ она отдавала однакожъ ему справедливость, и чрезвычайно была довольна сближеніемъ его съ такимъ почтеннымъ человѣкомъ, каковъ былъ Радушинъ. «Слѣдовательно,» думала она, «Аглаевъ не промотался, не сдѣлалъ новыхъ долговъ, и не попалъ въ дурное общество въ Москвѣ?» — Если-бы знала

добрая Софья о всѣхъ его поступкахъ!...

На другой день Аглаевъ рѣшился раздать подарки, купленные имъ на выигрышныя деньги въ Косметическомъ Магазинѣ. Утромъ, за чаемъ, онъ вздумалъ пригоповить всѣхъ къ этимъ подаркамъ. «Какъ теперь стало все дешево въ Москвѣ» — сказалъ онъ. «Нельзя повѣрить, и вы удивитесь, когда я вамъ покажу, что я купилъ, можно сказать, за безцѣнокъ на аукціонѣ, при продажѣ товаровъ одного обанкрутившагося купца. Жаль, что со мною было мало денегъ; можно-бъ было даже сдѣлать очень выгодную спекуляцію.»

—Покажи! покажи! — вскричали женщины. Аглаевъ велѣлъ каммердинеру принесть покупки свои, и попчасъ подарилъ разныя бездѣлки женѣ, сестрамъ, матери, старой своей мамѣ, также нянѣ и кормилицѣ Сонички. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсказывалъ онъ, за какую дешевую цѣну все это куплено. Всѣ удивлялись дешевизнѣ; одна только Софья молчала,

и по глазамъ ея замѣтно было, что она всѣмъ этимъ не очень довольна. —«Какъ тебѣ нравится?» спросилъ Аглаевъ. — Все очень хорошо, и чрезвычайно дешево— отвѣчала она. «Но ты самъ скажи: на что все это надобно?»—Какъ-же!—возразилъ Аглаевъ, покраснѣвъ. — Нельзя-же было не воспользоваться дешевизною: такой случай рѣдко встрѣчается. — «Подумай самъ, и ты вѣрно согласишся, что все то чрезвычайно дорого, что ни къ чему не нужно, или безъ чего обойдтиться можно. Повѣрь, любезный другъ, что многіе отъ *дешевизны* покупокъ совсѣмъ раззорились. Самое главное неудобство жизни въ Москвѣ есть то, что никакъ не удержится, чтобы не купить какого нибудь, совсѣмъ не нужнаго вздора; кажется, бездѣлица, и очень дешева, а какъ разсчитаешь, то эти *дешевыя бездѣлицы* приходятъ въ дорогую цѣну. Я сама, по собственному опыту, знаю. Повидимому, куда мнѣ было тратить деньги въ Москвѣ, живши въ домѣ у

пешушки, на всемъ готовомъ; но когда я сосчиталась, то увидѣла, что совсѣмъ незамѣтно издержала кучу денегъ, сама не понимаю куда! » Софья знала раздражительность самолюбія Аглаева ; она нарочно перевернула разговоръ , и поставила въ примѣръ себя ; потомъ продолжала разговоръ въ видѣ общаго сужденія , не касаясь лично до Аглаева. «Ежели въ самомъ дѣлѣ разобрать , то въ Москвѣ можно даже менѣе прожить, чѣмъ въ деревнѣ. Во множествѣ не замѣчаютъ, кто какъ живетъ ; можно расположиться, какъ хочешь , а въ деревнѣ сдѣлать этого нельзя. Одни только несносныя посѣщенія, такъ называемыхъ—*пріятелей* и *пріятельницъ*, которыми въ особенности здѣшняя сторона изобилуетъ— кромѣ тягостной скуки, и обязанности сидѣть весь день, и говорить о какомъ-нибудь вздорѣ — очень убыточны. Угощать гостей должно тѣмъ-же , чѣмъ и въ Москвѣ, съ тою разницею , что въ деревнѣ все это гораздо дороже, потo-

му, что все надобно привезть изъ Москвы, и еще сверхъ того кормить людей и лошадей посѣтительскихъ, а это совсѣмъ не бездѣлка. Сундукова сказывала мнѣ, что они сѣютъ въ здѣшней своей деревнѣ слишкомъ двѣсти десятинъ овса, но никогда ни одного зерна не продаютъ, а все идетъ на гостиныхъ лошадей. Сосчитать только это одно, то вѣрно имъ было-бы гораздо дешевле жить въ Москвѣ, чѣмъ въ деревнѣ. »

Такимъ образомъ, давъ почувствительно весьма важный урокъ Аглаеву, Софья обратила разговоръ въ общее сужденіе, и не оскорбила самолюбія его; онъ это чувствовалъ, и былъ душевно благодаренъ, что она не унизила его при всѣхъ. Аглаевъ подтверждалъ слова Софьи, говорилъ, что онъ самъ это испыталъ надъ собою. « Впрочемъ — продолжалъ онъ — « кромѣ купленныхъ мною подарковъ, которые попались такъ дешево, мнѣ точно нѣкуда было тратить денегъ. Я

сшилъ, правда, себѣ новый фракъ, но не почитаю это за пустыя издержки: платье нужно и въ деревнѣ, а въ Москвѣ и дешевле и лучше сдѣлаютъ.»

Послѣ обѣда старая Холмская отправилась, по обыкновенію, спать, а Каперина понесла Сонничку въ дѣтскую. Аглаевъ остался наединѣ съ Софьею. Онъ сообщилъ ей, въ какомъ положеніи нашелъ дядю. «Слѣдовательно, дѣла твои нисколько не поправились?» сказала Софья.—Увы! нисколько; напротивъ еще сдѣлались хуже. Добрая тетушка Лукавина поссорила меня въ дядею, прибрала все къ рукамъ своимъ, и теперь остается мнѣ только одна надежда на родовое его имѣніе, но и то еще не вѣрно. Можетъ быть, все уже принадлежитъ Лукавиной; однакожъ, я справлялся; кажется, она не успѣла всего захватить, и что нибудь, можетъ быть, и мнѣ достанется. Но между тѣмъ я принялъ рѣшительное намѣреніе перемѣнить свой образъ жизни, распродать все лишнее, гошовъ на вся-

кія пожертвованія, во всемъ буду себѣ отказывать — «Подкрѣпи тебя Богъ, въ такомъ добромъ намѣреніи!» сказала Софья. «Повѣрь, ты будешь вознагражденъ тѣмъ, что кругомъ себя увидишь спокойствіе и счастіе. Женатый человѣкъ принадлежитъ уже не себѣ, а семейству своему. Болѣе всего, любезный другъ, береги жену; у нея слишкомъ чувствительное сердце, и малѣйшая перемѣна твоя можетъ убить ее. Въ бѣдности еще кое-какъ можно прожить, а сироты безъ матери, особенно дѣвочки, самыя несчастныя творенія. Впрочемъ, не унывай: не прибавляй только долговъ своихъ, и умѣрь издержки. Ты имѣешь еще множество способовъ устроить себя; кромѣ наслѣдства послѣ дядюшки, можно продать имѣніе жены, также и Елисаветы. Я настоятельно буду требовать, чтобы Князь выдалъ тебѣ непремѣнно купчую. Я сама уже говорила тебѣ, что готова пожертвовать всѣмъ, что имѣю, для успокоенія вашего; сверхъ

того можешь надѣяться на пособіе брата Алексѣя, и шепушки Прасковьи Васильевны. Словомъ: только больше не мошай и не прибавляй долговъ — ты можешь легко поправиться.»

Со слезами на глазахъ, цѣлуя руки Софьи, Аглаевъ говорилъ, что онъ былъ-бы извергъ, если-бы совѣты ея, столь благонамѣренные, не произвели на него никакого дѣйствія; впрочемъ надѣялся онъ не имѣть нужды въ великодушномъ ея предложеніи. «Я долженъ,» говорилъ онъ, «болѣе въ казну, и могу уплачивать постепенно изъ доходовъ; партикулярнаго долга не такъ много, и авось-либо, съ помощію Божіею, успѣю выпутаться.»

На другой-же день, собакъ своихъ раздарилъ Аглаевъ сосѣдямъ, псарей и всѣхъ лишнихъ людей отпустилъ на оброкъ, лошадей послалъ продать на ярмарку, и принялъ *рѣшительное* намѣреніе заниматься неусыпно хозяйствомъ и жить

умѣренно. Но, увы! безъ твердости характера, безъ настоятельнаго *упорства*, всѣ самыя лучшія предпріятія остаются безуспѣшны. Мы увидимъ это въ послѣдствіи.

ГЛАВА XI.

Отъ чего дворянамъ не стыдно ничѣмъ не заниматься?

Фонъ-Визинъ.

Послѣ сего разговора, Софья пробыла съ недѣлю въ Пріютовѣ. Она видѣла, что Аглаевъ прочно принялся за хозяйство, сталъ вставать рано, самъ распоряжалъ работами, и смотрѣлъ за ними. Полученныя за проданныхъ лошадей деньги почтасъ отправилъ онъ для уплаты долга, въ уѣздный городъ къ купцу, у котораго забиралъ въ кредитъ разные припасы. Въ то-же время съ женою своею обходился онъ, какъ нельзя лучше, лас-

калъ Соничку, и во всѣхъ отношеніяхъ былъ такъ хорошъ и милъ, что прежнее спокойствіе и счастіе возвратилось въ домъ его. Катерина оживилась, сдѣлалась гораздо веселѣе, здоровье ея поправилось, и опять съ восторгомъ повторяла она, что мужъ ея *совершенный ангелъ*, и что она *самая благополучнѣйшая женщина въ мірѣ*.

Но, все это продолжалось... нѣсколько дней. Аглаевъ отказался было и отъ виноградnаго вина, очень краснорѣчиво доказывая, что кромѣ вреда здоровью, стыдно, и даже грѣшно небогатому человѣку тратить деньги на такую вещь, безъ которой легко можно обойдтиться. Но скоро почувствовалъ онъ, что ему вино *необходимо*, досадовалъ, что такъ дурно пріученъ къ нему въ молодости, возставалъ противъ воспитанія Русскихъ дворянъ, и—продолжалъ выпивать въ день безъ малаго по бутылкѣ дорогаго вина, утверждая, что ему вредно дешевое, Сантурминское, или Донское вино.

Впрочемъ, говорилъ онъ, это бездѣлица. Но, если-бы разсчитать, то эта *бездѣлица* стоила для него вѣрно болѣе того, что пять человѣкъ крестьянъ, съ женами ихъ, въ цѣлый годъ, тяжелыми трудами, могли ему выработать.

Вставать рано Аглаевъ также скоро нашелъ вреднымъ для себя, тѣмъ болѣе— говорилъ онъ—что сдѣлалъ глупую привычку съ вечера долго читать, и никакъ не можетъ отвыкнуть. Сверхъ того, ему вредно было вставши тотчасъ одѣваться, и выходить на воздухъ: онъ *привыкъ* утромъ сидѣть нѣсколько часовъ въ халатѣ, курить трубку и пить кофе. Впрочемъ—говорилъ онъ—я такъ распоряжаюсь, что смотрѣть нѣчего: всѣ работы у меня производятся въ раздѣлъ, и всякій крестьянинъ спѣшитъ для самого себя скорѣе окончить. Но великій хозяинъ и распорядитель Аглаевъ не разсчелъ того, что обязанность помѣщика имѣть наблюденіе и за собственными крестьянскими работами. Безпеч-

ный и лѣнивый крестьянинъ не только вредепъ своему семейству, но и самому помѣщику, потому, что въ случаѣ недостатковъ крестьянина, помѣщикъ долженъ прокормить и снабдить его всѣмъ нужнымъ.

Аглаевъ любилъ играть въ шахматы; Напалья также. Оба не могли рано ложиться спать, и иногда часу до второго ночи продолжалась ихъ игра, между тѣмъ, какъ прикащикъ и староста ожидали приказаній Аглаева, о работахъ на другой день. На неоднократныя ихъ донесенія, что его ожидаютъ, Аглаевъ говорилъ, что сей часъ къ нимъ выйдетъ, и держалъ ихъ слишкомъ до полуночи. Потомъ, бывъ занятъ игрою, не могъ долго разсуждать съ ними, и придумывать, на какую лучше работу употребить крестьянъ, отдавалъ все на ихъ волю, и слѣдствіемъ сего былъ тотъ-же безпорядокъ и то-же разстройство въ хозяйствѣ, какъ прежде. Прикащикъ дѣлалъ, что хотѣлъ, бралъ взятки съ крестьянъ,

отпускалъ ихъ на свою работу, за лѣнивыми не смотрѣлъ, и имѣніе Аглаева приходило часъ отъ часу болѣе въ упадокъ.

Видя все это, Софья должна была увѣриться, что Аглаевъ не имѣетъ никакого характера, и что заняться хозяйствомъ и самъ поправить свои обстоятельства, онъ совершенно неспособенъ. Но имѣя болѣе находила она необходимымъ стараться помочь ему уплатить долги, и въ послѣдствіи времени склонить его постепенно къ тому, чтобы онъ передалъ все хозяйство и присмотръ за имѣніемъ женѣ своей, которая имѣла къ этому способность.

Впрочемъ, Аглаевъ продолжалъ по прежнему обходиться съ женою и дочерью, съ самаго пріѣзда изъ Москвы, и былъ къ нимъ внимателенъ и ласковъ. Катерина, съ своей стороны, сдѣлавшись также гораздо опытнѣе, имѣла безпрерывное наблюденіе, чтобы угождать ему, и отвращать всякій поводъ къ неудовольствію.

Успокоенная въ этомъ важномъ отношеніи, Софья рѣшилась ѣхать въ Никольское, куда ее нѣсколько разъ приглашали; она дала слово быть ко дню рожденія Князя Рамирскаго. Тамъ надѣялась она увидѣться съ браномъ Алексѣемъ, и хотѣла убѣждать его, чтобы онъ вошелъ въ положеніе сестры Катерины, и помогъ ей. Въ чемъ должно было состоять пособіе, и какимъ образомъ надобно было распорядиться къ поправленію дѣлъ Аглаева, думала она просить совѣта Свіяжской, съ которою продолжала часто переписываться. Съ сими мыслями отправилась Софья, а сперва Холмская переѣхала на это время къ Катеринѣ, которая, при вторыхъ беременности своей, бывала часто нездорова.

Погода сдѣлалась, какъ нарочно, пасмурная и непріятная. Софью терзало какое-то мрачное предчувствіе, и какая-то непонятная тоска тяготила ея душу. Она не умѣла отдать себѣ от-

чета, отъ чего ей было такъ грустно. Странныя, непостижимыя чувства, иногда по неволѣ, владѣютъ нашимъ сердцемъ, и тщетно усиливаемся мы преодолѣть ихъ разсудкомъ! Софья желала, сама не зная зачѣмъ, отложить отъѣздъ свой въ тотъ день; но Наталья уже совсѣмъ собралась, все было уложено, и карета подвезена къ подъѣзду. Со слезами прощалась съ ними Катерина; старая Холмская и Софья также плакали, къ большему удивленію Натальи; Аглаевъ насилу удерживалъ слезы. Такъ грустно было всѣмъ разставаться съ Софьею. Всѣ привыкли къ милому, доброму ея характеру, нѣжному ея попеченію и вниманію, ея веселости, и обращенію, всегда пріятному и простому.

Аглаевъ поѣхалъ провожать Софью и Наталью до уѣзднаго города. Онъ имѣлъ тамъ какія-то дѣла и сѣлъ съ отъѣзжавшими въ карету, а служанокъ посадили покамѣстъ на его дрожки.

«Провожая тебя съ такою грустью,

любезная сестра, мы доказываемъ эгоизмъ нашъ,» сказалъ Аглаевъ. «Тебѣ, вѣрно, будетъ въ Никольскомъ веселѣе, нежели у насъ, но намъ безъ тебя будетъ очень скучно: мы такъ къ тебѣ привыкли.... Богъ знаетъ, когда опять увидимся.»

— Я постараюсь поскорѣе возвратиться—отвѣчала Софья. — Ты самъ знаешь, что и мнѣ очень грустно разставаться съ вами, но я ѣду по необходимости. Между тѣмъ, любезный другъ, продолжай, какъ началъ, будь терпѣливъ, старайся имѣть болѣе власти надъ собою, пиши почаще ко мнѣ, и будь увѣренъ въ душевномъ моемъ участіи; да въ этомъ, кажется, и увѣрять тебя нѣчего!

Проспившись съ нею, и вышедъ изъ кареты, Аглаевъ не могъ удержать слезъ. Софья кричала ему, чтобы онъ поцѣловалъ за нее сестру, и не лѣнился-бы чаще писать.

Въ Никольскомъ Софья принята была съ большою радостію. Елисавету нашла

она спокойною и веселою; на лицѣ ея написано было какое-то удовольствіе, котораго Софья давно уже въ ней не видала. Лицо и глаза Князя Рамирскаго никогда и ничего не выражали, однакожъ, замѣтно было, что и онъ въ хорошемъ правѣ; Алексѣй во всемъ соображался съ Мен-шоромъ своимъ, Княземъ Рамирскимъ, и подражалъ ему; видно было, что онъ такжс довольно веселъ. Наталья, при входѣ въ обширныя комнаты, при взглядѣ на прекрасныя мебели, паркетные полы, освѣщеніе, людей въ хорошихъ ливреяхъ— словомъ: увидя вездѣ богатство и великолѣпіе, ожила и развеселилась.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней въ Никольскомъ довольно пріятно; всѣ были въ хорошемъ росположеніи, и Софья удивлялась, что въ продолженіе сего времени Елисавета ни разу не спорила и не бранилась съ мужемъ, который также, съ своей стороны, былъ къ ней угодливъ и внимателенъ. Софья не могла постигнуть: отъ чего произошла такая

печальная и пріятная перемѣна. Причины объяснились сй ужс въ послѣдствіи.

Нѣсколько разъ заговаривала она Алексѣю объ Аглаевѣ, но онъ былъ предубѣжденъ противъ него, называлъ его мошомъ, неразсчетливымъ и вѣтренникомъ. Софья видѣла, что должно повременить, не говорить прямо о необходимости помочь ему, и что поспѣшностью легко можно было все дѣло испортить.

Между тѣмъ Софья получила письмо отъ Катерины; она увѣдомляла, что чувствуетъ себя, слава Богу, хорошо; что мужъ ея такъ милъ, какъ нельзя больше; что она почитаетъ себя совершенно счастливою. Письмо ея походило на прежнія описанія благополучной и спокойной ея жизни. Софья показала письмо это брату Алексѣю; онъ съ удовольствіемъ прочелъ, и даже изволилъ сказать, что для него очень пріятно, если сестра Катерина Васильевна, благодаря Бога, такъ счастлива. Сама Софья послѣ этого письма ободри-

лась, обыкновенная веселость ея одушевляла всѣхъ, и время въ Никольскомъ шло очень пріятно.

На канунѣ рожденія Князя Рамирскаго стали пріѣзжать гости. Опять приглашалъ и ждалъ къ себѣ Князь такъ-же много, какъ и въ первый праздникъ послѣ свадьбы; такіе-же веселости готовились, какъ и тогда. Графиня Хлестова, сестра Князя Рамирскаго, къ большому удовольствію Софьи, отказалась отъ приглашенія, за нездоровьемъ.

Утромъ, въ день праздника, за чаемъ, *отважилась* наконецъ Софья спросить у одной сосѣдки, съ которою въ первый пріѣздъ свой познакомилась: гдѣ теперь Свѣтланина? «Ел здѣсь нѣтъ,» отвѣчала она Софьѣ. «Нѣсколько дней тому назадъ, уѣхала она въ Петербургъ, говорятъ, на свадьбу брата своего Проискаго.»

Вскорѣ послѣ того, всѣ разопились одѣваться. «Свѣтланина поѣхала на свадьбу брата своего Проискаго!» ду-

мала Софья. «Дай Богъ ему счастія.... Не знаю, отъ чего я удивилась, или огорчилась, при этомъ извѣстіи»...

Служанка ожидала ее, и приготовила ей одѣваться; но Софья сѣла подлѣ окна, и въ глубокой задумчивости ничего не слыхала, не отвѣчала даже на вопросы служанки, что-ли платье она ей приготовила. Извѣстіе о женитьбѣ Проскаго поразило Софью, хотя она не хотѣла даже самой себѣ признаться, что чувствовала большую къ нему привязанность, и скрывала внутри сердца тайную надежду, которая такъ внезапно уничтожилась. Шумъ на лѣстницѣ вывелъ ее изъ задумчивости; она невольно вскочила, и покраснѣла при входѣ къ ней Елисаветы.

«Какъ: ты еще не одѣвалась?» — сказала Елисавета, съ коварною улыбкою. — «Я подслушала, что тебѣ сообщено. Ага, госпожа притворщица! попалась, со всею твоею разсудительностію!»—продолжала Елисавета, по Фран-

цузски, потому, что въ комнатѣ была служанка. «Полно, полно лицемѣрить: теперь я все знаю!»

— Что такое? Что ты знаешь?

«Полно притворяться при мнѣ. Но предупреждаю тебя: при другихъ старайся преодолѣть себя, и скрыть внутреннюю твою грусть. Новость о женитьбѣ Троекаго здѣсь всѣмъ извѣстна; многіе также знаютъ, что онъ имѣлъ виды на тебя; начали было даже увѣрять, что вы помолвлены; ты обратишь на себя общее вниманіе, и тебѣ не надобно казаться грустною.»

— Да о чемъ мнѣ грустить? Я совершенно къ нему равнодушна.

«Разсказывай другимъ» — отвѣчала Елисавета. — «Впрочемъ, можетъ быть, слухъ этотъ вздорный. Я видѣла Свѣтланину наканунѣ отъѣзда ея въ Петербургъ, и она мнѣ ничего не говорила. Мужъ мой получилъ письмо о женитьбѣ Троекаго, изъ Москвы, отъ сестры своей, Графини Хлестовой, и разгласилъ

эту новость. Но ты сама знаешь, какъ вѣрны бываютъ иногда Московскіе слухи. А я тебѣ скажу новость гораздо интереснѣе. Ты вѣрно не отгадаешь, кто къ намъ пріѣхалъ? Фамусовы! Я и не знала, что мужъ мой приглашалъ ихъ ко дню своего рожденія, въ то время, когда ѣздилъ къ нимъ изъ Прію-това.»

— Вотъ была нужда звать изъ такой дали гостей, которые всѣмъ надоѣдятъ, и помѣшаютъ веселостямъ! Неуже-ли и авпомашъ — дочька ихъ Любинька—также съ ними пріѣхала?

«Полноте! Говори о ней съ уваженіемъ,» продолжала Елисавета. «Можетъ быть, очень скоро будемъ мы просто называть ее: милая сестрица!»

— Можетъ-ли это быть? — возразила съ удивленіемъ Софья.

«Примѣчай внимательнѣе за братомъ Алексѣемъ, и ты увидишь, что я не ошибаюсь.»

— И Алексѣй, при всемъ богатствѣ своемъ, рѣшается жениться на такой выпускной куклѣ, у которой всѣ достоинства въ однѣхъ только деньгахъ? Онъ *интересанъ*: спорить объ этомъ нельзя; но, воля твоя, кажется невѣроятно, чтобы онъ до такой степени былъ привязанъ къ деньгамъ, и рѣшился-бы пожертвовать собою!

«Вотъ ты увидишь, что я говорю тебѣ правду. Ты еще худо его знаешь: деньги и деньги — вотъ все, что онъ имѣетъ въ виду. Онъ ничего и никого, кромѣ денегъ, не любитъ. Къ счастію, намъ съ тобою нѣтъ нужды въ его пособіи. Повѣрь, что если-бы онъ видѣлъ насъ въ совершенной погибели, то и тогда ни одною копѣйкою не пожертвовалъ-бы онъ для спасенія нашего.»

— Ты очень огорчила меня такимъ извѣстіемъ объ Алексѣѣ, ежели только ты не ошибаешся — сказала Софья, думая въ то время объ Агласвыхъ. — Но, можетъ быть, дастъ Богъ, сватовство

его не состоится. Очень буду я сожалѣть, ежели Фамусова сдѣлается его женою, потому, что мнѣ хотѣлось-бы любить и уважать жену моего брата, какъ родную сестру.

Между тѣмъ гостей стало часъ отъ часу болѣе прибавляться, и Елисавета отправилась угощать ихъ. Софья пробыла одна въ своей комнатѣ почти до самаго обѣда. Ей должно было успокоиться послѣ душевнаго возмущенія. При самомъ входѣ въ гостиную увидѣла она, что братъ Алексѣй сидѣлъ подлѣ молодой Фамусовой. Она склоняла, по обыкновенію, голову свою на одну сторону, опускала и подымала томные глаза свои, и на губахъ ея замѣтна была какая-то странная, или, простѣе, глупая улыбка. Алексѣй держалъ въ рукахъ вѣеръ ея, и, какъ видно было, принуждалъ себя казаться страстнымъ. Оба другъ друга стоили, и будущая невѣста его еще имѣла преимущество передъ нимъ. Черты лица ея были правильны, но непрі-

ятны. Вообще, видъ ея возбуждалъ какое-то непреодолимое отвращеніе.

Къ удивленію Софьи, милая Любинька вскочила при входѣ ея въ гостиную, и бросилась прямо къ ней на шею, цѣловать ее, говоря, что она *совершенно счастлива* увидѣвшись съ нею, что сердце ея *бьется отъ радости*, и проч. Такія непредвидѣнныя нѣжности, особенно-же послѣ того, что Любинька, ревнуя къ Пронскому, совсѣмъ было перестала говорить и кланяться, заставили Софью согласиться съ предположеніемъ Елисаветы.

Въ продолженіе всего дня, и вечеромъ, во время бала, Софья еще болѣе увидѣла, что съ обѣихъ сторонъ есть взаимное желаніе *присоединить богатство къ богатству*. Фамусовы, мать и дочь, ласковостями своими и изъясненіями въ дружбѣ, падоѣли сй въ высшей степени. Алексѣй, какъ замѣтно было, очень хошѣлъ казаться влюбленнымъ, не отходилъ во весь день отъ *предмета стра-*

сти своей, всего-же болѣе, вѣроятно, потому, что Фамусова была вся въ брильянтахъ и жемчугахъ. Вѣроятно, это пуще любви привлекало Алексѣя; всѣмъ было замѣтно его старательство, и даже стали говорить, что онъ уже помолвленъ на Любинькѣ.

Но среди бала предсталъ, совсѣмъ непредвидѣнно, еще новый женихъ, и къ неудовольствію старой Холмской опять совершились въ ея семействѣ два брака, весьма ей не по сердцу.

Глава XII.

Les beaux yeux de ma cassette.... Bel amour! bel amour, ma foi, l'amour de mes louis d'or.

Molière.

Прекрасные глаза моей шкатулки.... Хороша, хороша, ей Богу, хороша любовь къ моимъ червонцамъ....

Мольеръ.

Во время бала, доложили Князю Рамирскому о пріѣздѣ, бывшаго его начальника, Графа Клешнина. Онъ смѣшался, и, схвативъ за руку жену свою, которая только что спала было танцовать мазурку, побѣжалъ съ нею на встрѣчу къ Графу, въ лакейскую.

Графъ Клешнинъ, во время службы своей, былъ строгій и взыскательный начальникъ. Князю Рамирскому порядочно доставалось отъ него; онъ часто гонялъ его за фрунтъ и сажалъ подъ арестъ, за ошибки въ ученьѣ. Хотя уже давно Князь былъ въ отставкѣ, но чувство какой-то невольной боязни и робости, при видѣ бывшаго начальника, въ немъ осталось. Притомъ-же Графъ былъ знатенъ, богатъ, чиновенъ, а это непонятныя диковинки для деревенскаго жителя не большаго чина.

Князь Рамирскій изумился нечаянному пріѣзду Клешнина. Онъ былъ ближній сосѣдъ Рамирскому по деревнѣ, но никогда въ этой деревнѣ не живалъ. Подмосковная, въ которой поселился Графъ послѣ отставки, была совсѣмъ въ противоположной сторонѣ, а въ эту деревню Графъ пріѣзжалъ изрѣдка, на коротkое время, для ѣзды съ собаками. Князь Рамирскій, узнавая о пріѣздѣ его, всегда тотчасъ самъ къ нему являлся,

или выѣзжалъ съ своею охотою, куда прикажетъ Графъ, но въ домѣ Рамирскаго Графъ никогда не бывалъ.

«Я только вчера пріѣхалъ сюда,» сказалъ Графъ Клешнинъ, поцѣловавшись съ Рамирскимъ, «и узналъ, что сегодня день твоего рожденія. Извини, что незваный.»... — Помилуйте, Ваше Сіятельство! Вы чрезвычайно одолжили меня вашимъ посѣщеніемъ. Мнѣ неизвѣстно было о вашемъ пріѣздѣ; я самъ тотчасъ явился-бы къ вамъ. Позвольте мнѣ имѣть честь представить мою жену. — Клешнинъ поцѣловалъ у Елисаветы руку, и сказалъ ей нѣсколько привѣтствій. Пошли далѣе. Князь Рамирскій бѣжалъ впереди, и отворялъ двери.

Между тѣмъ въ залѣ, между танцорами сдѣлалось большое смятеніе; музыка перестала играть; Гусарскіе офицеры, одѣтые не по формѣ, спѣшили застегнушься, чтобы незамѣтны были разноцвѣтные ихъ жилеты, прятали бѣлыя выпушки изъ подъ галстуковъ, и опыс-

кивали свои сабли. Дамы и дѣвушки спѣшили на встрѣчу Графа, чтобы посмотрѣть на знатнаго и богатаго человѣка. «Маменька, пойдемте, пойдемте поскорѣе» — говорила дочь Фамусовой — «это Графъ Ѳедоръ Степановичъ Клешнинъ — помните, мы видѣли его на масляницѣ въ Москвѣ, у Графини Маргариты Петровны Эльфридиной.»—Какъ: это онъ?—отвѣчала Фамусова. — Графъ вѣрно будетъ очень радъ, увидѣвъ насъ здѣсь—прибавила она, возвышая нарочно голосъ, чтобы другіе могли слышать и знать о ея знакомствѣ съ Его Сіятельствомъ.

Въ это время Графъ Клешнинъ вступилъ въ залу, въ сопровожденіи хозяйки и хозяина, который шелъ передъ нимъ, очищая дорогу, и показывая ему почетное мѣсто.

Графъ Клешнинъ самъ объявлялъ, что ему 52 года, а въ самомъ дѣлѣ было ему полныхъ шестьдесятъ. Но онъ сохранилъ еще довольно пріятную наруж-

ность, былъ высокаго роста, величественной фигуры, ловокъ въ обращеніи, и чрезвычайно вѣжливъ со всѣми. Рость его, двѣ звѣзды, лента черезъ плечо по жилету, и нѣсколько крестовъ на шеѣ, болѣе-же всего знатность и богатство сто, внушали во всѣхъ къ нему почтеніе. Въ залѣ сдѣлалась большая тишина. Офицеры, съ застегнутыми мундирами, въ саблях, и съ шляпами, стояли въ сторонѣ. Лишь только Графъ успѣлъ сѣсть подлѣ хозяйки; явилась передъ нимъ Фамусова, съ дочерью.

«Ваше Сіятельство! изволите-ли узнать меня?» сказала она.—Графъ Клешинъ поспѣшно всталъ передъ нею.—Извините, сударыня: я гдѣ-то имѣлъ честь васъ видѣть —только.... право не упомню. —«Какъ-же, Ваше Сіятельство? Я имѣла удовольствіе быть съ вами въ маскерадѣ у Графини Маргариты Петровны Эльфридиной, и вотъ дочь моя, Любинька, танцовала въ одной кадрили съ племянницею Вашего Сіятель-

ства, Княжною Зенеидою Ильиничною Тугоуховскою!» — Ахъ, Боже мой! Какъже: очень помню—отвѣчалъ Графъ Клешнинъ. — Очень радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть. Но, мнѣ кажется, я помѣшалъ вашимъ танцамъ — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, и спрашивая у нея потихоньку фамилію этой *знакомой* ему дамы.—Господа! сдѣлайте одолженіе: снимите ваши сабли, кладите шляпы, не церемоньтесь—прошу васъ, начинайте танцовать! — Князь Рамирскій стоялъ подлѣ Графа неотлучно, и тотчасъ велѣлъ играть Польскій. Графъ Клешнинъ прошелъ нѣсколько разъ съ хозяйкою; но онъ уже давно искалъ глазами настоящій предметъ своего посѣщенія — *Наталью Холмскую*. Переставъ танцовать съ Елисаветою, онъ подалъ тотчасъ ей руку.

«Какъ я радъ, что нашелъ здѣсь милую, старую мою знакомую!»— сказалъ онъ сей. «Мы такъ давно не видались. Смерть Графини Вельской и скорый отъ-

ѣздъ вашъ изъ Петербурга разлучили было насъ. Я только сегодня узналъ, что Княгиня Рамирская вамъ родная сестра, и надѣясь найдти васъ, нарочно сюда пріѣхалъ.» Окончивъ Польскій, сѣлъ онъ подлѣ Натальи, и разговаривалъ о Петербургской ихъ жизни. Наталья была восхищена предпочтеніемъ, сдѣланнымъ ей противъ всѣхъ, и еще болѣе потому, что нашла стараго знакомаго, и ея тайныя намѣренія на него, какъ ей казалось, могутъ наконецъ совершиться. Графиня Вельская уже давно имѣла въ виду отдать ее за Графа Клешинна. Наталья, прельщенная его знатностію и богатствомъ, была совершенно согласна; но болѣзнь, а потомъ смерть Графини, все разстроили. Теперь открывалась возможность возобновить это дѣло, и, какъ видно было, самъ Графъ желалъ, сказавъ, что *нарочно для нея* пріѣхалъ. Бесѣда ихъ была прервана Фамусовою. Она сѣла подлѣ Графа Клешнина, и атакована его несноснымъ болтовст-

вомъ своимъ. Графъ отвѣчалъ ей сначала вѣжливо; наконецъ она надоѣла ему, и онъ отвернулся, смотря въ лорнетъ на другихъ дамъ. Въ это время подошелъ къ дочери Фамусова, сидѣвшей по близости отъ него, какой-то Гусарскій офицеръ, и просилъ ее шанцовать мазурку. «Ахъ! я въ отчаяніи» — сказала она, подымая и опуская глаза свои — «мнѣ чрезвычайно совѣстно передъ вами, но я не могу: я дала слово на мазурку и кадриль Алексѣю Васильевичу Холмскому.» Слова сіи произнесла она громко, и такимъ томнымъ голосомъ, что обратила вниманіе Графа Клешнина. «Кто эта *отчаянная* и *совѣстливая* дама?» спросилъ онъ у Наталыи, обращая лорнетъ въ ея сторону.—Это ваша знакомая — отвѣчала она, съ улыбкою — дочь Каролины Карловны Фамусовой, которая сидитъ подлѣ васъ.—«Ахъ, Боже мой! такъ это ваша дочька? Какъ она мила и прелестна собою! — Вотъ, хорошъ я!» — прибавилъ онъ, потихоньку, Натальѣ.—

«А вамъ не стыдно, что вы меня не предупредили?» Всѣ сидѣвшіе близко, и слышавшіе прежде восклицанія Фамусовой, о томъ, какъ будетъ радъ Графъ увидѣвъ ихъ, насилу могли удержашься отъ смѣха.

Графъ Клешнинъ не отходилъ весь вечеръ отъ Натальи, шутилъ съ нею, вмѣстѣ насмѣхался надъ парядами провинціяльныхъ дамъ, надъ шапцами ихъ. Имѣя взаимное желаніе понравиться другъ другу, они оба, рѣшительно, достигнули своей цѣли.

Съ Графомъ пріѣхалъ *компаньонъ* его, бѣдный дворянинъ. Графъ опредѣлилъ его въ службу, вывелъ въ офицеры, потомъ взялъ къ себѣ въ адъютанты, и наконецъ такъ привыкъ къ нему, что выходя въ отставку, убѣдилъ и его оставить службу, обѣщаясь обеспечить будущее его состояніе. Компаньонъ сей назывался Захаръ Петровичъ Молчалинъ. Онъ былъ самаго миролюбиваго характера, переносилъ всякія грубости, готовъ былъ

на всѣ *разнообразныя* услуги, и имѣлъ большое вліяніе на Графа Клешнина. Наталья знала объ этомъ, и обласкала Молчалина, съ намѣреніемъ преклонить на свою сторону.

Впрочемъ ей не нужно было много хлопотать. Молчалину, со всѣмъ необыкновеннымъ его терпѣніемъ, дѣлалась жизнь у Графа Клешнина часъ отъ часу несноснѣе. Графъ былъ горячъ, взыскателенъ, несправедливъ, своенравенъ, и грубъ до крайности, особенно-же въ то время, когда посѣщала его подагра, а это съ нимъ случалось довольно часто. Пріятный, ловкій, вѣжливый, снисходительный въ обществѣ, онъ былъ несносенъ дома. Молчалинъ давно желалъ раздѣлить съ кѣмъ нибудь плачевную свою участь, и самымъ лучшимъ средствомъ признавалъ—женить Графа, надѣясь, что не только судьба его облегчится, и большую часть капризовъ своихъ Графъ обратитъ на жену, но, можетъ быть, женившись, исполнитъ онъ свое обѣщаніе, обес-

печишь его судьбу, и ему можно будешь совсѣмъ оставить Графа.

Еще въ Петербургѣ, когда Графъ Клешнинъ, всегда обращаясь съ нимъ откровенно, объявилъ, что Наталья ему нравится, Молчалинъ одобрилъ и поддерживалъ намѣреніе его жениться на ней. Послѣ отъѣзда Натальи изъ Петербурга, Графъ также вскорѣ переселился, на всегдашнее жительство, въ подмосковную, и совсѣмъ было забылъ объ ней; но Молчалинъ очень искусно умѣлъ воспламенить погасшій его жаръ. Онъ узналъ, куда Наталья отправилась изъ Петербурга, и сообщилъ Графу, что Княгиня Рамирская родная сестра ея, работалъ неутомимо, и все такъ устроилъ, что Графъ Клешнинъ опять влюбился, и поѣхалъ отыскивать Наталью. Молчалинъ уговорилъ его явиться на балъ къ Князю Рамирскому безъ приглашенія. Такимъ образомъ, лично для своихъ выгодъ, Молчалинъ старался всячески устроить свадьбу Графа, и съ удовольствіемъ ви-

дѣлъ, что стараніе его можетъ быть увѣнчано успѣхомъ.

Въ это время и Алексѣй Холмскій хлопоталъ удачно. У Фамусовыхъ было, какъ всѣ говорили, *болѣе милліона рублей денегъ* въ Ломбардѣ, и *двѣ тысячи душъ*. Все это должно было достаться *сантиментальной*, единственной ихъ дочери, Любинькѣ. Холмскій чувствовалъ страстную любовь—къ милліону и двумъ тысячамъ душъ. Въ тотъ-же вечеръ объяснился онъ съ матерью и дочерью, и его предложеніе было благосклонно принято. У него самаго было почти такое-же состояніе; слѣдовательно, и имъ какого-же лучше жениха надобно было желать? Фамусова дала Алексѣю слово, но объявила однакожъ, что *для формы* надобно просить согласія у мужа ея. Что онъ не откажетъ, въ томъ сомнѣваться было нѣчего. Она отложила разговоръ съ Фамусовымъ до завтра, потому, что на балѣ Фамусовъ сидѣлъ недвижимо на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ на

всѣхъ, ничего не видалъ, и чтобы не дремать, нюхалъ безпрестанно табакъ.

Князь Рамирскій былъ настоящимъ Ментором Алексѣя Холмскаго. Алексѣй слушался его во всемъ, и почиталъ благоразумнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Менторъ сей одобрилъ намѣреніе своего Телемака, когда онъ сообщилъ ему о *страсти* къ Любинькѣ, еще въ бытность у Аглаевыхъ. Онъ тотчасъ отвѣчалъ ему почти тоже, что Простодумъ отвѣчалъ Верхолету, въ комедіи Княжнина, *Хвастунъ*:

«И душъ двѣ тысячи, и денегъ страшна бездна!...

«*Такъ эта дѣвушка, ей, ей, весьма любезна.*

«Не надобно упускать изъ виду такой невѣсты,» сказалъ онъ. «Поѣдемъ къ Фамусовымъ; я познакомлюсь съ ними, приглашу ихъ къ себѣ, ко дню моего рожденія, въ Никольское. Они вѣрно догадаются, какіе имѣю я виды, и тамъ мы все дѣло уладимъ.»

Послѣ ужина, Графъ Клешнинъ хотѣлъ было ѣхать домой, но Князь Рамирскій уговорилъ его остаться ночевать. — «Ночь темная; дорога не очень хороша; сдѣлайте одолженіе, Графъ, извольте остаться у насъ ночевать, а завтра, ежели только вамъ угодно, поѣдемъ съ собаками. У меня мѣста *отъемныя*, и я нарочно берегу ихъ; зайцевъ пропасть; есть даже и *обойденные* волки.» Графъ Клешнинъ именно того и желалъ, чтобы остаться у Рамирскаго на нѣсколько дней.—Очень радъ, братецъ!—отвѣчалъ онъ. — Пришомъ-же мнѣ одному, въ деревнѣ у себя, смертельная скука. Я знаю, что мѣста у тебя славныя для охоты. Пошли, братъ, пораньше кого нибудь, чтобы и мои собаки сюда-же явились, и съ завтрашняго-же дня начнемъ. —

Графу Клешнину отведена была лучшая комната въ домѣ; самъ Князь Рамирскій хлопоталъ, чтобы ему было спокойно, провожалъ его, и пробылъ у него, покамѣстъ онъ раздѣлся; потомъ

оставилъ онъ Графа вдвоемъ съ Молчалинымъ.

«Что, братъ Захаръ,» сказалъ Графъ Клешнинъ, «какъ она тебѣ показалась?» Она, кажется, еще болѣе похорошѣла, съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее — отвѣчалъ Молчалинъ. — Но сверхъ красоты, она чрезвычайно мила, привѣтлива, и видно, что у нея доброе сердце. Я нарочно распрашивалъ у людей: всѣ ее очень хвалятъ. — «Мнѣ самому она нравится»—продолжалъ Графъ.— «Холостая жизнь мнѣ надоѣла; пора остепениться, и я почти уже рѣшился; но еще подожду нѣсколько дней. Я очень радъ, что умный хозяинъ нашъ предложилъ мнѣ остаться у него. Посмотрю еще, поговорю еще съ нею, постараюсь узнать ее покороче, и—тогда веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.» Молчалинъ пробылъ съ Графомъ довольно долго, утверждалъ его въ намѣреніи жениться, увѣрялъ, что онъ очень нравится Наташѣ, и что это очень замѣтно.

Дѣйствительно, Натальѣ очень нравился Графъ; но не лично своею особою, а знатностію, чинами и богатствомъ. Всю ночь мечтала она о соединеніи съ нимъ, и представляла себѣ, какъ ее будутъ звать Графинею; восхищалась мыслію, что она, знатностію своею и богатствомъ, превзойдетъ даже Княгиню Армидину, дочь Вельской, которой она всегда завидовала; мечтала о великолѣпномъ домѣ, о прекрасныхъ экипажахъ, о множествѣ брилльянтовъ, рѣшительно думая, что будетъ *совершенно счастлива*. Она приняла твердое намѣреніе употребить всѣ способы, и совершенно покорить сердце Графа Клешнина. Отъ такихъ мыслей только къ свѣту могла она заснуть.

Эту ночь многіе провели въ Никольскомъ безпокойно. Алексѣй Холмскій, надѣясь, что старые Фамусовы недолго проживутъ, восхищался мысленно, какъ онъ будетъ пересчитывать ломбардные билеты на милліонъ рублей; Фамусова

думала въ свою очередь о богатствѣ Алексѣя. Дочь радовалась тому, что выйдетъ изъ-подъ зависимости, и будетъ жить своимъ домомъ. Добрая Софья была огорчена до глубины души, вспоминая о положеніи Аглаевыхъ, и не предвидя большой надежды склонить Алексѣя къ пособію имъ; сватовство его, и обращеніе Наталья съ знатнымъ старикомъ, которато, какъ явно видно было, хотѣла она уловить въ свои сѣти, также ей не правились. Она предусматривала весьма бѣдственныя послѣдствія, ежели обѣ эти свадьбы состоятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слухъ о женитьбѣ Прокаго тяготилъ ее. Софья провела эту ночь безпокойно.

Глава XIII.

«На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
«Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
«И кои думаютъ: лишь мнѣ-бы ладно было,
«А шамъ—весь свѣтъ гори огнемъ!
И. А. Крыловъ.

На другой день, утромъ, Графъ Клешнинъ отправился, вмѣстѣ съ хозяиномъ, на охоту. Наталья, слѣдуя плану своему, просидѣла долго за туалетомъ. Она умѣла одѣваться къ лицу, знала, что ей лучше пристало, и воспользовалась всѣмъ, что искусство могло прибавить къ природной ея красотѣ.

Она была лучше всѣхъ сестеръ, высокаго роста, стройна, привыкла съ малолѣтства носить узкій корсетъ, имѣла прекрасную *талію*, и умѣла одѣваться всегда съ большимъ вкусомъ. Графъ Клешинъ, возвратясь къ обѣду съ охоты, совсѣмъ растаялъ. Онъ нашелъ Наталью еще прелестнѣе, чѣмъ прежде.

Впрочемъ, красота ея была именно такого рода, какую было надобно для того, чтобы плѣнять людей, подобныхъ Графу Клешину. Величественный видъ, важная осанка Натальи, поражали, но побѣда была временная. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи лица ея открывалась въ немъ какая-то холодность, какая-то пустота и безчувственность.

Фамусова объявила на другой день Алексѣю Холмскому, что *дѣло кончено*, отецъ согласенъ, дочь также; но что она проситъ его рѣшительно никому не говорить, ни даже самому Князю Рамирскому, ни сестрамъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ согласія сво-

ей матери. «Тогда,» сказала Фамусова, «сдѣлаемъ мы гласную помолвку, и объявимъ всѣмъ сосѣдямъ; но свашьбу, можетъ быть, надобно будетъ отложить надолго. Я поѣду» — прибавила она—«съ Любинькою въ Москву, дѣлать приданое; потомъ наступитъ постъ.» Тщетно упрашивалъ Алексѣй позволить ему сообщить свою радость, по крайней мѣрѣ, Князю Рамирскому; Фамусова настоятельно требовала, чтобы онъ молчалъ. Она еще имѣла особые отдаленные виды: ей нравился Алексѣй; но онъ былъ *богатъ*, да *не знатенъ* и *не чиновенъ;* она думала, что, *можетъ быть*, Графъ Клешнинъ влюбится въ такую красавицу, какъ ея дочь, и имѣла Алексѣя въ резервѣ, на случай, ежели Графъ Клешнинъ не будетъ тронутъ прелестями ея Любиньки.

Старикъ Фамусовъ, послѣ рекомендаціи и просьбы Алексѣя, чтобы полюбить его, какъ сына, поцѣловалъ будущаго своего зятя, понюхалъ табаку, и,

посмотрѣвъ на часы, попросилъ, чтобы велѣли подать ему водки.

Видя, что Алексѣй цѣловался съ Фамусовымъ, и что онъ безпрестанно сидитъ подлѣ романической Любиньки, разговариваетъ съ нею, услуживаетъ ей, Софья воспользовалась первою возможностію, когда невѣста вышла изъ комнаты.

«Кажется, можно поздравить тебя?» спросила она. «Къ чему ты скрываешся, и не хочешь объявить намъ своей радости?» — На скромность твою положиться можно — отвѣчалъ онъ. — Дѣло кончено, но меня просили не говорить никому ни слова. Видно отъ твоей проницательности ничто не укроется. Только, сдѣлай одолженіе, никому не сказывай.—Софья думала, что безполезно будетъ доказывать ему, какъ безразсудно жертвуетъ онъ счастіемъ всей жизни, соединяя судьбу свою съ движущимся автоматомъ, имѣющимъ только подобіе человѣка. Она была увѣрена, что всѣ ея слова не произведутъ никакого дѣй-

ствія, и только по пустому раздражать брата, а потому рѣшилась лучше воспользоваться симъ случаемъ, и склонить его къ пособію Агласвымъ.

«Ты сдѣлаешся теперь вдвое богаче, прожившъ того чѣмъ былъ; неуже-ли и теперь не поможешь ты сестрѣ Катеринѣ?»—А что я могу для нея сдѣлать?—отвѣчалъ Алексѣй, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. — Вольно ей было выходить замужъ за такого мота, за такого неразсчетливаго и пустаго человѣка: это бездонная кадка, которую ничѣмъ наполнить нельзя. — «Но вспомни, что она родная сестра тебѣ, и что удѣлишь нѣкоторую часть богатства твоего, въ пособіе ей, есть обязанность твоя, какъ брата и Христіанина.» — Я не вижу никакой обязанности кидать деньги свои по пустому. Еще тебѣ повторяю, что для мотовства никакого состоянія не достанетъ. — «Какое мотовство! Я вѣрно для этого просить тебя не стану. Заплати долги и устрой

ихъ!» — *Заплати долги и устрой ихъ!* Какъ-же ты не понимаешь: *сегодня* я заплачу, а *завтра* они вдвое больше надѣлаютъ долговъ. Аглаевъ человѣкъ пропавшій; я не постигаю, какъ маменька согласилась отдать за него, и какъ вы ее не удержали. Но это все вѣтренница Елисавета надѣлала!—«Отговорокъ можно найдти множество, когда чего нибудь не хочется сдѣлать. Но я не могу повѣрить, чтобы ты оказался войдти въ положеніе родной сестры.»—Можешь вѣрить, или нѣтъ—возразилъ съ неудовольствіемъ Алексѣй — но я еще тебѣ повторяю, что не намѣренъ кидать деньги по пустому.

Весьма тягостна и унизительна была для Софьи роль просительницы, особливо-же когда получала она отвѣты столь не-брашскіе, и произносимые непріятнымъ тономъ. Ежели-бы она просила для себя, то давно-бы прекратила этотъ разговоръ; но дѣло шло — не только о помощи, но даже о спасеніи людей, столь

близкихъ и любезныхъ для нея. Она преодолѣла себя, вооружилась терпѣніемъ, и продолжала.

«Ты отдаешь-же свои деньги въ проценты; дай имъ въ займы. Кажется, тебѣ все равно: отдать свой капиталъ имъ, или другимъ.» — Совсѣмъ *не все равно.* Я отдаю не иначе, какъ подъ вѣрный залогъ. — «И они дадутъ тебѣ залогъ.» — Какой? Все имѣніе ихъ заложено. — «Не можетъ быть: вѣрно, имѣніе Катиньки не заложено; притомъ-же часть Елисаветы имъ-же принадлежитъ.» — Ты не знаешь, а я такъ давно знаю: имѣніе сестры Катерины Васильевны заложено въ Опекунскій Совѣтъ, а часть Княгини еще имъ не принадлежитъ. — «Какъ? Вѣдь это дѣло кончено: самъ Князь обѣщалъ.» — Обѣщалъ, а еще не отдалъ. Но прекратимъ этотъ разговоръ. Вотъ что я могу сдѣлать: ежели я женюсь, то, разумѣется, обязанъ буду дѣлать подарки сестрамъ: вмѣсто подарка, я дамъ Катеринѣ Васильевнѣ

деньгами. Довольна-ли ты этимъ будешь? — «И это изъ худаго лучшее. Но прошу тебя, и мнѣ, вмѣсто подарка, дать деньгами.» — Понимаю — продолжалъ съ усмѣшкою Алексѣй. — Ты хочешь отдашь эти деньги Аглаевымъ. Такая упрямица, что тебя ничѣмъ не переувѣришь. Притомъ-же, ты вѣдь сама очень богата, и можешь кидать деньги по пустому! — «Богата-ли я, или нѣтъ, и на что мнѣ нужно богатство, сужденіе объ этомъ можетъ завести насъ далеко — оставимъ лучше. Но ты меня растревожилъ. Скажи: неуже-ли ты слышалъ, что Князь не хочетъ отдать части Елисавегиной Аглаевымъ? Онъ самъ вызвался, и обѣщалъ, еще бывши женихомъ.» — Я ничего не знаю и ничего не слыхалъ — отвѣчалъ Алексѣй. — И какая мнѣ нужда вступаться въ чужія дѣла? Всякій располагаетъ своимъ имѣніемъ, какъ ему хочется; но мнѣ нѣкогда теперь говорить съ тобою: меня зоветъ Любовь Максимовна. —

Софья была чрезвычайно огорчена разговоромъ своимъ съ Алексѣемъ. Она не ожидала отъ него такой скупости, такой холодности, и даже, какъ ей казалось, такого жестокаго безчувствія къ судьбѣ сестры. Она рѣшилась испытать: не будетъ-ли Наталья великодушнѣе его?

Вечеромъ, послѣ ужина, она пришла къ ней въ комнату, и разсказала со слезами переговоръ свой съ Алексѣемъ, напоминая ей, что она обѣщалась помочь Аглаевымъ, когда онъ откажется.

Наталья выслушала съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, и разсказъ Софьи не произвелъ на нее никакого дѣйствія.

«Я обѣщалась» — сказала она — «въ то время, когда мы жили въ уединеніи; тогда я не имѣла въ виду тратить много денегъ. Теперь совсѣмъ не то: можетъ быть, судьба моя перемѣнится. Но, кромѣ того, я обѣщала сестрѣ Елисаветѣ остаться съ нею въ Никольскомъ; здѣсь не такъ, какъ у маменьки: тамъ не ви-

дала я душп человѣческой, а здѣсь гости бываютъ часто, и издержки на туалетъ мой чрезвычайно увеличатся. Однакожъ, ежели Аглаевымъ такая крайность, по-рублей 500 могу я дать имъ въ займы.»

Софья насилу могла удержать досаду свою при такомъ предложеніи; но преодолѣла себя, и отвѣчала, что не знаетъ, сколько именно нужно Аглаевымъ, но напишетъ къ нимъ. Послѣ того поспѣшила она выйдти отъ сестры, боясь, что завлечется, и скажетъ что нибудь непріятное. Наталья успокоилась, въ надеждѣ, что Аглаевы не согласятся взять сумму столь ничтожную. Она, по холодности своей, не могла принять душевнаго участія въ судьбѣ Аглаевыхъ, не постигала даже, изъ чего Софья такъ сильно хлопочетъ объ нихъ, и надѣялась, что это дѣло такъ и окончится. Всѣ умственныя способности ея обращены были на другой предметъ — покореніе сердца Графа Клешнина.

Этотъ обветшалый женихъ былъ въ

страшномъ волненіи и нерѣшимости; ему должно было выдержать сильную борьбу, возникшаго въ немъ чувства любви къ Наташѣ, съ старинными привычками къ холостой жизни и свободѣ. Но, съ пособіемъ Молчалина, хлопотавшаго изъ собственныхъ видовъ, любовь восторжествовала. Графъ рѣшился предложить Наташѣ руку, и, въ твердой увѣренности, что не будетъ отвергнутъ, отправилъ потчасъ Молчалина къ двумъ сестрамъ своимъ, старымъ дѣвушкамъ, которыя жили съ нимъ вмѣстѣ. Онъ не спрашивалъ совѣта ихъ, а прямо сообщалъ имъ о женитьбѣ своей, поручалъ сдѣлать нужныя распоряженія въ домѣ, съѣздить въ Москву, купить, какъ обыкновенно водится, въ подарокъ невѣстѣ бѣлую шаль, прислать жемчуги, и нѣкоторыя бриллiантовыя вещи, поспѣшивъ отправить къ нему все это съ Молчалинымъ. Сестры съ большимъ удовольствіемъ получили такое извѣстіе; имъ давно хотѣлось, чтобы братъ же-

нился, и имѣлъ наслѣдника. Онѣ сами были сиарѣе его, и опасались, что въ случаѣ смерти Графа перейдетъ все имѣніе одному дальнему родственнику, котораго онѣ смертельно ненавидѣли. Тотчасъ поспѣшили онѣ въ Москву, исполнили порученіе, отправили все съ Молчалинымъ, и поздравляли брата — точно отъ души. Къ будущей Графинѣ также писали онѣ, и просили полюбить ихъ.

Тотчасъ по отправленіи Молчалина къ сестрамъ, Графъ Клешнинъ объяснился съ Натальею, и предложилъ ей свою руку. Онъ надѣялся, что такая неожиданная для нея честь принята будетъ съ восторгомъ; но Наталья, замѣтивъ давно, что онъ влюбленъ, и что сердце его уже въ ея власти, хотя была и очень рада, но, по холодности своей, не изъявила большаго восхищенія. Она отвѣчала, что соглашается на его предложеніе, такимъ тономъ, который даже нѣсколько оскорбилъ и удивилъ жениха. Какъ-бы то ни было, но — дѣло окончи-

лось. Графъ Клешнинъ былъ вознагражденъ необыкновенною радостію и восторгомъ Алексѣя Холмскаго. Князь и Княгиня Рамирскіе были также очень довольны. Вскорѣ всѣ въ домѣ узнали, и поздравляли Наталью; но гласную помолвку, для сохраненія приличій, рѣшились отложить до полученія согласія матери.

Одна Софья была душевно огорчена такимъ неравнымъ бракомъ. Хотя она сама себѣ сознавалась, что надмѣнная, безчувственная, холодная Наталья способнѣе всякой другой *кое-какъ прожить* съ Графомъ Клешнинымъ; но за всѣмъ тѣмъ не могла преодолѣть въ себѣ чувства горести, думая, что прекрасная, молодая женщина жертвуетъ собою, и обязана будетъ провесть весь вѣкъ съ больнымъ, старымъ мужемъ. О капризахъ, сумазбродномъ характерѣ, ревности, надмѣнности, грубостяхъ Графа, говорили многіе изъ числа гостей, бывшихъ въ Никольскомъ, и она сама имѣ-

ла возможность увѣриться въ томъ, наблюдая за нимъ въ это время.

«Хорошо-ли ты обдумала странное и непостижимое для меня намѣреніе твое?»— сказала ей Софья, оставшись вечеромъ, наединѣ съ Натальею, и выслушавъ отъ нея подробное исчисленіе всѣхъ выгодъ, ожидаемыхъ ею отъ сего брака. «Какъ, мнѣ кажется, можно рѣшиться соединить на вѣкъ судьбу свою съ больнымъ, капризнымъ, сумасбродным старикомъ, имѣя въ виду одно только то, о чемъ сей часъ, съ такимъ восторгомъ, ты мнѣ говорила: *называться Графинею, жить въ большомъ, хорошо убранномъ домѣ, имѣть прекрасный экипажъ, носить бриллянты и дорогія шали?* Можно-ли жертвовать счастіемъ всей жизни для пакого вздора!»

— Напротивъ — отвѣчала Наталья— весь этотъ, какъ ты, по философическимъ твоимъ сужденіямъ, называешь, *вздоръ*, составляетъ именно истинное мое счастіе. Лично на особу Графа Клеш-

нина смотрю я весьма равнодушно. Вообще, чувство, такъ называемой, *любви*, я почитаю за сущую химеру. Спокойная, изобильная жизнь, въ богатомъ состояніи—вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ состоитъ истинное счастіе! Признаюсь тебѣ: я безъ ужаса не могла вообразить о времени возвращенія моего къ маменькѣ, или къ сестрѣ Катеринѣ; думала даже искать себѣ мѣста гувернантки, или компаньонки, въ какомъ нибудь богатомъ домѣ! Образъ вашей жизни, пища, недостатокъ — все это было свыше моихъ силъ, и дѣлало меня совершенно несчастливою.—

«Ежели ты такимъ образомъ разсуждаешь, ежели даже пища можетъ тебя дѣлать несчастливою — послѣ этого говорить нѣчего! Дай Богъ, чтобы ты не ошиблась въ своемъ ожиданіи, и чтобы ты была благополучна въ великолѣпныхъ чертогахъ, для которыхъ, какъ мнѣ кажется, дѣлаешь ты весьма большое пожертвованіе.»

—Ежели я не найду счастія *въ великолѣпныхъ чертогахъ* — повторяю слова твои — то, тѣмъ менѣе могу надѣяться, по образу моихъ мыслей, быть счастливою въ хижинѣ. Разумѣется, гораздо-бы пріятнѣе для меня было, ежели-бы женихъ мой былъ молодъ и хорошъ собою; но еще говорю тебѣ—я къ этому весьма равнодушна. Самое главное: *онъ богатъ и знатенъ*. Сама разсуди: я буду жить въ изобиліи и независимости. Молодая дѣвушка, соединившая судьбу свою съ старымъ холостякомъ, имѣетъ все право повелѣвать имъ, и дѣлать изъ него все, что ей захочется. Одно только меня безпокоитъ — старухи, сестры его; онѣ вѣрно привыкли властвовать въ домѣ; но, я поставлю по своему, и при первомъ вступленіи покажу имъ, что я настоящая госпожа.

«Удивляюсь,» продолжала Софья, «какъ мы разно смотримъ на вещи. Хотя мы съ тобою родныя сестры, но образъ мыслей нашихъ во все несогласенъ.

Ежели-бы мнѣ должно было выйдти за мужъ за такого человѣка, какъ твой женихъ, то я не могла-бы сохранить моей веселости, и думать о бездѣлицахъ, которыя тебя восхищаютъ. Я постаралась-бы прежде разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ принимаемую мною на себя обязанность. И признаюсь: мысль, что мнѣ предстоитъ гораздо болѣе горя, чѣмъ удовольствія, ужаснула-бы меня, и заставила отказаться отъ такого брака.»

— Ты говоришь о непріятностяхъ — возразила Наталья—а, напротивъ, я совсѣмъ не вижу ихъ, и даже прошу тебя не открывать мнѣ, ежели ты, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь предусматриваешь. Хотя напередъ увѣрена я, что мнѣнія наши будутъ несогласны, но не пугай меня понапрасну, и не уничтожай моей увѣренности въ предстоящемъ мнѣ счастіи. Мы съ тобою, конечно, смотримъ на все разными глазами, но причина этому очень понятна. Мы получили воспитаніе неодинакое; первыя впечатлѣнія въ мо-

лодости, и потомъ жизнь наша были противоположны. Я увѣрена, что сама сестра Елисавета — которая, благодаря Бога, сдѣлала очень выгодную партію— если-бы она не плѣнила Князя Рамирскаго, то могла-бъ быть счастлива, такъ-же, какъ Каперина, и ты, съ какимъ нибудь бѣднымъ дворянином; но я съ молодости жила совсѣмъ въ другомъ кругу, и мнѣ тяжело отвыкнуть отъ моихъ привычекъ, укрѣпившихся въ продолженіе столь долгаго времени. Недостатокъ, и необходимость жить въ уединеніи были-бы для меня убійственны. Признаюсь: когда-бы не нашла я такого жениха, который теперь мнѣ представился, и была-бы обязана весь вѣкъ отказывать себѣ, по недостаткамъ, въ тѣхъ удовольствіяхъ и удобствахъ жизни, къ которымъ я съ малолѣтства привыкла, то была-бы весьма несчастлива, и, можетъ быть, горесть преждевременно прекратила-бы жизнь мою. Но чтобы окончить этотъ разговоръ, я готова

даже согласиться съ тобою въ безразсудности моей, однакожъ и ты будь безпристрастна. Ты сама сознаешся, что виновата въ этомъ не я, а болѣе маменушка. Ей не должно было отдалять меня отъ своего семейства, но приучить меня съ молодости къ образу своей жизни, и дать мнѣ такое-же воспитаніе, какое дано вамъ.»

ГЛАВА XIV.

« Il faut des époux assortis
« Dans les liens sacrés du mariage.
« Jeunes femmes et vieux maris
« Feront toujours mauvais ménage.

DUVAL.

«Должно, чтобы сообразность была
«въ священныхъ узахъ супружества.
«Молодыя жены и старые мужья ни-
«когда не составятъ доброй семьи...

Дювалъ.

Старая Холмская, прочтивъ волю, дала согласіе свое на бракъ Натальи съ Графомъ. Она ничего хорошаго не ожидала; но, по слабости характера своего, не умѣла она съ самаго начала, при воспитаніи дѣтей, заслужить ихъ уваженіе, и при-

обрѣсть отъ нихъ такую довѣренность, чтобы каждое слово ея было для нихъ закономъ. Она сама чувствовала, что надобно было дѣйствовать надлежащимъ образомъ съ самаго малолѣтства, и раскалвалась въ этомъ, но уже было поздно. Свіяжская нѣсколько разъ предостерегала ее, что она балуетъ дѣтей, и доказывала, что воспитаніе должно начинаться, такъ сказать, съ самаго дня рожденія ихъ. Родители должны, говорила Свіяжская, постепенно, соображаясь съ возрастомъ дѣтей, предупреждать всѣ дурныя наклонности и привычки. Во всякомъ человѣкѣ, при самомъ рожденіи его, есть зародышъ всѣхъ возможныхъ пороковъ, которымъ не должно давать усиливаться. Надобно стараться искоренять ихъ при самомъ началѣ, и для сего должно имѣть безпрерывное, неусыпное вниманіе, и дѣйствовать сообразно съ свойствами ребенка, съ инымъ строго, съ другимъ ласково, но во всякомъ случаѣ постоянно и

справедливо. Тогда сами дѣти будутъ гораздо болѣе привязаны къ нѣмъ, кто такимъ образомъ поступаетъ съ ними, будутъ уважать ихъ, и имѣть къ нимъ довѣренность, въ послѣдствіи времени столь необходимую, для взаимной пользы и счастія родителей и дѣтей. Холмская соглашалась во всемъ, но, по слабости характера, не умѣла воспользоваться такими совѣтами. Теперь раскаивалась она, и съ горестію упрекала себя въ несчастіи своихъ дѣтей.

Графъ Клешинъ самъ пріѣхалъ къ ней, рекомендовался, и просилъ согласія на вступленіе въ ея семейство. Привѣтливость его, свѣтскій тонъ, учтивость, и даже самая наружность, понравились Холмской и Аглаевымъ; они ожидали гораздо худшаго, думали найдти въ немъ грубаго, надмѣннаго и больнаго старика, но при свиданіи съ Графомъ открылось совсѣмъ противное.

Онъ самъ, также и Рамирскіе, убѣждали мать и Аглаевыхъ пріѣхать въ

Никольское на помолвку, и попомъ на свадьбу, которая была назначена черезъ нѣсколько дней послѣ помолвки. Аглаевы рѣшительно отказались, а Холмская согласилась даже на предложеніе Графа Клешнина, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ; но она была остановлена прибытіемъ сына своего, который, сохраняя приличія, пріѣхалъ къ ней просить позволенія жениться на Любинькѣ Фамусовой.

Оба сіи брака были не по сердцу Холмской Графъ Клешнинъ, хотя при личномъ свиданіи и понравился сй, но она видѣла, что ни по лѣтамъ, ни по знатности свсей, онъ совсѣмъ не пара ея дочери. Что касается до свадьбы Алексѣя, то нетолько сама невѣста, но и все семейство ея не было по праву Холмской. Она знала, что будущая невѣстка ея глупа, и дурно воспитана. Исторія Француза гувернера, съ которымъ молодая Фамусова хотѣла бѣжать, была всѣмъ извѣстна, и уже это одно не предвѣщало ничего хорошаго въ будущемъ. Холмской

непріятно было видѣть въ сынѣ такую привязанность къ интересу, потому, что одно только большое богатство было привлекательно въ Фамусовой; но съ горестію должна была Холмская признаться самой себѣ, что сопротивленіе ея будетъ безполезно, и что сынъ ея не послушаетъ. Со слезами на глазахъ, и съ стѣсненнымъ сердцемъ, изъявила она согласіе свое, и благословила его Образомъ.

Послѣ того, Фамусова, съ дочерью, пріѣзжала къ ней, и къ Агласевымъ, рекомендовашься.

По обычаю, Агласевы должны были сами ѣхать къ Фамусовымъ. Вскорѣ извѣстіе о женитьбѣ Холмскаго распространилось повсюду. Сундукова, съ дочерью своего Глафирою, прежде всѣхъ узнали, что еще одинъ выгодный женихъ упущенъ, и что уже не нужно болѣе разсуждать съ Алексѣемъ, и выхвалять ему прелести деревенской жизни.

Все это удержало старую Холмскую

нѣсколько лишнихъ дней. Графъ Клешнинъ уѣхалъ одинъ въ Никольское, и по прибытіи туда матери, немедленно сдѣлана была помолвка, а свадьба назначена черезъ недѣлю.

Въ продолженіе этой недѣли нѣсколько нарочныхъ ѣздили изъ Никольскаго въ Москву. Елисавета была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ совѣщаніяхъ Натальи, по важному предмету- нарядовъ. Она рекомендовала ей свою знакомую, модную торговку, и большая часть капитала Натальи, хранившагося въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, перешла на Кузнецкій мостъ. Съ неудовольствіемъ смотрѣла Софья на множество шляпокъ, чепчиковъ, платьевъ, и прочихъ нарядовъ, которые притомъ совсѣмъ были не нужны, даже и потому, что свадьба должна была совершиться въ деревнѣ, безъ всякихъ церемоній. Наталья не могла отвратить отъ себя внутреннихъ упрековъ, что она, отказавъ Софьѣ сдѣлать пособіе Аглаевымъ,

въ крайней нуждѣ ихъ, тратишь капиталъ свой на пустые наряды. Для успокоенія совѣсти своей, она предложила Софьѣ взять у нея въ займы, для Аглаевыхъ, двѣ тысячи рублей, которыя, говорила она, можетъ быть, я и совсѣмъ подарю, ежели найду въ будущемъ моемъ мужѣ ту щедрость, какую нынѣ имѣю все право предполагать, судя по множеству сдѣланныхъ имъ, богатыхъ подарковъ.

« Я еще хотѣла посовѣтоваться съ тобою » — прибавила Наталья. « Вчера Графъ говорилъ мнѣ, что послѣ свадьбы, по обыкновенію, надобно дѣлать подарки маменькѣ и сестрамъ. Онъ спрашивалъ мнѣнія моего, что кому подарить. Какъ ты, Софья, думаешь: что нужнѣе будетъ Катеринѣ и мужу ея? »

— Самый пріятный и нужный подарокъ для нихъ—отвѣчала Софья—деньги. И мнѣ, говоришь ты, Графъ намѣренъ подарить что нибудь, но я предпочла бы также деньги. Объ этомъ просила я и брата Алексѣя. —

Наталья, догадываясь, что Софья желаетъ получить свой подарокъ деньгами затѣмъ, чтобы обратить ихъ въ пособіе Аглаевымъ, не съ большимъ удовольствіемъ приняла это предложеніе. Ей совѣстно было открыть Графу, что сестра ея въ такой крайности; притомъ-же она разсчитывала, что деньгами мало дать нельзя, и что подарокъ вещами стоилъ-бы гораздо дешевле. «Я не знаю, какъ мнѣ сказать Графу, чтобы онъ, и сестрѣ и тебѣ подарилъ деньгами,» возразила Наталья.—« Открывать ему, при первомъ вступленіи его въ наше семейство, что сестра находится въ такой нуждѣ и что мужъ у нее мотъ, не только непріятно, но и неприлично. Нѣчего дѣлать: я дамъ тебѣ и ей свои деньги, а онъ пускай подаритъ вещами, какъ располагалъ. Вотъ вамъ обѣимъ 1500 рублей» — прибавила она, со вздохомъ, вынимая деньги изъ своей шкатулки. —

Наконецъ, наступилъ счастливый день

свадьбы Наталья. Она не могла скрывать своего восхищенія, что скоро будетъ *знатною барынею*, и притомъ еще *Графинею*.

Свадьба была безъ церемоній. Одни только родные Натальи присутствовали при совершеніи сего брака. Со стороны Графа Клешнина никого не было. По необходимости, долженъ онъ былъ просить Князя Рамирскаго быть его посаженымъ отцемъ. Съ восторгомъ принялъ сіе предложеніе Рамирскій, и разъ двадцать въ продолженіе того дня повторялъ: «Могъли я повѣрить, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, служивши Прапорщикомъ подъ командою Графа Ѳедора Степановича, котораго я всегда чрезвычайно боялся, что судьба приведетъ меня, на свадьбѣ его, быть у него посаженымъ отцемъ! Вотъ какія чудеса дѣлаются въ здѣшнемъ мірѣ! Ни за что отвѣчать нельзя: я никакъ не ожидалъ, и во снѣ никогда мнѣ не привидѣлось-бы такой чести!»

Домъ, дорога, и самая церковь, были

великолѣпно иллюминованы, и всѣ комнаты въ домѣ ярко освѣщены. По возвращеніи молодыхъ, и при питьѣ за здоровье ихъ, было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ спаринныхъ, чугунныхъ пушекъ. Полковые музыканты играли во время ужина; все шло своимъ порядкомъ. Молодая принимала поздравленія съ видомъ самодовольства. Наименованія: *Ваше Сіятельство*, *Графиня*, были пріятнѣе для слуха ея, нежели самое лучшее пѣніе первыхъ виртуозовъ. Впрочемъ, мать и Софья гораздо болѣе Натальи тронуты были, при совершеніи священнаго обряда, отъ котораго зависитъ счастіе или несчастіе всей жизни. На лицѣ Натальи изображалось спокойствіе и равнодушіе какъ и всегда. Одна только перемѣна замѣтна была въ ней: въ обращеніи своемъ сдѣлалась она еще холоднѣе и надмѣннѣе, чѣмъ была прежде. Можно было съ достовѣрностію заключать, что она *съ честію* поддержитъ знатность своего мужа.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Графъ Клешинъ расположился ѣхать домой. Бѣдный Молчалинъ, хлопотавшій отъ всей души о совершеніи сего брака, вскорѣ увѣрился, что онъ ужасно ошибся въ своемъ разсчетѣ. Жизнь его сдѣлалась гораздо тягостнѣе. Онъ не могъ уже быть такъ часто наединѣ съ Графомъ Клешинымъ, и пользоваться довѣренностію и коротким обращеніемъ съ его, какъ это было прежде, а взыскательность и ругательства чувствовалъ онъ теперь гораздо чаще. При сборахъ въ дорогу, захромавшая лошадь и пьяный кучеръ были поводомъ къ большимъ для него непріятностямъ. Графъ Клешинъ разгорячился, наказалъ ему многежество грубостей, упрекалъ его въ неблагодарности, говорилъ, что его поитъ и кормитъ, а онъ, неблагодарный, ни за чѣмъ не хочетъ присмотрѣть. Графиня, съ своей стороны, также наговорила ему непріятностей, и подгорячила мужа. Молчалинъ — поклялся отмстить ей!

Съ большимъ неудовольствіемъ Софья видѣла все это. Оставшись наединѣ, съ Наташею, она предостерегала ее. «Не говорю уже о томъ, что обязанность жены — стараться, сколько возможно, укрощать гнѣвъ и вспыльчивость мужа, а не подливать масла на огонь, какъ ты поступила» — сказала ей Софья. — Но кромѣ того, ты неблагоразумно и неловко сдѣлала, наговоривъ сама грубости Молчалину. Вспомни, сколько лѣтъ живетъ онъ вмѣстѣ съ твоимъ мужемъ. Онъ знаетъ его характеръ, умѣетъ пользоваться его слабостями. Удивляюсь, какъ не замѣтила ты, что онъ дѣлаетъ изъ него именно все, что захочетъ: это необходимое слѣдствіе вспыльчиваго и своевольнаго характера. Ты говоришь, что жила въ большомъ свѣтѣ; но видно, что ты мало наблюдала, и не увѣрилась въ извѣстной, и неоспоримой истинѣ, что почти всякій, избалованный воспитаніемъ, знатный и богатый, *Русскій баринъ* состоитъ всегда

въ полной зависимости окружающихъ его. Онъ горячится, сердится, позволяетъ себѣ говорить имъ всякія дерзости; но, когда сумасбродный гнѣвъ его проходитъ, то онъ поступаетъ снова въ распоряженіе тѣхъ, кто беретъ на себя трудъ управлять имъ. Люди такого рода готовы перенесть все, но за то и дѣлаютъ они изъ своихъ повелителей все, что имъ хочется. Молчалинъ точно принадлежитъ къ сословію такихъ людей, и ты сама послѣ будешь раскаяваться, что возстановила его противъ себя.»

Наталья съ неудовольствіемъ слушала Софью, и отвѣчала довольно сухо, что она сама знаетъ, какъ ей должно дѣйствовать. Потомъ, одумавшись, и отдавая внутренно всю справедливость благонамѣреннымъ совѣтамъ сестры, она сказала: «Я прежде говорила тебѣ, что при первомъ вступленіи, мнѣ должно всѣхъ поставить по своему, прекратить власть сестеръ Графа въ его домѣ, и самымъ дѣломъ увѣрить, что я настоя-

щая госпожа. Слѣдуя сему плану, мнѣ надобно было, съ самаго начала, показать этому Молчалину строгость и взыскательность мою,—*дать* что называется, *острастку*. Повѣрь мнѣ: я поступила въ этомъ случаѣ безъ всякой горячности, и по хладнокровному размышленію.

— Я откровенно объяснила тебѣ мой образъ мыслей—отвѣчала Софья.—Впрочемъ, дѣйствуй, какъ тебѣ лучше кажется. Я сдѣлала свое дѣло, и еще тебѣ говорю: ты послѣ будешь раскаяваться, озлобивъ Молчалина прошивъ себя, совсѣмъ по пустому. —

Молчалинъ точно зналъ характеръ Графа Клешнина очень хорошо, и зналъ, какъ надобно поступать съ нимъ. Онъ притворился сильно оскорбленнымъ, на вопросы Графа началъ отвѣчать коротко, холодно, и отдалялся отъ него. Тутъ Графъ Клешнинъ самъ сталъ ухаживать за нимъ, разговаривать по пріятельски, шутить, словомъ — употреблять всѣ

средства, чтобы успокоить и укротить мнимый гнѣвъ Молчалина; но Наталья продолжала обходиться съ нимъ высока, давала ему приказанія свои повелительнымъ тономъ, и это еще болѣе ожесточило Молчалина противъ нея.

Наконецъ, *молодые* отправились изъ Никольскаго. Тщетно Графъ и Наталья убѣждали Софью ѣхать вмѣстѣ съ ними. Она отговорилась тѣмъ, что они поѣдутъ не прямо домой, а нѣсколько дней пробудутъ въ Москвѣ, за тѣмъ, чтобы дѣлать визиты роднымъ, и коротким знакомымъ Графа. Она обѣщалась послѣ пріѣхать къ нимъ, вмѣстѣ съ матерью. Рамирскіе дали также слово быть у нихъ.

Въ одно время съ *молодыми*, и старая Холмская уѣхала домой. Софья отправила съ нею къ Аглаевымъ всѣ *вырученныя* ею деньги и подарки. Ей самой хотѣлось къ нимъ возвратиться; но Свіяжская убѣдила ее остаться въ Никол-

скомъ, до того времени, пока мать къ назначенному времени пріѣдетъ за нею, и обѣ отправятся прожить нѣсколько времени съ Свіяжскою.

ГЛАВА XV.

« In what strange disorders are bred
« in the minds of those men whose
« passions are not regulated by virtue
« and disciplined by reason.

FIELDING.

« Въ какомъ странномъ безпорядкѣ
« умы тѣхъ людей, страсти коихъ
« не управляются добродѣтелью, и
« не подчиняются разсудку.

Фильдингъ.

Старая Холмская и Софья, во время пребыванія въ Никольскомъ, нѣсколько разъ разсуждали между собою, и удивлялись согласію и дружескому обращенію Князя Рамирскаго съ его женою, въ особенности-же послѣ прежнихъ безпрестан-

пыхъ ссоръ и непріятностей. Теперь, напротивъ, видна была угодливость со стороны мужа, и взаимное снисхожденіе другъ къ другу. Казалось, что Елисавета пріобрѣла прежнее уваженіе Князя, и Софьи даже боялась, чтобы она не употребила во зло странной и непостижимой поверхности надъ нимъ. Такая внезапная перемѣна скрываетъ какую нибудь тайну—думала Софья; но она не могла проникнуть сей тайны, до тѣхъ поръ, пока были гости. Мать Елисаветы и другіе поѣхали въ твердой увѣренности, что оставляютъ самыхъ счастливыхъ супруговъ въ мірѣ. Но послѣ отъѣзда матери возобновились прежнія жалобы Елисаветы, и веселость и удовольствіе, блиставшія въ глазахъ ея, изчезли, когда она осталась одна.

«Какая пустота! Какая несносная скука!» сказала она, спустя дни два по отъѣздѣ гостей.—«Князь! я непремѣнно хочу ѣхать въ Москву; надѣюсь, что ты согласишься?»

—Не знаю, отъ чего вдругъ пришло

тебѣ такое желаніе, — отвѣчалъ онъ, съ неудовольствіемъ, но и съ видомъ боязни, отъ приближающейся жестокой бури. — Что дѣлать теперь въ Москвѣ? Тамъ нѣтъ еще никого; всѣ живутъ въ деревняхъ, и тебѣ самой извѣстно, что въ эту пору мнѣ нельзя отлучиться отсюда. Притомъ-же, кажется, что это время ты довольно повеселилась—можно-бы и отдохнуть.

«Отъ того-то именно, что много было народа, и что я довольно пріятно провела это время, мнѣ несносно теперь здѣсь. Кажется, что я осталась, какъ будто одна, въ какой-то необитаемой пустынѣ. Да, скажи, сдѣлай одолженіе: отъ чего ты не хотѣлъ, чтобы я ѣхала вмѣстѣ съ Клешиными, въ ихъ подмосковную?»

—Помилуй, и сама разсуди: къ чему ѣхать такую даль, и тратить по пустому деньги? И какой разсчетъ, когда ты только что разсталась съ сестрою?—

«Очень кстати сказалъ ты слово:

разсчетъ. Я говорю тебѣ не о разсчетѣ, а объ удовольствіи. Вижу, что ты непремѣнно хочешь поставить по своему, однакожъ, и я не менѣе тебя упряма. Рѣшительно говорю тебѣ, что я ѣду отсюда. Ежели ты не пускаешь меня, ни въ Москву, ни въ подмосковную къ Графу Клешнину, то я поѣду, съ Софьею, къ тетушкѣ Прасковьѣ Васильевнѣ. Когда ты отправляешься отсюда?» продолжала она, обращаясь къ Софьѣ.

— Напрасно ты спрашиваешь объ этомъ—возразилъ Князь Рамирскій сердито. — Ты изволишь говорить рѣшительно о намѣреніи твоемъ ѣхать, а я тебѣ также рѣшительно объявляю, что ни одного шага отсюда ты не сдѣлаешь. Кажется, по милости твоей, истратилъ я довольно на угощеніе твоихъ гостей. У меня не достанетъ денегъ на всѣ капризы и сумасбродство твое.

«Не достанетъ денегъ! — отвѣчала Елисавета, не только съ запальчивостію, но почти съ изступленіемъ.—Не доста-

нетъ денегъ на мои, какъ ты называешь, капризы, но есть, на издержки благородныя и приличныя, а для распутства твоего, для твоего развращеннаго поведенія денегъ у тебя всегда достаетъ! Конечно, онѣ тебѣ нужны для содержанія. . . .: »

—Остановись—не продолжай далѣе!— вскричалъ Князь Рамирскій, задыхаясь отъ бѣшенства. Гнѣвъ и стыдъ измѣнили всѣ черты лица его. —Не забудь своего обѣщанія! Кажется, я съ своей стороны все исполнилъ, въ чемъ далъ тебѣ слово! —

При сихъ словахъ, Софья вспала со стула, и хотѣла уйдти изъ комнаты; но Елисавета, сама себя не помня въ горячности, схватила ее за руку и, заливаясь слезами, просила остаться. «Ты должна все узнать,» продолжала она. — Я хочу снять маску съ него, не только передъ тобою, но и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ отказываетъ мнѣ во всемъ, и разгорается на любовницу свою, со-

сѣдку нашу, бѣдную здѣшнюю дворянку, Лезбосову. Эта гнусная тварь дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ. Онъ за тѣмъ отпускалъ меня къ маменькѣ и сестрѣ, чтобы отдалить отсюда, и предаться на свободѣ своему распутству. Измѣнникъ, развратникъ, подлый человѣкъ! Онъ думалъ, что я ничего не узнаю; но одна добрая, вѣрная пріятельница моя открыла мнѣ глаза. Я получила изъ Москвы безыменное письмо, и потомъ точно увѣрилась въ его вѣроломствѣ, измѣнѣ, распутствѣ....»

— Я ничего болѣе не хочу знать и слушать — сказала Софья. — Довольно и того, что ты позволила себѣ говорить при мнѣ, на счетъ самаго ближняго для тебя человѣка, и этого слишкомъ достаточно къ твоему обвиненію.

«Какъ: къ *моему* обвиненію? Стало быть, ты его оправдываешь? Вотъ прекрасныя правила!»

— Напротивъ, я осуждаю Князя, ежели онъ точно такъ поступилъ. Но...

«Точно такъ поступилъ?—По этому ты мнѣ не вѣришь?» продолжала запальчиво Елисавета. — Но спроси у него; безстыдство его не можетъ простираться до такой степени, чтобы запереться въ томъ, въ чемъ онъ самъ признался мнѣ—спроси его. . . .»

— Я не въ правѣ дѣлать ему такихъ вопросовъ—отвѣчала Софья. — По, послѣ того, что я слышала, послѣ такой тягостной сцены, которой ты сдѣлала меня свидѣтельницею — я не могу, и не хочу долѣе оставаться у васъ въ домѣ.—

«Выслушайте меня, Софья Васильевна,» сказалъ Князь Рамирскій, въ большомъ волненіи.

— Нѣтъ, не могу, и не хочу ничего слушать — продолжала Софья. — Виноваты-ли вы, или правы, это совсѣмъ до меня не принадлежитъ; я не въ правѣ вступаться въ такое дѣло; вамъ не должно было вмѣшивать меня и избирать повѣренною. Я очень оскорблена поступкомъ противъ меня сестры. Мож-

но-ли до такой степени забыться, и въ горячности открыть мнѣ такую ужасную тайну, когда обязанность ея была употребить всѣ средства, чтобы скрыть даже малѣйшее подозрѣніе! Вы, Князь Борисъ Матвѣевичъ, правы-ли, или точно нарушили долгъ честнаго человѣка и Христіанина — не мое дѣло знать. Обоихъ васъ прошу я не избирать меня посредницею. Не удерживайте меня болѣе. Я когда пріѣду къ вамъ опять, когда все кончится между вами, и вы помиритесь. Не останавливай меня, Елисавета; еще тебѣ повторяю: все, что ты ни будешь говорить, служитъ къ твоему обвиненію. —

Софья вышла изъ комнаты при сихъ словахъ. Глубокое, продолжительное молчаніе, и тишина, были слѣдствіемъ сей ужасной бури. И мужъ и жена внутренно обвиняли себя, но оба хотѣли *поддержать характеръ*. Ни онъ, ни она, не дѣлали другъ другу предложенія о мирѣ.

Въ семъ положеніи нашла ихъ Софья,

пришедши къ обѣду. Она не хотѣла было выходить изъ своей комнаты; но Елисавета убѣдительно просила ее, и дала слово—при ней не продолжать ссоры своей съ мужемъ. Софья видѣла, что всѣ усилія примирить будутъ безполезны. Жизнь въ Никольскомъ была слишкомъ для нея тягостна; она написала къ Свіяжской, чтобы, или сама она пріѣхала, или прислала за нею поскорѣе экипажъ. Поручивъ дѣвушкѣ своей нанять мужика, Софья отправила поспѣшасъ свое письмо.

Черезъ нѣсколько дней карета Свіяжской явилась въ Никольское. Свіяжская извинялась, что сама не могла пріѣхать, за болѣзнію. Софья поняла настоящую причину.

Сколько ни старалась между тѣмъ Софья отклонить отъ себя разговоръ о столь непріятномъ предметѣ, но оба, и мужъ и жена, хотѣли оправдаться, или, по крайней мѣрѣ, по возможности извинить себя. Она не могла отдѣлать-

ся отъ сестры. Оставшись наединѣ, Елисавета сообщила Софьѣ всѣ подробности. Но не взирая на то, что Елисавета разсказывала въ свою пользу, не взирая на невольное предубѣжденіе сердца къ сестрѣ, Софья не могла совершенно оправдать ее, хотя по справедливости обвиняла болѣе мужа ея. Невѣрность его, и дурное поведеніе, были явны, но по собственному разсказу Елисаветы увѣрилась также Софья, что безпрестанныя ссоры и непріятности ея съ мужемъ были поводомъ, что онъ сталъ часто отлучаться изъ своего дома. Случайно встрѣтился онъ съ хитрою кокеткою, которая умѣла завлечь его. Но Рамирскій скоро самъ раскаялся, и отдалился отъ порочной связи: сердце его не было развращено. Онъ старался скрыть въ глубочайшей тайнѣ свое временное заблужденіе; но безыменное письмо, полученное женою его изъ Москвы (Софья догадывалась, что письмо было отъ Графини Хлестовой), обнаружило ей поступки

мужа. Потомъ, *добрые, услужливые* люди, всегда готовые вмѣшиваться не въ свои дѣла, личные враги Князя Рамирскаго— Арбатовы, не только все подтвердили, но прибавили многое отъ себя, а Елисавета, вмѣсто того, чтобы не позволять никому говорить ей что нибудь дурное о мужѣ, слушала всѣхъ, и всему вѣрила. Хотя она обѣщалась не открывать мужу отъ кого она все знала, но въ тотъ-же день, послѣ чая, когда Князь Рамирскій, взявъ со стола картузъ свой, хотѣлъ куда-то идти, не выдержала, разсказала все, осыпала его упреками, и, завлекаясь болѣе и болѣе своею запальчивостію, вышла изъ всѣхъ границъ. Какъ громомъ, пораженъ былъ Князь ея словами; внутреннее сознаніе въ преступленіи своемъ лишило его возможности, не только запираться, но даже извинять себя.

До какой степени можетъ дойдти бѣшеная и ревнивая женщина — этого описать невозможно! Привязанности и уваженія къ своему мужу Елисавета

никогда не имѣла; слѣдовательно, чувства сіи не могли, хоть-бы сколько нибудь, смягчить ея выраженій. Оскорбленное самолюбіе, гордость, досада, презрѣніе раздирали ея сердце, и увеличивали бѣшенство. Князь Рамирскій думалъ, что онъ уже довольно наказанъ, выслушавъ съ терпѣніемъ множество ужасныхъ ругательствъ. Онъ отвѣчалъ, что хотя не можетъ запираться и скрывать временную и непозволительную связь свою, но что поводомъ ко всему была сама, жена его; что по ея милости домъ его сдѣлался ему несноснымъ; что отъ пятогодишной скуки, и безпрерывныхъ непріятностей ея, онъ, по неволѣ, долженъ былъ часто отлучаться. Все это, какъ можно себѣ вообразить, не способствовало къ укрощенію гнѣва Елисаветы. Взаимные упреки другъ другу, и ругательства, кончились тѣмъ, что супруги уполномочились взаимно, а слѣдствіемъ сего былъ нѣкоторый родъ примиренія. Князь Рамирскій далъ слово — прекратить на-

всегда связь свою съ Лезбосовою, и никогда съ нею болѣе не видаться. Елисавета также обѣщалась—прервать сношенія свои и знакомство съ Арбатовыми, не сообщать сего происшествія семейству своему, болѣе-же всего скрыть его отъ Софьи, которую Князь Рамирскій душевно уважалъ, дорожа хорошимъ ея мнѣніемъ.

Будучи гораздо умнѣе своего мужа, Елисавета воспользовалась симъ случаемъ, и взяла надъ нимъ поверхность. *Кстати* угрожая ему открытіемъ тайны, она дѣлала изъ него все, что ей хотѣлось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по легкомыслію своему, не имѣла она искусства быть *великодушною*, и утвердить власть свою на твердомъ основаніи. Врожденное чувство властолюбія, и гордость, завлекли ее; она употребила во зло пріобрѣтенную случайно поверхность. Слишкомъ натянутая струна всегда лопнетъ, и Елисавета сама себя лишила, по неловкости своей, благопріятнаго случая со-

хранить поверхность власть надъ мужемъ на весь вѣкъ.

По несчастному—и весьма несправедливому предубѣжденію, нарушеніе вѣрности извиняется мужчинѣ, когда женщину подвергаетъ оно, напротивъ вѣчному посрамленію. Князь Рамирскій вскорѣ успокоилъ совѣсть свою, послѣ сцены съ женою въ присутствіи Софьи. Онъ началъ думать, что не онъ первый, и не онъ послѣдній преступникъ такого рода, что почти всѣ мужья такъ поступаютъ, и притомъ жена его, позволивъ себѣ наговорить ему столько грубостей и ругательствъ, довольно отмстила ему, и получила уже все удовлетвореніе. Разсуждая такимъ образомъ, хотя и не принялъ онъ намѣренія продолжать далѣе связь свою съ Лезбосовою, но постепенно успокоился, и пересталъ упрекать себя.

Софья слышала только оправданіе сестры; съ мужемъ ея старалась она избѣгнуть объясненія. Преступленіе его,

по мнѣнію Софьи, было ужасно, хотя она не могла также оправдать и Елисаветы. Разсматривая предметъ въ томъ и въ другомъ отношеніи, она, съ горестію, должна была внутренно увѣриться, что надежда на счастливую и спокойную жизнь для Рамирскихъ уничтожилась на вѣкъ

Князь Рамирскій, бывъ уже объявленъ въ семействѣ жены своей человѣкомъ развратнымъ, не имѣлъ болѣе нужды щадить ее, и, по крайней мѣрѣ, хотя для приличій, сохранять наружность согласной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ видѣлъ, что если въ общемъ мнѣніи и не будутъ слишкомъ строго осуждать его, но все онъ уже потерялъ на вѣкъ уваженіе Софьи и Свіяжской; это еще болѣе увеличивало негодованіе его противъ жены.

Елисавета сама чувствовала, когда гнѣвъ и запальчивость ея укротились, всю неосторожность свою, и упрекала себя, какъ обыкновенно случается съ людь-

ми вспыльчивыми и бѣшеными. Пребываніе Софьи служило ей нѣкоторымъ покровительствомъ; мужъ ея всегда поступалъ съ нею въ это время снисходительнѣе и лучше. Она убѣдительнѣйше просила Софью остаться, и, чтобы еще болѣе придать силы просьбѣ своей, рѣшилась уговаривать ее при мужѣ; но опять поступила она съ большою неловкостью.

«Милая, добрая Сонечка! сдѣлай одолженіе, поживи еще съ нами» — сказала она ей.—«Войди въ мое положеніе. Лишь только ты уѣдешь, начнутся опять наши ссоры. Онъ» — продолжала Елисавета, показывая на мужа — «такъ возстановленъ противъ меня, и сердитъ, что безъ тебя мнѣ житья отъ него не будетъ. Не смотря на то, что самъ кругомъ виноватъ, онъ забываетъ всѣ свои проступки, и опять станетъ упрекать меня, что будто-бы я всему причиною.»

— Напрасно ты опасаешься—отвѣчалъ

Князь Рамирскій, холодно. — Все кончено. Будь увѣрена, что я ни въ чемъ упрекать тебя не стану. Съ этихъ поръ мы будемъ жить въ совершенной независимости другъ отъ друга, какъ кому изъ насъ хочется. Споровъ у насъ съ тобою никакихъ не будетъ. Будь напередъ увѣрена, что ни слезы, ни ругательства, ни упреки твои—никакого дѣйствія имѣть на меня не будутъ. На самомъ опытѣ ты мнѣ доказала, что никогда не любила и не уважала меня. Ты рѣшилась обезславить меня въ присутствіи Софьи Васильевны, когда тебѣ было извѣстно, что я дорожилъ хорошимъ мнѣніемъ ея — болѣе всѣхъ въ нашемъ семействѣ. Ты не сдержала своего обѣщанія. Теперь, еще повторяю, все между нами кончено. Я не подамъ тебѣ впередъ поведеніемъ моимъ никакого повода къ упрекамъ; но и ты должна повиноваться мнѣ, и дѣлать то, что мнѣ хочется. Что касается до васъ, любезная сестрица — продолжалъ онъ, обра-

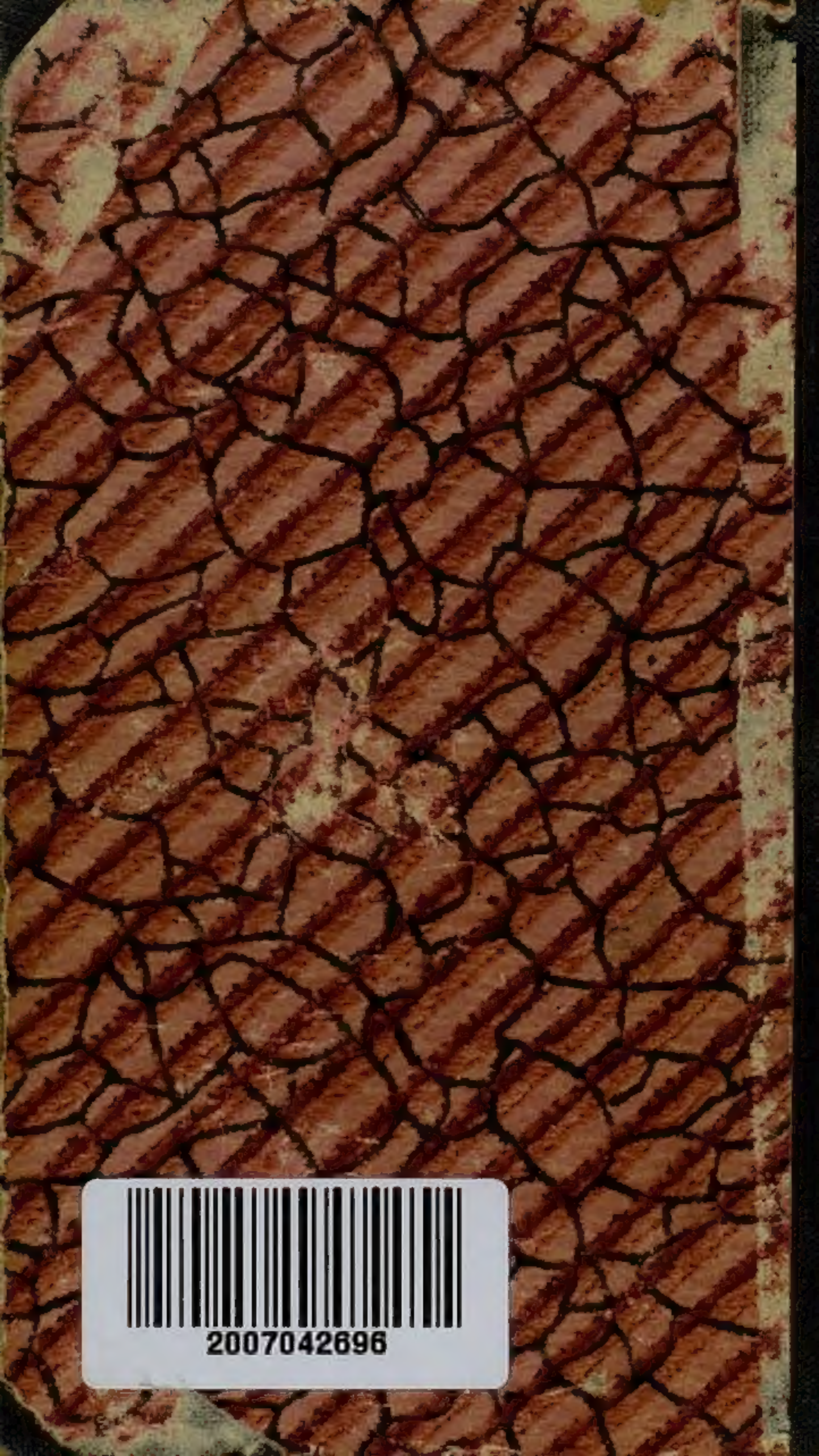
щаясь къ Софьѣ — я очень буду радъ, ежели вы еще останетесь у насъ пожить, но я не смѣю упрашивать. Къ несчастію — не могу я думать, чтобы жизнь у насъ могла быть вамъ пріятною. Во всякомъ случаѣ, когда вы вздумаете насъ посѣтить — нѣтъ нужды увѣрять, что вы всегда съ удовольствіемъ будете приняты; но не хочу обманывать васъ: и ваше присутствіе не можетъ уже сдѣлать никакой перемѣны въ образѣ моихъ мыслей, и въ твердомъ намѣреніи, какъ поступать мнѣ съ женою. Еще повторяю: я не подамъ поведеніемъ моимъ никакого повода къ упрекамъ, однакожъ— ошибкѣ, ни ласки, ни ругательства ея, не будутъ имѣть никакого дѣйствія надо мною, и коль скоро, хотя немного будетъ мнѣ скучно дома, я тотчасъ отправлюсь искать разсѣянія въ обществѣ людей—пріятнѣе жены моей. Но карета ваша готова; позвольте мнѣ проститься съ вами!—Онъ поцѣловалъ руку Софьи, и вышелъ вонъ.

Елисавета залилась горькими слезами, и бросилась въ объятія Софьи. «Все кончено! Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ только желать поскорѣе умереть!» сказала она. — «Я никогда не видывала его до такой степени сердитымъ, и — къ несчастію — сама признаться должна, что онъ никогда такъ сильно, такъ справедливо, и такъ разсудительно не говорилъ, какъ теперь! Чувствую, что сама я во всемъ виноваша, и не знаю, какъ поправить! Богъ съ тобою, любезный, истинный другъ мой Софья! поѣзжай, я не удерживаю тебя болѣе. За что тебѣ мучиться, смотря на меня? Ты не имѣешь никакихъ средствъ помочь мнѣ. Теперь понимаю, какъ справедливо ты говаривала мнѣ, и предостерегала меня! Я не умѣла пользоваться твоими совѣтами»..... — Софья, отъ слезъ, не могла ни слова сказать ей; онѣ поцѣловались; Елисавета, съ горестію, проводила ее до кареты.

По отъѣздѣ Софьи, оставшись одна,

чувствовала она ужасную пустоту. Ей казалось, что она одна осталась во всемъ мірѣ, что все кончено для нея въ здѣшней жизни, и ничего болѣе не остается, кромѣ смерти. Отъ сильнаго душевнаго волненія сдѣлалась у нея жестокая головная боль. Къ ужину пришла она съ завязанною головою, и распухшими отъ слезъ глазами. Но мужъ ея показывалъ, будто ничего не замѣчаетъ, очень хладнокровно ѣлъ, и не говорилъ ни слова.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.


20070426696